

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8379 (print)

2017 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

серия

ЛИНГВИСТИКА

Научный журнал основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по филологическим наукам: группа специальностей «Языкознание» (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philology: the “Linguistics” specialties group (10.02.00).

ISSN 2072-8379 (print)

2017 / № 1

ISSN 2310-712X (online)

series

LINGUISTICS

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 6 раз в год

**Редакционно-издательский совет
«Вестника Московского государственного
областного университета»**

Хроменков П.Н. – к. филол. н., проф., ректор МГОУ (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления (зам. председателя), МГОУ

Клычников В.М. – к. ю. н., к. и. н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству МГОУ (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д. пед. н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д. псх. н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д. ф. н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Манойло А.В. – д. полит. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д. э. н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д. пед. н., проф., МГОУ

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д. ф.-м. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д. филол. н., проф., МГОУ

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2017. – № 1. – 128 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26301

Индекс серии «Лингвистика»

по Объединенному каталогу «Пресса России» 40713

© МГОУ, 2017.

© ИИУ МГОУ, 2017.

**Редакционная коллегия серии
«Лингвистика»**

Ответственный редактор серии:

Ощепкова В.В. – д. филол. н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Жирова И.Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Максименко О.И. – д. филол. н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии серии:

Левченко М.Н. – д. филол. н., проф., МГОУ

Скуратов И.В. – д. филол. н., доц., МГОУ

Гринев-Гриневиц С.В. – д. филол. н., проф., Белостокский университет (Польша)

Епифанцева Н.Г. – д. филол. н., проф., МГОУ

Пан Ке Ен – д. филол. н., проф., Университет иностранных языков Хангук (Республика Корея)

Латышев Л.К. – д. филол. н., проф., МГОУ

Туголукова Г.И. – к. филол. н., проф., МГОУ

Сесил Л. Нельсон – доктор лингвистики, Университет штата Индиана (г. Терре-Хот, США)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»:**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow Region State University

Issued 6 times a year

Series editorial board «Linguistics»

Editor-in-chief:

V.V. Oshchepkova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

I.G. Zhirova – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

O.I. Maksimenko – Doctor of Philology, Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

M.N. Levchenko – Doctor of Philology, Professor, MRSU;

I.V. Skuratov – Doctor of Philology, Associate Professor,

MRSU; **S.V. Grinev-Grinevich** – Doctor of Philology, Profes-

sor, Bialystok University (Poland); **N.G. Yepifantseva** – Doc-

tor of Philology, Professor, MRSU; **Pang Gyo-Youn** – Doctor

of Philology, Professor, Hankuk University of Foreign Studies

(Korea); **L.K. Latyshev** – Doctor of Philology, Professor,

MRSU; **G.I. Tugolukova** – Ph. D. in Philology, Professor,

MRSU; **Cecil L. Nelson** – Doctor of Linguistics, Indiana State

University (Terre Haute, Indiana, USA)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index (RSCI), has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru).

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

The Editorial Board address: Moscow State Regional University

10A, Radio st., office 98

Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6104); (495) 723-56-31

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

Publishing council «Bulletin of the Moscow Region State University»

P.N. Khromenkov – Ph.D. in Philology, Professor, Rector of MRSU (Chairman of the Council)

E.S. Yefremova – Ph.D. in Philology, Head of Information and Publishing Department (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph.D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MRSU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjlov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MRSU

Yu.M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of “Literaturnaya Gazeta”

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G.T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MRSU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2310-712X (online)

ISSN 2072-8379 (print)

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics. – 2017. – № 1. – 128 p.

The series «Linguistics» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26301.

**Index of the series «Linguistics» according to the
Union catalog «Press of Russia» 40713**

© MRSU, 2017.

© Information & Publishing department of MRSU, 2017.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.</i> АНТИНОМИЯ ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА).....	6
<i>Махрова М.М.</i> ИНФОГРАФИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....	15
<i>Самоделкин А.А.</i> ТЕМА И РЕМА В ПОНИМАНИИ ПРАЖСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА И СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ М.А.К. ХЭЛЛИДЕЯ.....	24
<i>Сафонкина С.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА.....	32
<i>Ущико О.И.</i> К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ СЛОВА «ХИРУРГИЯ». ИСТОРИКО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	50

РАЗДЕЛ II РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Кривко Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ИМЁН КОММЕРЧЕСКИХ МАРОК.....	60
<i>Перепеченов А.В.</i> СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАТИВНЫХ И КОНТАКТООУСТАНОВЛИВАЮЩИХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ).....	67

РАЗДЕЛ III ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Дронов П.С., Полян А.Л.</i> ФРАЗЕОЛОГИЯ СКВОЗЬ ЗУБЫ: МЕТАФОРЫ КОГНИЦИИ, ЭМОЦИЙ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВАРЬИРОВАНИЕ У ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ ЗУБ / ЗУБЫ.....	76
<i>Клирик В.А.</i> ПРИЁМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ГРАФИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СВОЙСТВА И ФУНКЦИИ.....	99
<i>Яфаров Р.Х.</i> ПРОЦЕСС НОМИНАЦИИ ВИДОВ ЗИМНЕГО СПОРТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....	108

РАЗДЕЛ IV СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Тимофеева А.А.</i> КВАЗИРЕАЛИИ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» В ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ» И ЕЁ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК.....	117
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Скуратов И.В.</i> РОМАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 21–22 ИЮНЯ 2016 Г.)....	125
---	-----

CONTENTS

SECTION I THEORY OF LANGUAGE

<i>I. Belyaeva, G. Khukhuni.</i> TRANSLATABILITY/UNTRANSLATABILITY ANTINOMY IN THE HISTORY OF TRANSLATION (TO THE 250 TH ANIVERSARY OF WILHELM VON HUMBOLDT`S BIRTHDAY).....	6
<i>M. Makhrova.</i> INFOGRAPHICS AS A TOOL OF CONVEYING INFORMATION: LINGUISTIC ASPECT	15
<i>A. Samodelkin.</i> THEME AND RHEME FROM THE POINTS OF VIEW OF PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE AND M. A. K. HALLIDAY`S SYSTEMIC_FUNCTIONAL SCHOOL.....	24
<i>S. Safonkina.</i> JEROME K. JEROME`S IDIOSTYLE FEATURES.....	32
<i>O. Ushcheko.</i> TERMINOLOGIZATION OF THE WORD "SURGERY". THE HISTORICAL AND DIACHRONIC ANALYSIS	50

SECTION II ROMAN LANGUAGES

<i>N. Krivko.</i> SEMANTICS OF THE FRENCH VERB DERIVED FROM THE NAMES OF COMMERCIAL BRANDS.....	60
<i>A. Perepechenov.</i> THE STRATEGIES OF CREATING INFORMATIVE AND CONTACT_MAKING HEADLINES (IN MATERIALS OF THE FRENCH PRESS)	67

SECTION III GERMAN LANGUAGES

<i>P. Dronov, A. Polyay.</i> PHRASEOLOGY <i>THROUGH ONE`S TEETH</i> : COGNITION, EMOTION, AND SPEECH METAPHORS IN IDIOMS WITH THE CONSTITUENT <i>TOOTH / TEETH</i>	76
<i>V. Klimik.</i> TECHNIQUES OF ALTERNATIVE GRAPHIC CODING IN ENGLISH FICTION: FEATURES AND FUNCTIONS	99
<i>R. Yafarov.</i> ON THE NOMINATION OF NEW WINTER SPORTS IN THE GERMAN LANGUAGE.....	108

SECTION IV COMPARATIVE, HISTORICAL AND TYPOLOGICAL LINGUISTICS

<i>A. Timofeeva.</i> PSEUDO REALIA AS MEANS OF EXPRESSION OF THE CONCEPT "SUPERNATURAL" IN CH. DICKENS`S "A CRISTMAS CAROL IN PROSE" AND TRANSLATIONS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE.....	117
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>I. Skuratov.</i> ROMANCE CULTURAL AND LANGUAGE HERITAGE: HISTORY AND PRESENT (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE, JUNE 21-22, 2016)	125
---	-----

РАЗДЕЛ I

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-6-14

АНТИНОМИЯ ПЕРЕВОДИМОСТИ / НЕПЕРЕВОДИМОСТИ В ИСТОРИИ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ МЫСЛИ (К 250-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ГУМБОЛЬДТА)

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В предлагаемой статье анализируются взгляды В. фон Гумбольдта на проблемы, связанные с художественным переводом. Отмечается необходимость учитывать их тесную связь с его общелингвистической концепцией. Особое внимание уделяется вопросу о возможности отнесения В. фон Гумбольдта к представителям т. н. теории непереводимости, и указывается, что подобная квалификация представляется односторонней. Как сам Гумбольдт, так и его современники (в частности, романтики) могли высказывать противоположные суждения о возможностях перевода, что отражает присущее эпохе внимание к диалектическим противоречиям.

Ключевые слова: Вильгельм фон Гумбольдт, язык, перевод, непереводимость, теория, специфика, национальный, противоречие.

TRANSLATABILITY/UNTRANSLATABILITY ANTINOMY IN THE HISTORY OF TRANSLATION (TO THE 250TH ANIVERSARY OF WILHELM VON HUMBOLDT`S BIRTHDAY)

I. Belyaeva, G. Khukhuni

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str. 10A, Russian Federation*

Abstract. The present paper deals with W. von Humboldt's views on problems of literary translation. These views were closely connected with his linguistic theory. Special attention is paid to the problem of W. von Humboldt's relation to the so-called "untranslatability theory". According to the authors, his qualification as an adept of the said theory is one-sided. W. von Humboldt as many of his contemporaries (e.g., the representatives of German Romanticism) expressed different, sometimes opposite, views on the possibility of translation, which reflected the dialectical contradictions peculiar to this period.

© Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т., 2017.

Key words: Wilhelm von Humboldt, language, translation, untranslatability, theory, specificity, national, contradiction.

Среди корифеев, определявших ход развития науки о языке, Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) уже давно завоевал одно из наиболее почётных мест. Практически во всех работах по истории лингвистических учений (и далеко не только по ней), начиная с трудов, опубликованных в XIX столетии, рассмотрению и анализу взглядов немецкого учёного уделяется повышенное внимание. Пожалуй, в этом отношении рядом с ним можно поставить только родившего девяносто лет спустя Фердинанда де Соссюра. Причём, даже если ограничиваться только той стороной деятельности Гумбольдта, которая связана с областью филологии, он, помимо собственно языкознания, как известно, внёс выдающийся вклад в область теории и практики перевода. Указанный момент также получил достаточно полное отражение в соответствующих трудах и учебных пособиях. Доводилось писать о нём и одному из авторов этой работы [7, с. 138–140]. Однако далеко не всегда лингвистическая и переводческая стороны деятельности В. фон Гумбольдта рассматриваются в единстве, а порой оценка последней оказывается, мягко говоря, несколько спорной... Думается, что юбилей выдающегося учёного – это повод ещё раз напомнить о некоторых связанных с его деятельностью в данной области аспектах.

И начинать тут, вероятно, приходится с многократно воспроизводившейся цитаты из многократно переиздававшегося учебника основоположника лингвистического переводоведения в нашей стране А.В. Фёдорова. Приведа

выдержку из письма В. фон Гумбольдта к А. Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счёт вкуса и языка собственного народа, либо своеобразия собственного народа за счёт своего подлинника. Нечто среднее между тем и другим не только трудно достижимо, но и просто невозможно», – А.В. Фёдоров комментирует её следующим образом: «Эти утверждения принципиальной невозможности перевода стояли в непосредственной связи с идеалистическим взглядом Гумбольдта и его единомышленников на языки мира, каждый из которых, по их мнению, определяет и выражает национальное своеобразие “духа” (т. е. также и мышления), свойственного данному народу, а поэтому несводим ни к одному другому языку, как и своеобразие “духа” одного народа несводимо к своеобразию “духа” другого народа» [11, с. 31]¹.

Среди критических «комментариев к комментарию» А.В. Фёдорова можно отметить весьма аргументированную работу Р.Р. Чайковского. В ней справедливо указывается, что «приведён-

¹ В оригинале «Alles Übersetzen scheint mir schlechterdings ein Versuch zur Auflösung einer unmöglichen Aufgabe. Denn jeder Übersetzer muß immer an einer der beiden Klippen scheitern, sich entweder auf Kosten des Geschmacks und die Sprache seiner Nation zu genau an seiner Original oder auf Kosten seines seiner Originals zu sehr auf die Eigentümlichkeiten seiner Nation zu halten. Das Mittel hierzwischen ist nicht bloß schwer, sondern geradezu unmöglich» (цит. по [16, S. 25–26]).

ный выше комментарий А.В. Фёдорова к словам Гумбольдта тем более странный», что «ещё при жизни А.В. Фёдорова исчезла необходимость уличать Гумбольдта в идеализме» [12, с. 80; 79] (в скобках заметим, что у самого немецкого мыслителя квалификация его взглядов как «идеалистических» – если пренебречь той негативной коннотацией, которая была связана с этим понятием, когда А.В. Фёдоров создавал большинство своих трудов, – вероятно, возражений бы не вызвала). И в том ракурсе, в котором эта цитата трактуется в «Основах общей теории перевода», представляется вполне обоснованным вывод Р.Р. Чайковского о том, что «записывать Гумбольдта в адепты принципа непереводаемости по меньшей мере несправедливо. Скорее наоборот – именно в лице Гумбольдта идея переводимости получила одного из наиболее авторитетных приверженцев» [12, с. 80].

При всей справедливости приведённого положения нам представляется, что вопрос о проблеме переводимости–непереводимости в научном наследии В. фон Гумбольдта несколько более сложен, поскольку в концепции немецкого лингвиста вполне могли сочетаться отрицание принципа переводимости и его признание.

Подобное суждение, естественно, может показаться парадоксальным. Однако думается, что картина будет выглядеть несколько по-иному, если вспомнить одну из наиболее существенных и хорошо известных черт взглядов В. фон Гумбольдта на язык – выделение в этом последнем ряда так называемых *антиномий*. «Диалектический мир Гумбольдта – это прежде всего мир антиномий, характеризу-

ющих природу языка, его сущность» [9, с. 93]. И в этом плане, вероятно, придётся признать, что при всей односторонности принадлежащей А.В. Фёдорову трактовки объективно она содержит один весьма существенный момент – указание на необходимость анализировать собственно переводческие / переводоведческие аспекты деятельности учёного вместе с общелингвистическими и лингвофилософскими сторонами его научного мировоззрения (напомним, что ещё в середине XX в. в некоторых работах философичность В. фон Гумбольдта вообще рассматривалась как основание для вычеркивания его из истории языкознания)¹. Кстати, в процитированной выше монографии Р. Штольце интерпретация высказывания Гумбольдта о «подводных камнях перевода» (уже, естественно, без обличений «идеалистических» взглядов) оказалась, по существу, весьма близкой А.В. Фёдорову. В ней утверждается, что основой такого «пессимистического для теории перевода взгляда» ("für die Übersetzungstheorie eher pessimistische Vorstellung") является лингвистическая концепция Гумбольдта, согласно которой два слова в разных языках никогда полностью не соответствуют друг другу, что объясняется идентичностью языка и мысли: «Der Grund für die Unmöglichkeit liegt in der Verss-

¹ Так, в 50-х гг. прошлого века А.С. Чикобава (с именем которого связана известная дискуссия по вопросам языкознания 1950 г.) писал: «Неразличением философии языка и общего языкознания, неучётом специфики философии языка объясняется тот факт, что нередко среди основоположников языкознания наряду с Фр. Боппом, Як. Гриммом <...> называют В. Гумбольдта, одного из крупнейших представителей философии языка» [13, с. 30].

chiedenartigkeit der Einzelsprachen, weil 'kein Wort einer Sprache einem in einer Sprache gleich ist' und dies gründet in der Identität von Sprache und Denken...» [16, S. 26].

Отметим, кстати, что в какой-то степени аналогичную оценку получили в труде А.В. Фёдорова и воззрения немецких романтиков, одним из виднейших представителей которых был и адресат письма, где содержалось процитированное утверждение Гумбольдта, Август фон Шлегель (по известной, хотя, возможно, и несколько ироничной характеристике Н.Я. Берковского, «самая ясная голова среди романтиков» [2, с. 10]). Отметив, что романтики внесли большой вклад в теорию и практику художественного перевода (о чём, впрочем, писали очень многие), автор «Основ общей теории перевода» замечает: «Не случайно, что большинство высказываний о невозможности перевода <...> принадлежит именно поэтам, критикам и филологам, стоявшим на идеалистических позициях, в частности – представителям романтизма...» [11, с. 31]. Опять-таки – как и в случае с Гумбольдтом – можно согласиться с тем, что проблемы перевода в трудах последних были действительно связаны с их общим мировоззрением (ср. замечание Н.Я. Берковского: «У романтиков перевод – философская тема» [2, с. 46]). И опять-таки, на наш взгляд, не вполне учитывается тот исторический контекст, в котором протекала деятельность и А. Шлегеля с его собратьями, и В. фон Гумбольдта.

Между тем указанное обстоятельство играет весьма важную роль. Приведём в этой связи замечание В.М. Алпатов: «Время, когда рабо-

тал В. фон Гумбольдт, было периодом расцвета немецкой классической философии; в это время работали такие великие мыслители, как старший современник В. фон Гумбольдта И. Кант и принадлежавший к одному с В. фон Гумбольдтом поколению Г. Гегель. <...> несомненно влияние на учёного общей философской атмосферы эпохи, способствовавшее рассмотрению крупных, кардинальных вопросов теории. В то же время эпоха сказывалась и на научном стиле учёного: перед ним не стояла задача строить логически непротиворечивую теорию...» [1, с. 60].

Последние слова приведённой цитаты дают основание вспомнить одну характерную черту эпохи, о которой идёт речь, – обострённое внимание к противоречиям, присущим человеческому разуму и восприятию им мира. Она появилась и в антиномиях И. Канта, с которым часто связывали упомянутую выше «антиномическую» особенность лингвистического мировоззрения В. фон Гумбольдта¹, и в наиболее влиятельной философской системе этого периода, созданной Г. Гегелем, и в присущем романтизму обострённом внимании к контрасту между идеалом и действительностью, в результате которого «сквозь всю романтическую поэзию проходит тема двойничества» [6, с. 38]. Разумеется,

¹ Ср. слова В.И. Постоваловой: «Гумбольдт первый разработал в языкознании учение об антиномиях. На его лингво-философские взгляды глубокое влияние оказало учение Канта об антиномиях разума» [9, с. 93]. Правда, как отмечалось в специальной литературе, «вопрос о связи гумбольдтовской теории с теми или иными философскими концепциями, в частности, И. Канта, по-разному трактуется историками науки» [1, с. 60].

между теми или иными направлениями и течениями интеллектуальной жизни Германии рассматриваемого периода (да и между отдельными её представителями) могли быть достаточно серьёзные расхождения, но наличия указанной тенденции это обстоятельство отнюдь не отменяет¹.

Поэтому В. фон Гумбольдт, не подвергая свои воззрения какому-либо коренному пересмотру, вполне мог утверждать, что «всякий перевод представляется <...> попыткой разрешить невыполнимую задачу», как это имеет место в процитированном выше письме, и, вместе с тем, не только сам много заниматься переводами (по замечанию его биографа Р. Гайма, в своих письмах он «говорит о своей “переводческой страсти” как о “бешенстве”, которое “им неоднократно овладевает”» [3, с. 193]) и подчёркивать огромную историко-культурную функцию переводческой деятельности («Перевод – один из самых необходимых видов литературы, он служит расширению смысловых возможностей и выразительности родного языка» [10, с. 484]), но и указывать на собственно лингвистическую возможность межъязыковой передачи, правда, с некоторыми оговорками: «Опыт перевода с весьма различных языков, а также использование самого примитивного и неразвитого языка при посвящении в самые тайные религиозные откровения пока-

¹ Так, Н.Я. Берковский заметил: «Гегель не был сторонником романтизма и даже враждовал с ним, в особенности в свой зрелый период. И всё же он умел высказаться на темы романтиков порой сильнее их самих» [2, с. 21]. Известную двойственность (хотя отнюдь не враждебность) отношения В. фон Гумбольдта к романтикам отмечал, в частности, его биограф Р. Гайм [3, с. 142; 498].

зывают, что, *пусть даже с разной степенью удачи*, каждая идея может быть выражена на любом языке (курсив наш – И.Б., Г.Х.)» [4, с. 315]².

Сказанное, конечно, не означает, что взгляды В. фон Гумбольдта в интересующей нас области вообще не эволюционировали. Напротив, в упомянутом труде Р. Гайма отмечается, что если его ранние опыты могут быть охарактеризованы как «скорее поэтическое переложение, чем точная передача» [3, с. 195], то затем «с каждым годом <...> воззрения Гумбольдта становились всё строже и педантичнее» [3, с. 198].

В наиболее полной форме эти воззрения были сформулированы учёным в известном предисловии к переводу трагедии Эсхила «Агамемнон», опубликованному в 1816 г. Поскольку работа эта достаточно хорошо известна, позволим себе не останавливаться подробно на её положениях, отметив только, что сформулированные в ней принципы (равно как и качество самого перевода) были опять-таки во многом схожи с теми установками романтического перевода, которые нашли отражение в докладе Ф.-Д. Шлейермахера, прочитанном несколько раньше, в 1813 г. в Королевской Академии наук в Берлине [15]. И эти принципы, и их практическая реализация в названном

² В этом отношении взгляды Гумбольдта в известной степени напоминают точку зрения на перевод адресата письма – А. Шлегеля, который, с одной стороны, характеризовал перевод как «невыгодное и неблагоприятное занятие <...> потому, что чем больше переводчик вникает в свою работу, тем больше он должен чувствовать ее неизбежное несовершенство», а с другой, подчеркивал: «Переводчик – это посол от нации к нации: благодаря ему взаимное уважение и восхищение порождаются там, где царили бы равнодушие или даже вражда» (цит. по [7, с. 132–133]).

переводе вызывали в последующие годы различные, порой весьма критичные отклики, что нашло отражение даже в весьма уважительной по отношению к Гумбольдту биографии, созданной Р. Гаймом: «При всей своей точности этот перевод носит на себе отпечаток педантизма и натуги. Он так точен, что становится деревянным и неясным <...> Обыкновенный, незнакомый с греческим языком читатель, прочтя перевод, может понять его не больше, чем если бы ему прочли его в оригинале; ему может показаться, что он имеет перед собой греческий текст, написанный немецкими буквами» [3, с. 198–199]. Однако для нас сейчас важен другой момент – в этом предисловии речь идёт не о принципиальной возможности / невозможности перевода, а о критериях, которым этот последний должен соответствовать, что имеет смысл только в том случае, если допускается сама его возможность.

Таким образом, «антиномичный» подход немецкого ученого к проблеме переводимости / непереводимости,

если оперировать понятиями логики, осуществляется не столько исходя из дизъюнкции «или», сколько на основе конъюнкции «и». Отметим, что это присущее переводческим воззрениям В. фон Гумбольдта «единство противоречий» проявлялось в дальнейшем и у других авторов, занимавшихся данной проблемой, о чём, в частности, свидетельствуют слова одного из крупнейших философов XX столетия Хосе Ортеги-и-Гассета в эссе с характерным заглавием «Нищета и блеск перевода»: «Мне было очень важно подчеркнуть нищету перевода, мне было особенно важно определить его трудности, его неосуществимость, однако не для того, чтобы на этом остановиться; напротив, чтобы, оттолкнувшись от этого, мы смогли устремиться к возможному блеску искусства перевода <...> заявить о невозможности занятия переводом не значит отрицать его возможный блеск. Напротив, это определение придаёт ему особое благородство и будит в нас подозрение, что перевод имеет смысл» [8]¹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2001. 368 с.
2. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Гайм Р. Вильгельм фон-Гумбольдт: описание его жизни и характеристика. М.: Издание К.Т. Солдатенкова, 1898. 720 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
5. «Если я знаю, как перевести стихотворение, мне не стоит за него браться...». Беседа с Владимиром Микушевичем [Электронный ресурс] // Новая литературная карта России: [сайт]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/esli-ya-znayu-kak-perevesti-stikhotvorenie> (дата обращения: 16.08.2016).

¹ В какой-то степени аналогичную мысль высказал в одном из своих интервью В.Б. Микушевич: «Поэтический перевод невозможен – это, как ни странно, основная предпосылка работы в этой области. Когда мне попадается стихотворение и я знаю, как его перевести, мне не стоит за него браться – получившийся перевод не будет иметь особой ценности. Для меня творческая работа начинается тогда, когда меня охватывает чувство невозможности перед стихотворением. Через какое-то время оно начинает прорываться через эту невозможность, что-то образуется – и тогда получается поэтический перевод» [5].

6. Микушевич В. Поэтический мотив и контекст // Вопросы теории художественного перевода: сб. стат. М.: Художественная литература, 1971. С. 6–80.
7. Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т. Наука о переводе. История и теория с древнейших времен до наших дней. М.: Флинта: Наука, 2006. 416 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода [Электронный ресурс] // Псевдология: [сайт]. URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm> (дата обращения: 16.08.2016).
9. Постовалова В.И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции В. Гумбольдта. М.: Наука, 1982. 224 с.
10. Разговор цитат // Мастерство перевода: сб. стат. Вып. 7. М.: Советский писатель, 1970. С. 477–486.
11. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. 303 с.
12. Чайковский Р.Р. Основы художественного перевода: вводная часть: учеб. пособие. Магадан: СВГУ, 2008. 182 с.
13. Чикобава А.С. Проблема языка как предмета языкознания. На материале зарубежного языкознания. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. 180 с.
14. Humboldt W. von. Einleitung // Aeschilos Agamemnon / Metrisch Übersetzt von Wilhelm Humboldt. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer dem jungern., 1816. S. I–XXXIV [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=1itOAAAAYAAJ&pg=PR19&lpg=PR19&dq=Solange+nicht+die+Fremdheit,+sondern+die+Fremde+gefuehlt+wird&source=bl&ots=MMS_QTJj7G&sig=4pZwayY8_z5wIEJ4e9-g3WAvuc4&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwj2yMiw-MPOAhXmIpoKHbX2An8Q6AEIJzAB#v=onepage&q=Solange%20nicht%20die%20Fremdheit%2C%20sondern%20die%20Fremde%20gefuehlt%20wird&f=false (дата обращения: 16.08.2016).
15. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersezens [Электронный ресурс]. URL: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (дата обращения: 16.08.2016).
16. Stolze R. Übersetzungstheorien. Eine Einführung. 4. Aufgabe. Tübingen: Nack Francke Attempto Verlag GmbH + Co. KG., 2005 [Электронный ресурс]. URL: <https://books.google.ru/books?id=rbM2wjld9IkC&pg=PA25&lpg=PA25&dq=Wilhelm+von+Humboldt++von+Uebersetzung&source=bl&ots=1P7XSkicSt&sig=HxBwYQy66JH9FsAsSMd8zeUw sKY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiALLvstb7OAhVFkSwKHWaNABUQ6AEIZTAJ#v=onepage&q=Wilhelm%20von%20Humboldt%20%20von%20Uebersetzung&f=false> (дата обращения: 13.08.2016).

REFERENCES

1. Alpatov V.M. Istoriya lingvisticheskikh uchenii [History of linguistics]. М., Yazyki slavyan-skoi kul'tury, 2001. 368 p.
2. Berkovskii N.Ya. Romantizm v Germanii [Romanticism in Germany]. SPb., Azbuka-klassika, 2001. 512 p.
3. Gaim R. Vil'gel'm fon-Gumbol'dt: opisanie ego zhizni i kharakteristika [Wilhelm von Humboldt: the story of his life and characteristics]. М., Izdanie K.T. Soldatenkova, 1898. 720 p.
4. Gumbol'dt V. fon. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu [Selected works on linguistics]. М., Progress, 1984. 398 p.
5. «Esli ya znayu, kak perevesti stikhotvorenie, mne ne stoit za nego brat'sya...». Beseda s Vladimirom Mikushevichem [Elektronnyi resurs] ["If I know how to translate a poem, I shouldn't undertake it"] // Novaya literaturnaya karta Rossii: [sait] [New literary map of

- Russia: [site]]. URL: <http://www.litkarta.ru/dossier/esli-ya-znayu-kak-perevesti-stikhotvorenie> (request date 16.08.2016).
6. Mikushevich V. Poeticheskiy motiv i kontekst [Poetic motive and context] // Voprosy teorii khudozhestvennogo perevoda: sb. stat. [The theory of literary translation: a collection of articles]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1971, pp. 6–80.
 7. Nelyubin L.L., Khukhuni G.T. Nauka o perevode. Istoriya i teoriya s drevneishikh vremen do nashikh dnei [The science of translation. History and theory from ancient times to the present day]. M., Flinta, Nauka, 2006. 416 p.
 8. Ortega-i-Gasset Kh. Nishcheta i blesk perevoda [Elektronnyi resurs] [Misery and splendor of translation [E-source]] // Psevdogiya: [sait] [Pseudologia: [website]]. URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm> (request date 16.08.2016).
 9. Postovalova V.I. Yazyk kak deyatel'nost'. Opyt interpretatsii kontseptsii V. Gumbol'dta [Language as activity. Experience in interpreting concepts V. Humboldt]. M., Nauka, 1982. 224 p.
 10. Razgovor tsitat [Quotes in conversation] // Masterstvo perevoda. Sbornik 7 [Translation skill: a collection of articles. Vol. 7]. M., Sovetskii pisatel', 1970, pp. 477–486.
 11. Fedorov A.V. Osnovy obshchei teorii perevoda [Fundamentals of General theory of translation]. M., Vysshaya shkola, 1983. 303 p.
 12. Chaikovskii R.R. Osnovy khudozhestvennogo perevoda: vvodnaya chast': uchebnoe posobie [Fundamentals of literary translation: introductory part: textbook.]. Magadan, Izd. SVGU, 2008. 182 p.
 13. Chikobava A.S. Problema yazyka kak predmeta yazykoznaniya. Na materiale zarubezhnogo yazykoznaniya [The problem of language as an object of linguistics. On materials of foreign linguistics]. M., Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosvetsheniya RSFR, 1959. 180 p.
 14. Humboldt W. von. Einleitung // Aeschilos Agamemnon. Metrisch Übersetzt von Wilhelm Humboldt. Leipzig: Bei Gerhard Fleischer dem jungern., 1816. S. I–XXXIV. [E-source]. URL: https://books.google.ru/books?id=1itOAAAAYAAJ&pg=PR19&lpg=PR19&dq=Solange+nicht+die+Fremdheit,+sondern+die+Fremde+gefuhlt+wird&source=bl&ots=MMS_QTJj7G&sig=4pZwayY8_z5wIEJ4e9-g3WAvuc4&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKewj2yMiw-MPO-AhXmIpoKHbX2An8Q6AEIjzAB#v=onepage&q=Solange%20nicht%20die%20Fremdheit%20C%20sondern%20die%20Fremde%20gefuhlt%20wird&f=false (request date 16.08.2016).
 15. Schleiermacher F. Ueber die verschiedenen Methoden des Uebersetzens. [E-source]. URL: <http://users.unimi.it/dililefi/costazza/programmi/2006-07/Schleiermacher.pdf> (request date 16.08.2016).
 16. Stolze R. Übersetzungstheorien. Eine Einführung. 4. Aufgabe. Tübingen: Nack Francke Attempto Verlag GmbH + Co.KG., 2005 [E-source]. URL: <https://books.google.ru/books?id=rbM2wjd9IkC&pg=PA25&lpg=PA25&dq=Wilhelm+von+Humboldt++von+Uebersetzung&source=bl&ots=1P7XSkicSt&sig=HxBwYQy66JH9FsAsSMd8zeUwsKY&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwiAlLvstb7OAhVFkSwKHwANABUQ6AEIZTAJ#v=onepage&q=Wilhelm%20von%20Humboldt%20von%20Uebersetzung&f=false> (request date 13.08.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляева Ирина Фёдоровна – кандидат филологических наук, доцент, декан лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: khukhuni@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina Belyaeva – candidate of Philology, docent, dean of Linguistic faculty of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow Region State University;
e-mail: belyaevairin@mail.ru

Georgy Khukhuni – Doctor of Philology, professor, head of Language Theory and Anglistics department of Institute of Linguistics and Intercultural Communication at Moscow Region State University;
e-mail: khukhuni@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Беляева И.Ф., Хухуни Г.Т. Антиномия переводимости / непереводимости в истории переводческой мысли (к 250-летию со дня рождения Вильгельма фон Гумбольдта) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-6-14

CORRECT REFERENCE

Belyaeva I., Khukhuni G. Translatability/untranslatability antinomy in the history of translation (to the 250th anniversary of Wilhelm von Humboldt's birthday) // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 6–14.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-6-14

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-15-23

ИНФОГРАФИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Махрова М.М.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрывается содержание понятия «инфографика», рассматриваются основные вехи становления и развития этого явления в диахронии. Особое внимание уделяется лингвистическому аспекту исследования инфографики. В статье предпринята попытка классификации инфографик в зависимости от целей, а также предлагается краткая характеристика лингвистической составляющей каждого типа. Предложенная автором классификация инфографик позволяет провести детальный анализ лингвистической составляющей инфографики и сформулировать особенности каждого типа на разных языковых уровнях.

Ключевые слова: инфографика, инфографическая модель, лингвистический аспект, языковые уровни.

INFOGRAPHICS AS A TOOL OF CONVEYING INFORMATION: LINGUISTIC ASPECT

M. Makhrova

*Vladimir State University named after Alexander and Nicolay Stoletov
600000, Vladimir, Gorky street, 87, Russian Federation*

Abstract. The article presents the concept of infographics and the main stages of formation and development of this phenomenon. The author analyzes the views of Russian and foreign scientist who have studied this phenomenon, and notes that the infographics studies tend to become more and more focused on the linguistic aspect. The author attempts to categorize infographics from the point of view of their purposes and the linguistic component of each type. The proposed infographics classification allows to carry out a detailed analysis of infographics linguistic component and define the characteristics of each type at different language levels.

Key words: infographics, infographics model, the linguistic aspect, linguistic levels.

Общеизвестно, что современное состояние русского языка в XXI в. характеризуется постоянно увеличивающимся объёмом данных, которые активно потребляет информационное общество [13, с. 11]. В этой связи достаточно распространённым явлением в современном информационном пространстве стала **инфографика**, или **информационная графика**, представляющая собой соединение изображения и текста. Согласно мнению одного из исследователей визу-

© Махрова М.М., 2017.

ального аспекта инфографики М. Смикикласа, под *инфографикой* понимается разновидность изображения, которое смешивает информацию и дизайн и служит для передачи информации в сжатом виде от автора аудитории [9, с. 53].

Инфографика представляет собой важный элемент коммуникации, набирающий в последнее время всё большую популярность в связи с активным развитием информационных технологий и потребностью современной личности в оперативном получении и освоении новых знаний. Фактически инфографика является симбиозом изображения и слова, где большой массив данных в сжатом объёме передаётся с помощью вербальных и невербальных средств. Инфографическое изображение используется в журналистике, статистике, образовании, рекламе и многих других направлениях жизнедеятельности общества. Теория инфографики привлекала внимание многих исследователей занимающихся проблемой слияния изображения и дизайна. Отечественные и зарубежные исследователи отмечали важность лингвистического аспекта инфографики, при этом инфографика не становилась специальным объектом монографического исследования. Этим и определяется *актуальность* представленной работы. Кроме того, особой проблемой для исследования являются оправданность и обоснованность создания и использования инфографики. Авторы статей по информационному дизайну отмечают, что самая распространённая ошибка при составлении инфографики – это желание создать зрелищный продукт без особого внутреннего содержания,

разработка «инфографики ради инфографики», без учёта лингвистических аспектов указанного жанра.

Таким образом, *цель* данной статьи состоит в том, чтобы предложить классификацию инфографик, которая позволит провести детальный анализ этого явления с точки зрения лингвистической составляющей и сформулировать некоторые особенности каждого типа на разных языковых уровнях.

Инфографики неоднократно являлись объектом специального исследования. Так, например, работы зарубежных специалистов в большинстве своём сконцентрированы на особенностях создания и функционирования инфографик в сфере бизнеса и дизайна (см., напр., исследования Э. Тафти [15], М. Фрэндли [14], М. Смикикласа [9]). Отечественные специалисты расширили спектр исследования инфографик и предложили такие аспекты изучения этого интересного современного явления, как *психолингвистический* (см., напр., работы Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова [10], Е.Е. Анисимовой [1]); *педагогический* (см., напр., работы С.В. Селеменова [7], Ж.Е. Ермолаевой [2]); *искусствоведческий* (см., напр., работы Н.А. Силанова [8], В.В. Лаптева [4] и С. В. Острикова [6]); *журналистский* (см., напр., работы С.Э. Некляева [5, с. 54], В. Федотовского [11] Я.В. Лайковой [3]), и наибольшее внимание уделили визуальной стороне и особенностям функционирования этого явления в средствах массовой информации.

В настоящее время принято выделять *широкое* и *узкое* понятия инфографики. Широкое понятие включает в себя все сочетания изображений и вербальных средств, передающих ин-

формацию. В узком смысле под *инфографикой* можно понимать сложную организацию больших объёмов информации, которая с помощью синтеза вербальных и невербальных средств (изображений, ёмких фраз и формулировок) становится доступнее для подготовленного и неподготовленного читателя, включает «изобразительную метафору», подкреплённую содержанием. Данные в инфографике группируются в информационные блоки и сопровождаются комментариями.

Специалисты по инфографике выделяют следующие критерии успешного её создания: а) доступность (информационная графика является средством коммуникации для людей, говорящих на разных языках, разного уровня образования); б) ясность и чёткость (данные, содержащиеся в инфографике, передаются в доступной для понимания форме); в) однозначность (не должно быть специфических выражений и терминов, которые не находят объяснения в самой инфографике); г) эстетическая привлекательность (визуальное оформление способствует усвоению и осознанию информации); д) метафоричность (в отличие от других видов визуализации в основе инфографики лежит образ, «аналогия из жизни», которая становится предметом обсуждения); е) эффективность (большие объёмы информации усваиваются и передаются в удобной для восприятия форме); ж) информативность (высокая содержательность данных) [12].

Периодизация этапов становления инфографики по-разному представлена в научной литературе:

1) примерно 30000 лет до н. э. – к начальному этапу становления ин-

фографики некоторые исследователи предлагают относить наскальные рисунки первобытных людей (петроглифы, иероглифы, иконографические изображения). Однако эти виды изображений лишь условно могут быть отнесены к инфограммам, т. к. не совсем соответствуют основной особенности инфографики – сочетанию текста и изображения;

2) XII в. – появление первых образов инфографик (фрагменты средневековых летописей, таблицы, географические и анатомические атласы); данные передавались с помощью сочетания изображений и текстового материала;

3) XV в. – расширение и усложнение представлений человека о мире, появление большого объёма карт, атласов, таблиц. Среди самых известных образцов того времени, сходных с современными инфограммами, отмечаются работы титана эпохи Возрождения Леонардо да Винчи (анатомические наброски с комментариями и пометами);

4) XVII–XVIII вв. – коренной переворот в освоении и передаче информации: разработаны системы координат, заложены основы аналитической геометрии и статистики. Эпоха характеризуется появлением первых альбомов, детальных карт и графиков. К примеру, философ Дж. Пристли (Великобритания) создал график хронологии мировой истории, оформленный в виде временной шкалы. Инженер У. Плейфер (Великобритания) разработал 44 прообраза современных инфографик;

5) XIX в. признаётся рядом учёных «золотым веком инфографики» [12], так как именно в этот период были созданы выдающиеся примеры, по-

добные современным образцам. Среди авторов самых известных работ следует отметить сестру милосердия Флоренс Найтингейл (Великобритания) и инженера Шарля-Жозефа Минара (Франция);

6) I пол. XX в. – активное развитие инфографики в журналистике, а также разработка этого направления в визуальной статистике. Философ и статистик Отто Нейрат разработал систему ISOTYPE – набор визуальных символов, которые стали основой для целого направления визуальной статистики;

7) 70-е гг. XX в. – дальнейшее изучение явления визуализации и появление первых определений инфографики. Известно, что первым исследователем инфографики стал Э. Тафти, специалист в области визуализации;

8) 1982 г. – инфографика получила развитие в средствах массовой информации. Так, в газете «USA Today» стали публиковаться информативные изображения;

9) XXI в. – инфографика становится важным средством коммуникации, появляются новые виды и формы инфографики, активно развиваются бюро по созданию инфографики.

Таким образом, современная инфографика является логичным результатом нескольких этапов формирования визуализации данных. Лингвистическая составляющая этого явления в русском языке представляет широкое поле для дальнейших исследований.

Анализ современных инфографик даёт возможность классифицировать их по следующим лингвистическим позициям:

- 1) с точки зрения **визуализации**:
 - а) информация упорядочена на ос-

нове временных границ (хронология, тайм-лайны);

- б) информация упорядочена на основе этапов развития какого-либо процесса или явления (динамика, процесс, явления);

- в) информация упорядочена на основе тематического изображения или изображения-метафоры (иллюстрация, описание предмета);

- 2) по **форме представления** или **взаимодействию с аудиторией** (чертежи и схемы, картография, справочная информация, анимация и видео);

- 3) на основании **техничко-технологических признаков** (табличная, графическая, картографическая, диаграммная, схематическая, образительная, знаковая).

Анализ собранного языкового материала (всего проанализировано 458 контекстов инфографик) позволяет классифицировать типичные инфографики с точки зрения целеполагания по следующим группам (инфографики представляются по мере появления и частотности употребления):

- 1) **инфографика-статистическая схема** представляет данные опросов, исследований, большие объёмы количественных данных, процентные соотношения. Выбор лексических средств зависит от темы статистического исследования или опроса. На морфологическом уровне преобладают глаголы настоящего или прошедшего времени (*привлекает, удивило*), и это обусловлено, на наш взгляд, особенностями опроса или исследования. На синтаксическом уровне преобладают вопросительные предложения, часто встречаются неполные синтаксические конструкции, что объясняется фрагментарной структурой данных в

этом типе: вопросно-ответной формой инфографики;

2) **инфографика-рейтинг** организует информацию в градационный ряд, с изредка встречающимися комментариями и пояснениями. Для лексического уровня характерно частое употребление числовых данных. Выбор лексики определяется общей тематикой составленного рейтинга. Часто встречаются такие лексические единицы, как *общий, средний, самый*. На морфологическом уровне над глаголами преобладают существительные и прилагательные. На уровне синтаксиса смысл некоторых предложений раскрывается благодаря соединению числовых данных, изображения и словосочетания;

3) **инфографика-хронология** передаёт последовательность развития какого-либо события или явления. Лексика связана с событием или явлением, хронологию которого представляет данный вид инфографики. Для морфологического уровня характерно преобладание числительных и глаголов. Отличительной особенностью данного вида является более частое использование словосочетаний и предложений по сравнению с единичными лексемами. С их помощью авторы описывают и комментируют этапы какого-либо события: произошедшего (исторического) или грядущего (на афише);

4) **инфографика-процесс** объясняет принцип формирования какого-либо явления, в зависимости от сложности процесса в инфографике. Лексика связана с конкретным процессом или явлением. Могут встречаться профессионализмы или научные термины, суть которых находит разъяснение в инфографике, типа *равноденствие,*

солнцестояние, эклиптика. Морфологические особенности зависят от тематики инфографики-процесса. Как правило, в инфографике-процессе происходит объяснение динамичных процессов или явлений, поэтому в количественном соотношении преобладают глаголы;

5) **инфографика-алгоритм** представляет информацию в виде последовательности действий, при выполнении которых адресат инфографики получает новый объём информации и приходит к определённому результату. Лексика может включать профессионализмы, касающиеся конкретной темы инфографики. Например, если инфографика посвящена дизайну интернет-проектов, там будут встречаться такие единицы, как *вирусный дизайн, посев, бренды*. Возможны иностранные слова и термины (ср.: *криэйтор* и др.). На морфологическом уровне в основном преобладают существительные. Синтаксические особенности связаны с темой и структурой инфографики-алгоритма. Как правило, преобладают повествовательные предложения. Встречаются тематические блоки из двух-трёх предложений;

6) **инфографика-биография** характеризуется сочетанием числовых и текстовых данных, которые находятся между собой в смысловой связи и относятся к конкретной личности. Слова распределяются по тематическим группам: «семья», «жизнь», «судьба», «профессия», «карьера». В инфографике, посвящённой известной личности, часто встречаются названия произведений или явлений, к которым главный герой инфографики имел отношение. На морфологическом уровне среди существительных преоблада-

ют имена собственные, встречается большое количество глаголов в прошедшем времени. На синтаксическом уровне преобладают словосочетания (ср.: *окончил школу, создал произведение* и др.);

7) **инфографика-резюме** образована в форме тематических блоков, в которых отражены биографические и профессиональные данные конкретной личности. Лексический уровень представлен большим количеством профессионализмов и разговорной лексики. Это связано с особенностями той сферы деятельности, которой хочет заниматься кандидат на работу, создающий резюме. Встречаются примеры языковой игры (*ищу работодателя для серьёзных творческих отношений*). На морфологическом уровне преобладают глаголы и качественные прилагательные (глаголы: *работать, развивать, повышать*; прилагательные: *ответственный, внимательный, серьёзный*). На синтаксическом уровне преобладают словосочетания типа *работал в школе, опыт в сфере* и т. д.;

8) **инфографика-рецепт** раскрывает последовательность приготовления блюда или напитка. Информация распределяется по тематическим блокам: ингредиенты, шаги к приготовлению, комментарии. В основном встречаются слова таких тематических групп, как «еда, продукты», «вкус, питательность, состав», «посуда, приспособления», «действия»; часто встречаются названия блюд традиционной русской и иностранной кухни (*эчпочмак* (блюдо татарской кухни), *свекольник* (блюдо русской кухни)), названия бытовой техники (*блендер, миксер, мультиварка* и т. д.), лексемы, характерные для кулинарного словаря (*пассеровать,*

бланишировать и т. д.), встречаются и слова, значение которых раскрывается только в конкретном контексте (*припустить, выдержать, откинуть* и т. д.). Для морфологического уровня характерно преобладание инфинитивов, которые в контексте инфографики употребляются в качестве формы повелительного наклонения (*смешать, добавить, подогреть*); часто встречаются качественные прилагательные (*горячий, холодный, маленький, большой, сладкий* и т. д.), наречия меры и степени (*немного, слегка*). На синтаксическом уровне отмечены примеры клишированных словосочетаний (*добавить соль и перец по вкусу, откинуть на дуршлаг, комнатная температура*). В плане синтаксической организации преобладают в основном простые предложения;

9) **инфографика-реклама** предлагает тот или иной вид товаров или услуг. На лексическом уровне преобладает название технологии, услуги или продукта, который рекламируется. Встречаются слова-маркёры, способствующие формированию «положительного образа» рекламируемого объекта (ср.: *эффективный, выгодный, устойчивый, лёгкий, наилучший*). В зависимости от визуальной концепции инфографики, как правило, на морфологическом уровне преобладают отглагольные существительные (*установка, изменение, приближение*) и качественные прилагательные (*сильный, мощный*);

10) **инфографика смешанного типа** воспринимается как многокомпонентное произведение, в котором присутствуют элементы хронологии, биографии, процесса, рейтинга. В этом виде инфографики сочетаются лекси-

ческие, морфологические и синтаксические особенности разных типов инфографики. Прежде чем анализировать такой вид инфографики с точки зрения языковых ярусов, необходимо определить, из какого количества конструктивных инфографических блоков он состоит и к какой разновидности относится каждый тип.

Подводя итоги проведённому анализу, заметим, что для инфографики-рейтинга, инфографики-статистической схемы и инфографики-хронологии, которые наиболее часто встречаются в средствах массовой информации, характерно большое количество числовых данных, в то время как лексические единицы представлены лаконично. Инфографика-процесс и инфографика-алгоритм на лексическом уровне характеризуются большим количеством профессионализмов, а на морфологическом уровне по употребительности наиболее частотны глаголы. Это объясняется спецификой этих типов: инфографика-процесс раскрывает динамику развития процесса или явления, а инфографика-алгоритм поэтапно объясняет последовательность определённых действий. Инфографика-биография и инфографика-резюме отличаются тематической связью с конкретной личностью, в связи с чем в них встречается большое количество имён собственных и глаголов в прошедшем и настоящем времени. Инфографика-рецепт отличается большим объёмом тематической лексики: для морфологического уровня характерно преобладание инфинитивов, которые в контексте инфографики употребляются в качестве форм повелительно-

го наклонения, а также качественных прилагательных и наречий меры и степени. Для инфографики-рекламы характерно большое количество профессионализмов, на морфологическом уровне преобладают отглагольные существительные и качественные прилагательные. Инфографика смешанного типа наиболее интересна для анализа, так как представляет собой сложную многокомпонентную структуру, включающую в себя несколько инфографик разных видов. Анализировать инфографику такого типа следует по составным элементам.

Таким образом, инфографику как синтетическое явление, сочетающее в себе вербальную и невербальную сущности, следует рассматривать комплексно. Особое внимание необходимо уделять не только визуальной составляющей, но и языковой, которая является, на наш взгляд, приоритетной при передаче информации от автора аудитории. Инфографика как инструмент представления информации является интересным объектом для глубокого лингвистического исследования на разных уровнях языка: лексическом, морфологическом, синтаксическом. Предложенная автором классификация инфографик позволяет провести детальный анализ лингвистической составляющей инфографики и сформулировать особенности каждого типа на разных языковых уровнях. Безусловно, исследование лингвистических основ современных инфографик представляет новый интересный материал и вносит вклад в изучение функционирования русского языка в XXI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Ермолаева Ж.Е., Лапухова О.В., Герасимова И.Н. Инфографика как способ визуализации учебной информации // Школьные технологии. 2015. № 2. С. 100–107.
3. Лайкова Я.В. Инфографика в СМИ разного типа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2014. № 4. С. 41–53.
4. Лаптев В.В. Изобразительная статистика. Введение в инфографику. СПб: Эйдос, 2012. 180 с.
5. Некляев С.Э. Инфографика: принципы визуальной журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 4. С. 53–66.
6. Остриков С.В. Проектно-художественное моделирование инфографики: теоретические основы и принципы: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2014. 233 с.
7. Селеменев С.В. Инфографика в школе // Информатика и образование. 2011. № 9. С. 38–44.
8. Силанов Н.А. Информационная графика в современной визуальной культуре // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 3. С. 23–31.
9. Смикиклас М. Инфографика: коммуникация и влияние при помощи изображений. СПб., 2013. 150 с.
10. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия: коллективная монография. М.: Наука, 1990. С. 180–186.
11. Федотовский В. Инфографика на службе новостей [Электронный ресурс]. URL: <http://infogra.ru/infographics/infografika-na-sluzhbe-novostej> (дата обращения: 29.01.2016).
12. Федотовский В. XIX-е столетие: Золотой век инфографики [Электронный ресурс]. URL: <http://infogra.ru/infographics/xix-e-stoletie-zolotoj-vek-infografiki> (дата обращения: 19.02.2016).
13. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? М., 2010. 293 с.
14. Friendly M. A Brief History of Data Visualization. Toronto: Psychology Department and Statistical Consulting Service York University, 2006. 43 p.
15. Tufte E.R. Envisioning Information. Cheshire: Graphics Press, 1990. 128 p.

REFERENCES

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreoлизованнykh tekstov) [Text linguistics and intercultural communication (study of creolized texts)]. M., Academia, 2003. 128 p.
2. Ermolaeva Zh.E., Lapukhova O.V., Gerasimova I.N. Infografika kak sposob vizualizatsii uchebnoi informatsii [Infographics as a way of visualizing educational information] // Shkol'nye tekhnologii [School technologies]. 2015, no. 2, pp. 100–107.
3. Laikova YA.V. Infografika v SMI raznogo tipa [Infographics in various types of media] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism]. 2014, no. 4, pp. 41–53.
4. Laptev V.V. Izobrazitel'naya statistika. Vvedenie v infografiku [Visual statistics. Introduction to infographics]. SPb., Eidos, 2012. 180 p.
5. Neklyayev S.E. Infografika: printsipy vizual'noi zhurnalistiki [Infographics: the principles of visual journalism] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism]. 2010, no. 4, pp. 53–66.
6. Ostrikov S.V. Proektно-khudozhestvennoe modelirovanie infografiki: teoreticheskie osnovy i printsipy: diss. ... kand. iskusstvovedeniya [Infographic design: theoretical foundations and principles: candidate thesis in arts]. M., 2014. 233 p.

7. Selemenev S.V. Infografika v shkole [Infographics in school] // Informatika i obrazovanie [Informatics and education]. 2011, no. 9, pp. 38–44.
8. Silanov N.A. Informatsionnaya grafika v sovremennoi vizual'noi kul'ture [Information graphics in contemporary visual culture] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika [Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism]. 2010, no. 3, pp. 23–31.
9. Smikiklas M. Infografika: kommunikatsiya i vliyanie pri pomoshchi izobrazhenii [Infographics: communication and images impact: collective monograph]. SPb., 2013. 150 p.
10. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function] // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya [Optimization of speech impact]. M., Nauka, 1990, pp. 180–186.
11. Fedotovskii V. Infografika na sluzhbe novostei [Elektronnyi resurs]. [Infographics in news service [E-source]]. URL: <http://infogra.ru/infographics/infografika-na-sluzhbe-novostej> (request date 29.01.2016).
12. Fedotovskii V. XIX-e stoletie: Zolotoi vek infografiki [Elektronnyi resurs] [The XIX century: the Golden age of infographics [E-source]]. URL: <http://infogra.ru/infographics/xix-e-stoletie-zolotoj-vek-infografiki> (request date 19.02.2016)
13. Yudina N.V. Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress? [Russian language in the XXI century: crisis? evolution? progress?]. M., 2010. 293 p.
14. Friendly M. A Brief History of Data Visualization. Toronto: Psychology Department and Statistical Consulting Service York University, 2006. 43 p.
15. Tufte E.R. Envisioning Information. Cheshire: Graphics Press, 1990. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Махрова Маргарита Михайловна – аспирант кафедры русского языка Педагогического института Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; e-mail: marg.maslova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Margarita Makhrova – postgraduate student at Russian language department of Vladimir State University named after Alexander and Nicolay Stoletov; e-mail: marg.maslova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Махрова М.М. Инфографика как инструмент представления информации: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-15-23

CORRECT REFERENCE

Makhrova M. Infographics as a tool of conveying information: linguistic aspect // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 15–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-15-23

УДК: 81-116.3

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-24-31

ТЕМА И РЕМА В ПОНИМАНИИ ПРАЖСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА И СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ М.А.К. ХЭЛЛИДЕЯ

Самоделкин А.А.

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется специфика интерпретации ключевых для теории функциональной перспективы понятий «тема» и «рема» двумя наиболее авторитетными научными школами – Пражским лингвистическим кружком и системно-функциональной школой М.А.К. Хэллiday. Актуальность настоящей статьи связана с насущной попыткой представить анализ пересекающейся и во многом противоречивой терминологии двух указанных школ. При этом новизна исследования заключается в описании основных различий таких понятий, как «тема» и «рема», на основе сопоставления взглядов представителей означенных научных направлений (В. Матезиуса, Я. Фирбаса, М.А.К. Хэллiday, П.Х. Фрайса). В статье обоснован тезис о том, что системно-функциональная школа в вопросе тема-рематического членения во многом отходит от принципов Пражского лингвистического кружка. Это, однако, не столь очевидно ввиду использования М.А.К. Хэллiday-ем традиционных понятий «тема» и «рема», наполненных специфическим содержанием.

Ключевые слова: тема, рема, данное, новое, пражский лингвистический кружок, системно-функциональная школа.

THEME AND RHEME FROM THE POINTS OF VIEW OF PRAGUE LINGUISTIC CIRCLE AND M. A. K. HALLIDAY'S SYSTEMIC-FUNCTIONAL SCHOOL

A. Samodelkin

*St. Tykhon Orthodox University
115184, Moscow, Novokuznetskaya st., 23B, Russian Federation*

Abstract. The article presents analysis of the interpretation of theme and rheme - crucial terms for functional analysis – by representatives of the two most prominent scientific approaches to the functional perspective – Prague linguistic circle functionalists and M.A.K. Halliday's systemic-functional school. Comprehensive comparison and analysis of these approaches is still lacking, though overlapping and often conflicting terminology of these two schools call for it. Even the basic terms - theme and rheme – still need certain clarification. Comparison of the two schools' view on these terms as (based on the analysis of works by W. Mathesius, J. Firbas, M.A.K. Halliday, P.H. Fries) showed that the systemic-functional approach to the theme-rheme division seriously diverges from the principles of the Prague linguist circle. The divergence is made less apparent by M.A.K. Halliday's usage of the traditional terms theme and rheme, though filling them with new content.

Key words: theme, rheme, given, new, Prague linguistic circle, systemic-functional school.

Нередко в научных работах, посвящённых вопросам грамматики текста, актуального синтаксиса, а также функциональной перспективы, можно встретить указания на такую проблему, как отсутствие единого терминологического аппарата. Е.А. Реферовская пишет: «Значительную трудность в выявлении ремы и темы высказывания представляет тот факт, что разные исследователи различно определяют понятия «тема» и «рема»: как данное / новое, известное / неизвестное, незначительное по важности / важное, то, о чем говорим / то, что сообщаем об этом» [2, с. 29].

Настоящая статья не претендует на унификацию подобного терминологического многообразия, но ставит своей целью сопоставительный анализ понятийных баз традиционного (исходного) подхода к изучению функциональной структуры языка – учения Пражского лингвистического кружка о тема-рематической устроенности речи – и нового, ставшего в последние десятилетия весьма влиятельным в научном мире подхода системно-функциональной школы М.А.К. Хэллидея.

С необходимостью представить анализ разных подходов к научно-терминологическому аппарату связана актуальность данной статьи.

При этом новизна исследования заключается в описании основных различий таких понятий, как «тема» и «рема», на основе сопоставления взглядов представителей вышеозначенных научных школ (В. Матезиуса, Я. Фирбаса, М.А.К. Хэллидея, П.Х. Фрайса).

Сразу же следует оговорить и то обстоятельство, что, несмотря на почти полувековую разницу между временем разработок В. Матезиуса и М.А.К. Хэл-

лидея, сравнительный анализ их подходов к смысловому наполнению понятий *темы* и *ремы* уместно проводить именно через противопоставление, а не через логическую преемственность. Для этого имеются два основания. Во-первых, подход системных функционалистов не заменил собою подхода В. Матезиуса – и по сегодняшний день многие исследователи коммуникативных структур и актуального синтаксиса ориентируются именно на учение чешского мыслителя. Во-вторых (и это обстоятельство тесно связано с первым), М.А.К. Хэллидей фактически наполнил понятия «тема» и «рема» совершенно иным содержанием, чем то, которое можно обнаружить у чешских исследователей – настолько иным, что говорить о преемственности в этой связи просто не уместно.

Подход Пражского лингвистического кружка

В. Матезиус в своё время сформулировал следующее определение: «Актуальное членение предложения следует противопоставлять его формальному членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет способ включения предложения в предметный контекст, на базе которого оно возникает. Основными элементами формального членения предложения являются грамматический субъект и грамматический предикат. Основные элементы актуального членения предложения — это исходная точка [или основа] высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или по крайней мере может быть легко понято и из чего исходит говоря-

щий, и ядро высказывания, то есть то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания» [8, с. 234].

Стоит рассмотреть также дефиницию последователя В. Матезиуса и его коллеги по Пражскому лингвистическому кружку Я. Фирбаса: «Под функциональной перспективой предложения, которую также порой называют актуальным анализом предложения, актуальным членением предложения или контекстуальной организацией предложения, мы понимаем устройство элементов предложения с точки зрения конкретной ситуации, т. е. с точки зрения контекста, как вербального, так и ситуативного» [4, с. 34].

Сегодня применительно к актуальному членению вместо терминов «исходная точка» и «ядро высказывания» в русскоязычной литературе чаще всего используются термины «тема» и «рема» соответственно; в англоязычной помимо «*theme*» и «*rheme*» широко распространены близкие по значению понятия «*topic*» и «*comment*».

Термин «тема» в контексте актуального членения использовал ещё сам В. Матезиус: «Исходная точка высказывания не всегда является темой высказывания в распространенном предложении, хотя нередко та и другая совпадают» [8, с. 235]. Сразу стоит отметить, что понятия «исходная точка высказывания» и «тема высказывания» не виделись исследователю полностью тождественными, хотя это и следует из приведенной цитаты. Далее В. Матезиус поясняет свои слова: «Очень часто исходный пункт высказывания содержит не один, а два, три и более элементов, почерпнутых из ситуации. Однако центральным становится более актуальный из них, а

остальные элементы выступают как элементы сопутствующие» [8, с. 240].

Термин же «рема» был введён в употребление Я. Фирбасом. Учёный пишет: «Те элементы предложения, которые передают нечто известное или нечто такое, что может быть заключено из вербального или ситуационного контекста (либо просто нечто, образующее исходный пункт для коммуникации) следует считать фундаментом коммуникации, темой предложения. Те же элементы предложения, которые передают новую информацию, следует считать коммуникативными ядрами или ремой предложения» [4, с. 34].

Итак, Я. Фирбас прямо указывает, что под термином «тема» понимается не какой-то позиционно обусловленный элемент предложения, а либо что-то известное или очевидное, либо просто то, что служит исходным пунктом коммуникации.

Так, в предложении

Особый «диалектический метод» у Маркса есть во всяком случае чистое недоразумение, все равно, разумеет ли логику в смысле Милля, т. е. методологию опытных наук, или же в смысле Гегеля, т. е. как метафизическую онтологию [1, с. 72]

темой является сочетание «особый диалектический метод у Маркса», стоящее в начальной позиции. Очевидно, именно оно выступает исходным пунктом сообщения. Дополнительным подтверждением тематического статуса этого сочетания служит предшествующий контекст, из которого явственно следует, что оно ещё и является элементом, передающим известную информацию:

У Маркса же вовсе нет никакого

особенного диалектического метода, который он сам у себя предполагает [1, с. 72].

В предложении же

Произошла, после смерти Гегеля, беспримерная философская катастрофа, как будто мы возвращаемся к веку «просвещения» и французскому материализму XVIII века [1, с. 70]

темой выступает сочетание «беспримерная философская катастрофа», что также подтверждается «известностью» этого элемента, продиктованной опять-таки предыдущим контекстом:

Вершина немецкого идеализма закончилась отвесным обрывом [1, с. 70].

Сочетание «отвесный обрыв» является тем элементом вербального контекста, из которого может быть заключено сочетание «беспримерная философская катастрофа».

Таким образом, реальный лингвистический материал демонстрирует: тема предложения не имеет строгой привязки к какой-то определённой его части (к началу, середине или концу), но определяется контекстно и семантически.

Взгляды членов Пражского лингвистического кружка в области актуального членения предложения, как известно, были широко восприняты мировым научным сообществом и оказали существенное влияние на последующее развитие науки о языке. Их разработки стали своего рода переломным моментом, прекратившим гегемонию формального подхода в лингвистике и открывшим эпоху функционального подхода к языку.

Наибольший интерес для настоящего исследования представляет развитие представлений об элементах актуального членения, или функцио-

нальной перспективы, предложения – о теме и о реме.

Подход системно-функциональной школы

Изучение научных трудов М.А.К. Хэллидея и его единомышленников неизбежно вызывает у исследователя, знакомого с учением об актуальном членении предложения, которое разработано основателем Пражского лингвистического кружка В. Матезиусом, осознание серьёзного расхождения этих двух лингвистических теорий.

Чуть выше уже было отмечено, что В. Матезиус не отождествлял понятия темы высказывания и его исходной точки. П. Фрайс в статье, посвящённой различиям в подходах Пражского кружка и системно-функциональной школы М.А.К. Хэллидея, не совсем верно приписывает В. Матезиусу смешение этих понятий: «Матезиус определял Тему как то, что известно или, как минимум, очевидно в определённой ситуации, и из чего говорящий исходит» [5, с. 1].

На самом деле, как было указано, учёный, напротив, говорил только о том, что тема высказывания *может* совпадать с его исходной точкой, но возможно и их несовпадение – тема вообще может не быть прямо названа в предложении, а быть очевидной контекстуально.

Как бы то ни было, П. Фрайс обозначает крайне любопытную и, очевидно, не нашедшую конкретизации в разработках Пражского кружка грань: «Определение, данное Матезиусом, совмещает две концептуальные составляющие дефиниции Темы: информация, являющаяся Темой, это

а. известная или очевидная в данной ситуации информация, и

б. информация, из которой исходит говорящий.

С систематической точки зрения, эти два концепта, представленные в описании Темы, данным Матезиусом (т.е. (а) и (б) выше), описывают разные вещи <...> Я назвал эти два подхода к определению Темы как 'комбинирующий подход' (принимаемый большинством сторонников Пражской школы) и 'расщепляющий подход' (используемый апологетами Системно-функциональной грамматики)» [5, с. 1].

Затем исследователь приводит пример: «According to these papers, he sold the farm last year» («Согласно этим газетам, он продал ферму в прошлом году») [5, с. 15] – и задаётся вопросом, что же будет темой этого предложения.

Очевидно, в понимании П. Фрайса темой здесь является часть «*According to these papers*». При этом исследователь полагает, что выделяемая таким образом тема соответствует тому, о чём В. Матезиус писал: «То, из чего исходит говорящий» [8, с. 234].

Впрочем, подобная точка зрения вполне укладывается в русло системно-функционального подхода и согласуется с концепцией его основоположника, М.А.К. Хэллидея, по которой темой предложения является его исходный пункт, понимаемый сугубо в плане синтаксической позиции.

Согласно теории М.А.К. Хэллидея тема-рематическая оппозиция, выражаясь в порядке следования элементов, фактически оформляет внешнюю, материальную структуру высказывания, придавая ему характер сообщения (где говорящий из чего-то исходит и что-то сообщает): «Тематическая

система организует предложение в форму сообщения, состоящего из Темы + Ремы» [6, с. 114].

Внутренняя же – семантическая – структура высказывания оформляется так называемой информационной системой, состоящей из оппозиции *данное / новое*: «Эта система относится не к предложению, а к отдельному грамматическому элементу – информационному единству» [6, с. 114].

«Информационные системы оформляют структурный элемент и формируют его таким образом, чтобы связать его с предшествовавшим дискурсом; тогда как тематизация имеет дело с элементом структуры предложения, с грамматической основой, и структурирует её вне зависимости от сказанного ранее. Такое структурирование бинарно: теме отводится начальная позиция, а всё, что следует далее, является ремой» [7, с. 212], – пишет М.А.К. Хэллидей.

Если исходить из его концепции, получается, что темами предложений

(1) *Согласно этим газетам, он продал ферму в прошлом году.*

(2) *Он продал ферму в прошлом году, согласно этим газетам.*

будут «Согласно этим газетам» для (1) и «Он продал ферму в прошлом году» (или просто «Он») для (2).

Такое видение темы (а следовательно, и ремы, понимаемой здесь не в качестве смыслового ядра высказывания, а в качестве того, что следует за темой) отлично от свойственного подходу В. Матезиуса. Но в то же время эта точка зрения вскрывает новый уровень коммуникативной структуры высказывания, хотя при этом и возникает двусмысленность в интерпретации понятия «тема».

При понимании темы как исходной точки не столь ярко выражается контекстная обусловленность содержательной стороны высказывания. На эту проблему действительно обращают своё внимание исследователи: «[Существует] неопределённость между понятием Темы, как 'исходной точки высказывания', и понятием Темы, как того, 'о чем предложение'. В этом контексте важно различие между понятиями Темы и Предмета. В настоящее время между систематистами идёт большая дискуссия о том, стоит ли определять Тему как то, с чего начинается предложение, или как то, с чего предложение начинается, включая Предмет предложения» [3, с. 96].

Но данная проблема, главным образом, имеет терминологический характер, ведь едва ли могут возникнуть сомнения в том, что высказывание в реальной ситуации будет, скорее всего, как-то связано со своим контекстом, а также как-то детерминировано им.

Если попытаться вообразить себе вербальный контекст, в котором возможно появление такого предложения, как «Согласно этим газетам, он продал ферму в прошлом году», наиболее вероятным будет такой, в котором речь ведётся о некоем человеке, а «эти газеты» выступают частью ситуативного и невербального контекста, служебного по отношению к контексту вербальному. И при этом, хотя и являясь исходной точкой высказывания, часть «согласно этим газетам» не будет темой как тем, о чем идёт речь в высказывании. Речь идёт о человеке, продавшем ферму. Но в принципе концептуального конфликта нет – просто получается, что то, о чём в высказывании идёт речь, приобрета-

ет другое название – становится *дан-ным*.

Но всё запутывается окончательно, если высказыванию «Согласно этим газетам, он продал ферму в прошлом году» предшествует высказывание «Взгляни на вот эти газеты». Выходит, что *данным* являются обе части высказывания. Но части «согласно этим газетам» приписывается ещё и тематическая функция ввиду начальной позиции в высказывании.

Как бы то ни было, под определением «из чего исходит говорящий» В. Матезиус не имел в виду просто позиции элемента в абсолютном начале предложения – ведь можно исходить из некоего знания и вести речь именно о нём, но при этом начать высказывание, что называется, издадала.

Заключение

Итак, в своём подходе к анализу функциональной перспективы предложения системно-функциональная школа одновременно уходит в более глубокую сферу информационных текстовых структур, оперирующих оппозицией *данного / нового*, и отходит от принципов актуального членения В. Матезиуса, поскольку привязывает явление темы предложения к синтаксической позиции. Этим нарушается главный момент учения чешской школы, сводящийся к тому, что в зависимости от конкретной (т. е. обусловленной контекстом) ситуации одно и то же предложение может иметь разную тема-рематическую (т. е. семантически-акцентированную) структуру.

Настоящее исследование не считает возможным назвать какой-то из этих двух подходов более, а какой-то

менее верным. Но с уверенностью можно заключить, что они весьма отличны один от другого – кажущаяся же их близость коренится в использовании пересекающегося терминологического аппарата. Вместе с тем, одни и те же термины «тема» / «рема» учёные из Пражского лингвистического кружка и из системно-функциональной школы М.А.К. Хэллидея наделяют разным понятийным объёмом. Это связано в первую очередь с тем, что в двух рассмотренных подходах эти тер-

мины применяются по отношению к разным языковым уровням: тогда как для В. Матезиуса и его последователей «тема» и «рема» являются функциональными элементами, связывающими предложения друг с другом – т. е. элементами, обусловленными прежде всего контекстом и действующими вне границ отдельно взятого предложения, – для системных-функционалистов «тема» и «рема» выступают структурными элементами одного изолированного предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. М.: Русская книга, 1992. 527 с.
2. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста. М.: Наука, 1989. 167 с.
3. Davies M. Theme, information and cohesion // *Language and Function: to the memory of Jan Firbas*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2003. P. 89–110.
4. Firbas J. Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech // *Brno Studies in English*. Vol. 1. 1959. P. 34–65.
5. Fries P.H. A personal view of theme // *Thematic Development in English Texts* / ed. by M. Ghadessey. London, 1995. P. 1–19.
6. Halliday M.A.K. *Introduction to Functional Grammar*. 4th ed. London: Routledge, 2013. 808 p.
7. Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English: part 2 // *Journal of Linguistics*. Vol. 2. № 2. 1967. P. 199–244.
8. Mathesius V. O tak zvaném aktužli'm členění vět'ném // *Čeština a obecný jazykozpyt*, Praha, 1947. P. 234–242.

REFERENCES

1. Bulgakov S.N. Geroizm i podvizhnichestvo [Heroism and selfless devotion]. M., Russkaya kniga, 1992. 527 p.
2. Referovskaya E.A. Kommunikativnaya struktura teksta [The communicative structure of the text]. M., Nauka, 1989. 167 p.
3. Davies M. Theme, information and cohesion // *Language and Function: to the memory of Jan Firbas*. Amsterdam: John Benjamin Publishing Company, 2003. P. 89–110.
4. Firbas J. Thoughts on the communicative function of the verb in English, German and Czech // *Brno Studies in English*. Vol. 1. 1959. P. 34–65.
5. Fries P.H. A personal view of theme // *Thematic Development in English Texts* / ed. by M. Ghadessey. London, 1995. P. 1–19.
6. Halliday M.A.K. *Introduction to Functional Grammar*. 4th ed. London: Routledge, 2013. 808 p.
7. Halliday M.A.K. Notes on Transitivity and Theme in English: part 2 // *Journal of Linguistics*. Vol. 2. № 2. 1967. P. 199–244.
8. Mathesius V. O tak zvaném aktužli'm členění vět'ném // *Čeština a obecný jazykozpyt*, Praha, 1947. P. 234–242.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самodelкин Антон Андреевич – аспирант кафедры теории и истории языка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета;
e-mail: Andreevich_anton@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samodelkin Anton – postgraduate student of chair of the theory and history of language of Orthodox Sacred and Tychonoff humanities university;
e-mail: Andreevich_anton@inbox.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Самodelкин А.А. Тема и рема в понимании пражского лингвистического кружка и системно-функциональной школы М. А. К. Хэллидея // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-24-31

CORRECT REFERENCE

A. Samodelkin. Theme and rheme from the points of view of prague linguistic circle and M.A.K. Halliday's systemic-functional school // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 24–31.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-24-31

УДК 811.111.1'38

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49

ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ ДЖЕРОМА К. ДЖЕРОМА

Сафонкина С.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется творческая биография Джерома К. Джерома, те лингвистические и экстралингвистические факторы, что способствовали формированию его идиостиля. Выявляются, анализируются и систематизируются стилистические приёмы, используемые в авторском и перепорученном повествовании, характерные для идиостиля Джерома К. Джерома. Как показывает анализ, язык писателя отличается широким употреблением субстантивной метафоры, метафорических и персонифицирующих эпитетов, сравнений, повторов, антитезы.

Ключевые слова: ирония, юмор, идиостиль, стилистические приёмы.

JEROME K. JEROME'S IDIOSTYLE FEATURES

S. Safonkina

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio str. 10A, Russian Federation*

Abstract. In the article some important facts concerning Jerome K. Jerome creative writing are analyzed, linguistic and extralinguistic factors that contributed to forming his idiosyle are considered. Various stylistic devices characteristic of Jerome's style used both in intrusted and author's narrative are explored and systematized. As the analysis proves substantive metaphors, metaphoric and personifying epithets, similes, repetitions, antithesis are widely used in the writer's language.

Key words: irony, humour, idiosyle, stylistic devices.

Идиостиль является органичной частью творческой индивидуальности писателя, отражает его уникальность и отличает того или иного художника от собратьев по перу.

Под идиостилем писателя обычно имеются в виду характерные для его манеры письма стилистические выразительные средства. Вместе с тем индивидуально-авторский стиль (идиостиль) отражает национальные, психологические и нравственно-эстетические особенности писателя.

Проанализируем некоторые из характерных для стиля Джерома К. Джерома черт на примере его, как сказали бы сегодня, культового произведения, светлой, весёлой повести «Трое в лодке, не считая собаки» [10], и не столь известного, написанного позже, совершенно другого по стилю и настроению произведения,

повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны» [12]. Но поскольку идиостиль писателя как языковой личности формируется под воздействием всего многообразия экстралингвистических факторов и проявляется в структуре, семантике и прагматике текста его произведений, упомянем некоторые из фактов биографии писателя, необходимых для понимания той концептуальной картины мира, которая ему присуща и которая проявляется в тексте его произведений.

Отец Джерома был архитектором, потом владельцем угольных шахт, но семья разорилась, он умер, когда Джерому было 12 лет. Через три года умирает его мать, и с четырнадцати лет подросток сам стал зарабатывать на жизнь, поступив клерком в железнодорожную компанию, и в первое время занимался тем, что собирал уголь, валявшийся вдоль железной дороги. Стремление стать литератором, в котором его поддерживала мать, живет в нём со школьных лет, когда он много и увлечённо читает. А жизнь бедняков, нищету и тяжёлый труд жителей рабочих кварталов Лондона он наблюдал воочию, когда, обеднев, осаждаемый кредиторами отец перевёз семью в восточный пригород столицы, примыкавший к Ист-Энду, где нищета «начиналась сразу за порогом». Заметим, что, видимо, эти впечатления юности и позволили писателю так достоверно изобразить жизнь рабочей окраины, где были расположены склады Ингерфилда.

В восемнадцать лет Джером увлёкся театром и, став актёром бродячей труппы, провёл на сцене три года. Уже тогда товарищи по труппе видели у Джерома К. Джерома талант комика,

он же мечтал о карьере трагика, ему было мало только смешить людей. Поэтому, расставшись с театром, Джером К. Джером обращается к литературе. Стремясь выбиться «в люди», Джером сменил много профессий. Он был и репортёром, и школьным учителем, и секретарём у подрядчика, и клерком в конторе стряпчего. И, одновременно, писал – много и непрерывно.

Первый успех принесла ему книга «На сцене и за кулисами» [8], опубликованная в 1885 г. В ней он с юмором пишет о жизни театра, о приехавших зрителю театральных штампах и сценических персонажах.

Вторая книга Джерома «Праздные мысли лентяя» издана в 1886 г. Это короткие юмористические рассказы, написанные в форме эссе на различные темы: о праздности, о влюблённости, о погоде, о суете и тщеславии и др. Приведём несколько цитат из этого сборника, отличающихся своей афористичностью: «Стремление к праздности всегда было сильной чертой моего характера», «Невозможно вполне наслаждаться праздностью, если у вас нет множества дел» («О праздности») [4, с. 280]; «Мы пьём за здоровье друг друга и портим собственное здоровье» («О еде и питье») [4, с. 311]; «Память – это капризное дитя: все её игрушки поломаны», «Музыка жизни умолкнет, если оборвать струны воспоминаний» («О памяти») [4, с. 314; 320]. Заметим, что, рассуждая о бедности в рассказе «О том, как бывают в стесненных обстоятельствах», Джером вспоминает обстоятельства собственной жизни, когда, будучи провинциальным актёром, он порой существовал целыми неделями на пятнадцать шиллингов, даже иногда и на десять, а однажды прожил полме-

сяца и на ещё меньшую сумму, вырученную от продажи старого костюма. Рассказы автор предваряет словами, что посвятил этот маленький томик “to the companion of my idle hours, the soother of my sorrows, the confidant of my joys and hopes – my oldest and strongest pipe” [9] – «товарищу моих праздных часов, утешителю моих горестей, поверенному моих радостей и надежд, – моей старой трубке» (перевод автора).

В 1889 г. появляется повесть о путешествии троих друзей по реке, главный шедевр Джерома, после её публикации писатель приобретает финансовую независимость, оставляет службу в конторе стряпчего, много пишет, ездит по стране, читает лекции, путешествует.

Обе книги, и сборник «Праздные мысли лентяя», и его знаменитая повесть «Трое в лодке, не считая собаки», имели успех, были восторженно приняты публикой. Однако отзывы критиков, современников Джерома, расходились с мнением читателей. В автобиографии «Моя жизнь и эпоха» [13], написанной в 1926 г., он вспоминал, как критики обвиняли его в грубости и вульгарности, отсутствии вкуса, насмешливо называли отцом нового юмора, угрозой английской литературе. “One might have imagined – to read some of them – that the British Empire was in danger” [13, p. 87] – «Почитать некоторых из них, так можно было вообразить, что Британская империя была в опасности» (перевод автора) – вспоминал Джером в своих мемуарах.

Писателя упрекали в том, что его юмор не соответствует традициям английской юмористики. С этим трудно согласиться, ведь тип героя-чудака и юмор положений, характерные для произведений Джерома К. Джерома,

не были чужды английской литературе, рядом с юмором характеров они встречаются в романах Г. Филдинга, Т. Смоллетта, Ч. Диккенса [1, с. 11].

Повесть «Трое в лодке, не считая собаки» написана в традиции жанра юмористического путешествия, во время которого на героев обрушиваются неисчислимы бедствия.

Джером принялся за создание повести сразу же по возвращении из свадебного путешествия по Темзе. После венчания в июне 1888 г. молодожёны отправились в плавание по Темзе на гребной лодке, проведя на реке свой медовый месяц. В то время увлечение речными прогулками было повсеместным среди горожан. Вернувшись, супруги поселились в фешенебельном районе западной части Лондона, Челси, и Джером решил написать книгу, которая должна была стать путеводителем по Темзе, описывающим её ландшафт и историю, назвав её «История Темзы» и вставляя в неё помимо серьезных описаний юмористические отрывки. Однако основным содержанием книги всё же стало весёлое повествование о приключениях трёх английских джентльменов, попадающих в комичные ситуации и преодолевающих трудности лодочного похода, в котором, кроме того, упоминаются и интересные факты из истории Англии и небольших городов на берегах реки, мимо которых они проплывают. Название книги пришлось изменить.

У Джерома К. Джерома было двое друзей, с которыми он неоднократно путешествовал на лодке по Темзе и ездил на велосипедах через Европу в Шварцвальд. Звали этих друзей Карл Хенчель и Джордж Уингрейв. Они и стали прототипами персонажей по-

вести. С последним Джером познакомился, когда работал клерком в адвокатской конторе. Джордж Уингрейв (выведенный в книге как Джордж) был банковским служащим, который "...goes to sleep at a bank from ten to four each day, except Saturdays, when they wake him up and put him outside at two" [10, p. 16], – «...спит в каком-то банке от десяти до четырёх каждый день, кроме субботы, когда его будят и выставляют оттуда в два» [5, с. 41], как напишет о нём Джером во второй главе. Оба они квартировали в Лондоне, снимая комнату на двоих. Оба молодых человека оказались страстными театрами, и возникшую на этой почве дружбу они сохранили до конца своей жизни. Джордж так и остался холостяком, дорос до управляющего банком и умер в возрасте 79 лет в марте 1941 г.

Второй прототип, Карл Хенчель, которого в своей книге Джером окрестил Уильямом Самюэлем Гаррисом, в 23 года основал клуб театралов, начав тем самым длинную и выдающуюся карьеру, которая заслужила некролог в "Таймс". Позднее Хенчель заявлял, что не пропустил почти ни одной лондонской премьеры с 1879 г. Именно на театральном поприще Джером и познакомился с ним. Умер Карл Хенчель в январе 1930 г., оставив жену и троих детей.

Однако кое-что по сравнению с прототипами Джером в своих персонажах изменил. Так, читатели были уверены в том, что Гаррис любит выпить: взять хотя бы упоминание о совсем небольшом количестве таких трактиров, в которые Гаррис ни разу не заходил. На самом деле Хенчель (Гаррис) был единственным трезвенником из них троих.

Фокстерьера Монморенси Джером выдумал, признавая, что наделил его некоторыми своими чертами. Фокстерьер Джим появился в семье Джеромов в более поздние годы, став любимцем писателя.

Джордж, Гаррис и рассказчик (Джим) – герои двух комических эпипей: «Трое в лодке, не считая собаки» и опубликованной в 1900 г. повести «Трое на велосипедах», рассказывающей о путешествии наших старых знакомых по Германии. В обеих повестях о путешествии трёх друзей рассказывает один из участников событий. В композиционном отношении они представляют собой набор комических эпизодов, объединённых образом рассказчика и темой дороги.

Это представители среднего класса, пусть беспечные, но такие ироничные и обаятельные английские джентльмены, борющиеся с трудностями путешествия и непривычным походным бытом. Англичане с хорошим чувством юмора, они могут быть смешными и трогательными, с ними всё время приключаются забавные происшествия, они иронией и самоиронией защищаются от повседневных забот. Это образы героев-чудаков, неприспособленных к жизни, постоянно попадающих в комичные ситуации и всё же симпатичных читателю. Их узнаваемость, чудаковатость делают их похожими на героев произведений Ч. Диккенса.

Стилистические лексические средства в персонажной речи в повести «Трое в лодке, не считая собаки»

Использование Джеромом лексических стилистических средств в персонажной речи мы исследовали на

примере его повести «Трое в лодке, не считая собаки», самом известном его произведении. Написана она в форме перепорученного повествования от первого лица. Персонажная речь, главным образом, звучит из уст самого рассказчика, а его друзья Гаррис и Джордж вставляют реплики лишь изредка в довольно немногочисленных приведенных в повести диалогах. Мысли и рассуждения четвертого участника путешествия, фокс-терьера Монморенси, естественно, читаются в изложении их рассказчиком. Повесть начинается с того, что трое друзей – Джордж, Уильям Сэмюэль Гаррис, рассказчик, а также его собака, фокс-терьер Монморенси, – сидя перед камином в гостиной рассказчика, решают, что им надо недельку отдохнуть, выбравшись на природу куда-нибудь в «уединённое местечко» [5, с. 31] – “*retired spot*” [10, р. 12], «провести в мечтах солнечную недельку среди сонных тропок» (перевод автора) – “*dream away a sunny week among its drowsy lanes*” [10, р. 12], забираясь высоко в орлиное гнездо, «причудливо взгромоздившееся на утёсы Времени» (перевод автора) – “*quaint-perched eyrie on the cliffs of Time*” [10, р. 12], «вдали от шумного мира» – “*out of the reach of noisy world*” [10, р. 12] Лондона с его «безумными толпами» *madding crowd* [10, р. 12]. Как видим, описывая мир своей мечты и противопоставляя его лондонской повседневности, рассказчик не скупится на эпитеты и даже использует метафору *cliffs of Time* (утёсы Времени). Троице приятелям надо отдохнуть и поправить здоровье, особенно рассказчику, который как-то раз, отправившись в Британский музей, чтобы прочитать там медицинскую книжку по поводу сенной

лихорадки, которой он страдал, увлёкся, прочитав весь справочник и нашёл у себя симптомы всех описанных в нём болезней. Он понял, что это «ужасное, огромное бедствие» (перевод автора) – “*some fearful, devastating scourge*” [10, р. 8], и сидел, «застыв от ужаса, с равнодушием отчаяния» [5, с. 28] – “*I sat frozen with horror in the listlessness of despair*” [10, р. 8]. Вновь видим использование эпитетов и метафоры. Раздумывая, как бы он был полезен студентам-медикам в качестве наглядного примера, рассказчик вновь использует метафору (в форме квазитождества): “*I was a hospital in myself*” [10, р. 9] – «Я сам по себе был госпиталем» (перевод автора).

Рассказчик наделяет Монморенси речью, и в конце первой главы Монморенси возражает против лодочной прогулки, «говоря», что пейзажи его не интересуют, и потом, он не курит (“*I don't smoke*” [10, р. 15]). В его монологе используются синтаксический параллелизм и анафорический повтор: “*If I see a rat, you won't stop; and if I go to sleep, you <...> slop me overboard*” [10] – «Если я увижу крысу, вы все равно не остановитесь, а если я засну, вы <...> плюхнете меня за борт» [5, с. 40]. А в тринадцатой главе рассказчик наделяет речью и «большущего подозрительного вида чёрного кота» (перевод автора) – “*large black <...> disreputable-looking cat*” [10, р. 102], приводя воображаемый мысленный диалог между ним и Монморенси. Мускулистый «жилистый кот» (перевод автора) – “*sinewy-looking animal*” [10, р. 102] побывал во многих переделках, потерял ухо и хвост, и небольшой фокс-терьер вежливо отступил. Описывая кота, Джером использует эпитеты, выраженные сложными прилагательными.

Если уж говорить о Монморенси, то нельзя не вспомнить метафору и знаменитый фразовый эпитет Джерома К. Джерома, когда во второй главе рассказчик говорит о бойцовском, дерзком характере пса и лицемерном умильном выражении, которое он придавал своей морде. Потому что, взглянув на Монморенси, можно было бы подумать, что «он ангел, посланный на землю» [5, с. 47] – “*he was an angel sent upon the earth*” [10, p. 19]. И, глядя на него, на глазах у благочестивых старых леди и джентльменов появляются слёзы, потому что “*there is a sort of Oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler expression about Monmorency*” [10] – «он словно хочет сказать: «О, как испорчен этот мир и как бы я желал сделать его лучше и благороднее» [5, с. 47].

Поскольку мы уже говорили, что идиостиль писателя выражает его нравственно-эстетические особенности, его взгляд на мир, с этой точки зрения представляется интересным проанализировать некоторые из философских рассуждений писателя, высказанных им от лица рассказчика и, безусловно, оформленных рядом стилистических приёмов. Так, этим рассуждениям посвящена целая страница в третьей главе. Побудительным мотивом к ним служит реплика Джорджа, построенная на антитезе о том, что друзья хотят взять в путешествие по реке слишком много вещей: «Мы на ложном пути. Нам следует думать не о тех вещах, которые могут нам пригодиться, а о тех, без которых нам не обойтись» (перевод автора) – “*We are on the wrong track altogether. We must not think of the things we could do with, but*

only of the things that we can't do without” [10, p. 23]. И рассказчик замечает, используя метафору “*river of life*”, что это мудрое высказывание верно и в целом по отношению к нашему путешествию по реке жизни: “*with reference to our trip up the river of life generally*” [10, p. 23]. И, перечисляя всё то громоздкое и ненужное, тот хлам (*lumber*), а именно роскошную одежду, большие дома, бесполезных слуг, уйму неискренних друзей и т. д., которым многие по самую мачту загружают свою лодку в путешествии по жизни, рискуя перевернуться, рассказчик призывает, неоднократно используя повтор: “*Throw it overboard. <...> Throw the lumber over, man!*” [10, p. 24] – «Выбросьте его за борт. ...Выбросьте этот хлам за борт!» [5, с. 56]. Джером заключает, используя метафору “*boat of life*”: “*Let your boat of life be light, packed with only what you need*” [10, p. 24] – «Пусть ваша лодка жизни будет лёгкой и несёт только то, что вам необходимо» (перевод автора).

Джером не раз пускается в весьма ироничные рассуждения о человеческой природе. Так, возвращаясь к теме «иметь и не иметь», он замечает, прибегая к антитезе: “*Each person has what he doesn't want, and other people have what he does want*” [10, p. 44] – «Один человек имеет то, что ему не нужно, а другие обладают тем, что он хочет» (перевод автора). И, развивая эту тему, делясь своими наблюдениями над жизнью, вновь используя антитезу, с мягким юмором отмечает: “*Married men have wives, and don't seem to want them; and young single fellows cry out that can't get them*” [10, p. 44] – «Женатые мужчины имеют жён и, видимо, не дорожат ими, а молодые холостяки кричат, что не могут найти жену» [5, с. 92]. Он вспо-

минает о школьном приятеле, который всё время болел, в то время как его друзья мечтали поболеть хоть недельку и не ходить в школу, о богачах, которые умирают бездетными, и бедняках, которые не могут прокормить дюжину своих ребятишек, и в итоге приходит к неутешительному заключению, в котором звучит распространённая метафора: *“Such is life; and we are but as grass that is cut down, and put into the oven and baked”* [10, p. 45] – «Такова жизнь, и мы – лишь трава, которую срезают, кладут в печь и жгут» [5, с. 94]. Приведём ещё две его сентенции философского характера, построенные в форме квазитожеств: *“We are creatures of the sun”* [10, p. 47] – «Все мы – создания солнца» (перевод автора), *“Pain and Sorrow are but the angels of God”* [10, p. 80] – Горе и мука не что иное, как ангелы Господни (перевод автора).

Надо сказать, что Джером, по-видимому, не согласен и со строгой викторианской моралью английского общества конца XIX в. В шестнадцатой главе он рассказывает историю утопленницы, молодой женщины, полюбившей и родившей ребёнка вне брака, от которой отвернулись родственники и друзья. Он явно сочувствует ей, предполагая, что её мольбы о помощи натолкнулись на *“the chill wall of their respectability”* [10, p. 130] – «холодную стену их респектабельности» (перевод автора), «и лишь старая река приняла её в свои нежные объятия» (перевод автора) – *“And the old river had taken her into its gentle arms”* [10, p. 131] (использование субстантивных метафор). Приведём афористичное образное высказывание Джерома о женщинах, которые всё же помнят и любят мужчину, бросившего, и быть может, по-

губившего их: *“women strangely hug the knife that stabs them”* [10, p. 130] – «женщины странным образом любят нож, который их ранит» (перевод автора).

В повести Джером проявляет себя как англичанин, любящий свою «зелёную Англию». Как истинный художник слова, он рисует картины природы, использует большое количество эпитетов и метафор, чтобы передать тончайшие её оттенки, и обещает, что читатель сможет «напитаться солнечным светом жизни, услышать эолову музыку, которую божественный ветер извлекает из струн нашего сердца» [5, с. 57] – *“to drink in life’s sunshine, to listen to the Aeolian music that the wind of God draws from the human heart-strings”* [10, p. 24]. Читатель будет «любоваться золотом и зеленью лесов, белыми и желтыми лилиями, мрачным колышущимся тростником <...> и голубыми незабудками» [5, с. 56] – *“to watch woods all green and golden, or the lilies white and yellow, or the somber-waving rushes, <...> or the blue forget me not”* [10, p. 24]. Надо отметить, что в пейзажных описаниях, например, изображений угасающего дня и ночной реки, Джером прибегает к красивейшим, и сложнейшим распространённым метафорам, в которых угадывается его любование природой, чья красота восхищает его эстетическое чувство: *“Night upon her somber throne, folds her black wings above the darkening world and from her phantom palace, lit by the pale stars, reins in stillness”* [10, p. 16] – «Ночь на мрачном своем престоле окутывает черными крыльями погружающийся во мрак мир и безмолвно царит в своём призрачном дворце, освещённом бледными звёздами» [5, с. 42]. Говоря о ночи, он использует олицетворение и срав-

нение: "Then Night, like some great loving mother <...> smiles, <...> Night's heart is full of pity for us" [10, p. 80] – «Ночь, как великая, любящая мать, <...> улыбается, <...> Сердце ночи полно жалости к нам» [5, с. 155].

Он сравнивает плавание под парусом с полётом, прибегая к субстантивной метафоре и олицетворению: "The wings of the rushing wind seem to be bearing you onward, you know not where... you are a part of Nature! <...> and the clouds, so close above your head, are brothers" [10, p. 97] – «Кажется, что крылья мчащегося ветра несут вас вперёд, и вы не знаете куда <...> вы – часть Природы, <...> а облака, которые так близко над головой, – ваши братья» (перевод автора). А в полном поэзии описании заката Джером щедро использует субстантивные метафоры, эпитеты, сравнение: "And the red sunset threw a mystic light upon the waters, <...> and made a golden glory of the piled-up clouds. We seemed like knights of some old legend, sailing across some mystic lake into the unknown realm of twilight, into the great land of the sunset" [10, p. 98] – «Красный закат бросает мистический отблеск на воду <...> и золотым великолепием окрашивает сгрудившиеся облака. Мы подобны рыцарям из старых легенд, плывущим по мистическому озеру в неизвестность сумерек, в огромную страну заката» (перевод автора).

Приведём некоторые примеры стилистических средств, к которым прибегает Джером в пейзажных описаниях. Среди них ключевую роль играют эпитеты, например, персонифицирующие: "dead sun, sad clouds, dying day, sighing rushes" [10, p. 16] – «умершее солнце, печальные облака, умирающий день, вздыхающий камыш» [5,

с. 42], "shy young vine peeping" [10, p. 47] – «стыдливая молодая лоза» [5, с. 98]; аллитерирующие, сравнительные и антономасийные: "sad, silent sighs" [10, p. 78] – «грустные тихие вздохи» [5, с. 99], "deathlike silence" [10, p. 47] – «мёртвая тишина» [5, с. 98], "herculean task" [10, p. 18] – «задача по плечу одному Геркулесу» [5, с. 44]. И метафоры, например, "субстантивные: "Night's ghostly army" [10, p. 16] – «призрачные полчища ночи [5, с. 42], "realm of twilight" [10, p. 98] – «царство сумерек» [5, с. 186], "great land of the sunset" [10, p. 98] – «великая страна заката» [5, с. 186], "sweet smiling face of the river" [10, p. 131] – «улыбка реки» [5, с. 244]; глагольные: "the river prattles strange old tales, sings the old child's song" [10, p. 16] – «река рассказывает диковинные старые сказки, напевает детскую песенку» [5, с. 42], "and we watch the river as it flows, ever singing, ever laughing, ever whispering to meet its king, the sea" [10, p. 17] – «и мы наблюдаем как течет и поёт, и смеётся, и шепчет река, чтобы встретить своего короля, море» (перевод автора); распространённые: "the moon <...> stoops down to kiss the river with a sister's kiss, and throws her silver arms around it clingingly" [10, p. 16] – «луна <...> наклоняется, чтобы поцеловать реку сестринским поцелуем, и заключает её в свои серебряные объятия» (перевод автора). Используются и сравнения, например: "It was a glorious morning, <...> and the year seems like a fair young maid, trembling with strange, wakening pulses" [10, p. 42] – «Стояло великолепное утро <...> и природа, словно юная красавица, охвачена непонятным, тревожным трепетом» [5, с. 88], "Montmorency and I stood there and waited both as good as gold" [10,

р. 75] – «Мы с Монморенси стояли и ждали оба, как золотце, тихие и смиренные» (перевод автора), *"Silent, like sorrowing children, the birds have ceased their song"* [10, р. 16] – «Умолкнув, как загрустившие дети, птицы перестали петь» [5, с. 42].

Повесть Джерома – это настоящий путеводитель по Темзе, её шлюзам, с описанием городов, расположенных на её берегах, их истории, связанной с королевскими особами, войнами. И, рассказывая о них, он замечает, прибегая к сравнению: *"...all human life lies like a book before us"* [10, р. 80] – «...вся человеческая жизнь лежит перед нами, точно раскрытая книга» [5, с. 155]. Или, например, увлекательно повествуя в одиннадцатой главе о событиях, произошедших июньским утром 1215 г. на лугу Раннимед близ Лондона (на правом берегу Темзы между Виндзором и Стейнсом), когда группа восставших баронов вынудила короля Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей, гарантировавшую его подданным определённые привилегии и права, Джером использует красочное сравнение: *"John's French mercenaries hover like crouching wolves"* [10, р. 87] – «Французские наёмники короля напрыгались, как притаившиеся волки» (перевод автора); употребляет яркую субстантивную метафору (в форме квазитождества): *"...for the sword is judge and jury, plaintiff and executioner, in these tempestuous times"* [10, р. 87] – «...ибо в эти бурные времена меч – это судья и присяжный, истец и палач» [5, с. 168]; а саму хартию, вновь прибегая к метафоре, характеризует как «краеугольный камень английского храма свободы» [5, с. 171] – *"the great cornerstone in England's temple of liberty"* [10, с. 89].

В повести «Трое в лодке, не считая собаки» при анализе стилистических особенностей персонажной речи было выявлено, что Джером К. Джером чаще всего использует эпитеты и метафоры. Причём преобладают в его языке эпитеты речевые, их вдвое больше, чем языковых, и наибольшее число из них составляют метафорические эпитеты. Писатель прибегает также и к метонимическим (или перенесенным), сравнительным, гиперболическим эпитетам. Безусловно, эпитеты и метафоры, субстантивные и глагольные, а также распространённые, используются писателем при передаче картин природы, что неудивительно, так как эпитет ярче всего может выразить поразивший воображение художника пейзаж, а метафора, особенно распространённая, – создать запоминающийся поэтический образ. Метафору он использует и в своих философских размышлениях о жизни. Хотя Джером употребляет сравнения в меньшей степени, у него они обладают большой образностью. Не обходит он стороной и антитезу, нередко переходя при этом от серьёзного поистине философского утверждения к шутке.

«Трое в лодке, не считая собаки» – это лёгкая, светлая книга, весёлый фарс с бесконечным разнообразием комических положений, написанный «молодым человеком для молодёжи, а также и для тех пожилых людей, которые не забыли, как радостно и беззаботно смеются в молодости» [1, с. 14].

Джером упорно позиционирует своих героев, да и самого себя как лентяев. Во время своего, на первый взгляд довольно-таки ординарного, путешествия по реке друзья в этой повести постоянно спорят о том, кто

больше всех работает, кому выполнять обязанности, связанные с физической нагрузкой. Каждому из них постоянно кажется, что именно он выполняет всю работу, а друзья прохлаждаются за счёт его усилий. Все они плохо выполняют то, что должны: ломают, роняют и забывают необходимые вещи. Безделье героев книги – просто одно из очередных чудачеств, которые обязательно должны быть у каждого настоящего англичанина.

Талант Джерома-рассказчика скачивается в сочетании в его повести юмористического и философского начал, его творческая манера сочетает юмор и назидательность, отмечена избытком комических ситуаций. Нельзя не отметить ироничность стиля Джерома и афористичный язык его произведений.

В 1892 г. Джером был приглашён редактором и соиздателем в новый юмористический журнал «*Idler*» («Лентяй»). Его фигура в качестве редактора определила и характер журнала, и само название, сразу же извещавшее читателя, что ему предстоит встретиться с тем самым лентяем, праздные мысли которого так позабавили всех несколько лет назад.

Обязанности редактора оставляли ему так мало досуга, что за пять лет своей издательской работы он не написал почти ничего. Но редактором и организатором он был великолепным. Он сумел собрать вокруг своего журнала и талантливую молодёжь, и известных уже писателей. По пятницам Джером К. Джером устраивал литературные вечера, на которых бывали известные литераторы – Р. Стивенсон, Г. Уэллс,

Б. Шоу, Т. Гарди. Джером также общался с такими писателями, как А. Конан Дойл, Р. Киплинг, Б. Гарт и М. Твен, чья литературная деятельность была близка Джерому К. Джерому. В 1893 г. он начинает издавать еженедельник «*To-day*» («Сегодня»), который многие считали одним из лучших еженедельных журналов в Англии. Страсть к театру он сохранил на всю жизнь, и в круг его друзей входят такие театральные знаменитости, как Сэр Генри Ирвинг и Сара Бернар [3, р. VIII]. В 1897 г. из-за финансовых трудностей Джерому пришлось уйти из обоих изданий.

Как раз в этот период, а именно в 1894 г., выходит сборник «Джон Ингерфилд и другие рассказы» [11]. С годами тональность произведений Джерома меняется, на смену весёлым и смешным приходят произведения серьёзные, глубоко психологические, в которых поднимаются вопросы морали, нравственности, справедливости. Сам Джером предваряет книгу небольшим предисловием, озаглавленным «Моему благосклонному читателю, а также моему благосклонному критику» («*To the Gentle Reader, also to the Gentle Critic*»). В предисловии он пишет, что хочет ясно и отчетливо констатировать, что рассказ о Джоне Ингерфилде и ещё два рассказа из этого сборника совсем не забавные и не смешные, и что он был бы рад, если бы читатели и критики судили о них не с точки зрения того, содержится ли в них юмор «новый или старый», а руководствуясь другими критериями. И действительно, в повести об Ингерфилде нет ничего от искромётного юмора, свойственного раннему творчеству писателя.

Стилистические лексические средства в авторской речи в повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны»

Особенности авторской речи писателя рассмотрим на примере его повести «Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны» [12], написанной от третьего лица, в подзаголовке которой указано: повесть из жизни старого Лондона в двух главах. Спустя всего пять лет после написания повести о забавных приключениях плавания по Темзе Джером рисует картину нищеты, тяжёлого труда, болезни и страданий простого люда, жестокой схватки со смертью главных героев, Джона и Анны Ингерфилд, зарождения и расцвета их любви, изображает характеры сильные, натуры глубокие.

В этой короткой повести писатель точно называет время описываемых событий, указывая, что это произошло в правление Георга III. В экспозиции, используя образные стилистические средства, эпитет и метафору, он рисует безотрадную картину лондонского предместья с мрачными, убогими домишками – *“cheerless, <...> sad-looking little old houses”* [12, p. 1], где расположены причал, склады и контора главного героя, а также старая церквушка с закопчёнными стенами – *“ancient, <...> soot-grimed church”* [12, p. 1], с тёмным обнесённым забором двором – *“dingy railed-in churchyard”* [12, p. 1], где находится могила Джона и Анны Ингерфилд с расшатанным и покосившимся от времени надгробием – *“headstone ... tottering and bent”* [12, p. 1]. Джером использует метафорическое олицетворение: *“the ancient church <...> seems weary of the ceaseless jangle”* [12, p. 1] – «церковь кажется уставшей

от непрерывного гула голосов» (перевод автора). И далее он употребляет глагольную и весьма поэтические субстантивные метафоры: *“...listening to the long silence of the dead and fretful voices of the living, <...> the deep music of life and death”* [12, p. 1] – «прислушиваясь к долгому молчанию мёртвых и беспокойным голосам живых, <...> к музыке жизни и смерти» (перевод автора).

Говоря о складе характера людей типа Ингерфилда, Джером многократно использует повторы. Например, рамочный повтор: *“They are a money-making race: in all times, out of all things by all means, they make money”* [12, p. 1] – «Этот род сплошь состоит из людей, делающих деньги. Во все времена, из всего на свете, всеми средствами делают они деньги» [6, с. 49]. Он также использует эпитет: *“They fight for money, marry for money, live for money, are ready to die for money”* [12, p. 1] – «Они сражаются ради денег, женятся ради денег, живут ради денег и готовы умереть ради денег» [6, с. 49] *“They fought for their price, and they took good care that they obtained their price; but the price settled, they fought well”* [12, p. 1] – «Они боролись за цену и зорко следили за тем, чтобы получить эту цену, но, договорившись о цене, воевали хорошо» (перевод автора). А характеризуя предков Ингерфилда, Джером прибегает к метафоре и эпитету, говоря, что они были солдатами судьбы: *“Each Ingerfield... was a soldgier of fortune and offered strong arm and cool head to the highest bidder”* [12, p. 1] – «Все Ингерилды ... были наемниками и предлагали свою сильную руку и твердый дух тому, кто платил больше» [6, с. 49] *“A hard, stern race of men they would seem to have been, but just”* [12, p. 1] – «Люди суровые, быть может безжалостные, но

справедливые» (перевод автора). Писатель придаёт романтичности их облику, используя распространённую метафору: “*The sleeping spirit of the old Norse Rover stirred in their veins, and the lilt of wild sea-song <...> kept ringing in their ears*” [12, p. 1] – «Их взбудоражил проснувшийся в их крови дух скандинавских морских скитальцев и пиратов, а в ушах зазвучала <...> весёлая и дикая морская песня» (перевод автора).

Пересказывая легенду о смелом капитане из рода Ингерфилдов, погибшем в бою вместе с командой, кораблём и награбленным имуществом, но не выдавшим королевскому фрегату матроса из своей команды (эпитет “*sweeter*”), Джером тем самым подчёркивает благородство, присущее этим людям: “*Captain Ingerfield has discovered there are sweeter things to fight for than even money*” [12, p. 1] – «Капитан Ингерфилд понял, что есть вещи более приятные, чем деньги, вещи, за которые стоит сражаться» (перевод автора). И, усиливая впечатление от тонущего корабля, название которого “*Wild Goose*” («Дикий гусь»), писатель использует множественный анафорический повтор: “*Down goes the Wild Goose, her last chase ended – down she goes with her colours flying; and down with her goes every man left standing on her deck*” [12, p. 1] – «Ко дну идёт «Дикий гусь», ибо окончена последняя охота, ко дну идет он с развешивающимися флагами, и ко дну идут вместе с ним все, кто еще остался на палубе» [6, с. 52].

Закljučая рассказ о предках Джона Ингерфилда, героя его повести, Джером вновь прибегает к распространённой метафоре: “*The Ingerfields <...> bear buried in their heart seeds of nobler manhood, for which however, the*

barren soil of their ambition affords scant nourishment” [12, p. 1] – «Ингерфилды <...> носят глубоко в своих сердцах семена благородной мужественности, которые, однако, не смогли дать всходы на бесплодной почве их честолюбия» [6, с. 52].

Чтобы занять высокое положение в обществе, Джону Ингерфилду нужна красивая, образованная, родовитая жена, объясняет читателю Джером, используя эпитет и метафору: “*She must be of good family, with a genealogical tree sufficiently umbrageous*” [12, p. 2] – «Она должна быть из хорошей семьи с достаточно развесистым родословным деревом» [6, с. 53] “... *all John Ingerfield requires for a wife is a beautiful social machine*” [12, p. 2] – «...Джон Ингерфилд требовал от своей жены единственно, чтобы она была красивой светской машиной» [6, с. 60]. Он обращается с просьбой помочь найти ему такую к приятелю, Уиллу Каткарту, человеку пустому, но принятому в свете, характеризуя которого, Джером использует метафору: “*a curious social fly*” [12, с. 2] – «любопытная социальная муха» [6, с. 54]. Найдя невесту для Джона, он искренно восклицает, используя фразеологизм: “*You’ll fall over head and ears in love with her the moment you see her*” [12, p. 2] – «Ты влюбишься по уши, как только увидишь её» [6, с. 58]. Но, поясняя, почему Анна Синглтон, обаятельная невеста из знатной семьи, согласна на этот брак, Уилл поясняет, используя клишированное сравнение: “*the family are poor as a church mice*” [12, p. 2] – «семья бедна, как церковная крыса» [6, с. 58].

Описывая внешность Анны, какой она изображена на портрете Рейнолдса, Джером вновь использует эпитет-

ты и повтор: *"Her portrait, by Reynolds shows a wonderfully handsome and clever face, but at the same time a wonderfully cold and heartless one"* [12, p. 3] – «С её портрета кисти Рейнолдса смотрит лицо поразительно красивое и умное, но в то же время поразительно холодное и бессердечное» [6, с. 60]. Но когда любовь озарила её, лицо приобретает *"a laughing and winsome expression"* [12, p. 3] – «весёлое и ласковое выражение» [6, с. 60]. Замужество Анны Джером, используя метафору, называет сделкой: *"They concluded an unsatisfactory bargain"* [12, p. 3] – «Они заключили неудачную сделку» (перевод автора), а Анна – экспериментом: *"Let's hope the experiment will succeed"* [12, p. 3] – «Будем надеяться, что опыт удастся» [6, с. 61].

Анне двадцать два года, и Джером убеждает читателя, прибегая к метафорам в форме квазижизни, что она уже знает: *"...that love is only a meteor in life's sky, and the true lodestar of this world is gold"* [12, p. 3] – «...что любовь – это лишь метеор на небе жизни, а настоящей путеводной звездой является золото» [6, с. 62].

Надо отметить, что, говоря об Анне, Джером не жалеет красок, используя широкий спектр изобразительных выразительных средств. Так, он описывает её первую любовь *"the love that was worth braving all the world for"* [12, p. 3] – «любовь, стоившая того, чтобы ради неё бросить вызов всему миру» [6, с. 63], не скупясь при этом на метафоры: *"Ann Singleton has had her romance and buried it deep down in her deep nature and over its grave, to keep its ghost from rising, has piled the stones of indifference and contempt"* [12, p. 3] – «Анна Сингтон уже извела любовь и похоро-

нила её в самой глубине души, а на могиле, чтобы призрак не мог подняться оттуда, навалила камни безразличия и презрения» [6, с. 63].

Джером делится своими размышлениями о любви и замечает: *"bruised hearts can heal"* [12, p. 3] – «разбитые сердца могут исцеляться» [6, с. 63].

Анна, соглашаясь на брак с Джоном Ингерфилдом, не помышляет о любви, да он ей её и не предлагает, говоря с ней лишь о деньгах. Но ей хочется и богатства, и роскоши, указывает Джером, описывая её желания с помощью целого ряда эпитетов: *"It will be pleasant to be the wealthy mistress of a fine house, to give great receptions, to exchange secret poverty of home for display and luxury"* [12, p. 3] – «Будет приятно быть богатой хозяйкой чудесного дома, устраивать грандиозные приемы, поменять тайную нищету на открытую роскошь» (перевод автора).

Описывая выгоды, которые получил Ингерфилд в результате женитьбы на Анне благодаря её красоте, такту, высокому происхождению, Джером использует метонимию, а именно, синекдоху: *"Doors that would otherwise remain closed she opens to him. Society, that would otherwise pass by with a sneer, sits round his table"* [12, p. 3] – «Она открывает для него двери, которые иначе остались бы для него закрытыми. Общество, которое в ином случае прошло бы мимо него с презрительной усмешкой, сидит за его столом» [6, с. 64]. А говоря об учтивости, которую Джон проявляет по отношению к Анне, Джером использует анафорический повтор: *"Her every expressed want is gratified, her every known distaste rejected"* [12, p. 3] – «Каждое высказанное ею желание выполняется, каждое выра-

жение неудовольствия принимается во внимание» [6, с. 65].

Но обстоятельства складываются так, что Анна влюбляется в своего мужа, и он отвечает ей взаимностью. В разгар эпидемии тифа, когда она самоотверженно помогает Джону устраивать больничные палаты для его рабочих, закупать лекарства, ухаживать за больными, вспыхивает эта любовь.

Анна по-новому взглянула на своего решительного мужа, взявшего на себя ответственность за жизни своих людей, как некогда легендарный капитан Ингерфилд. Она осознаёт, что он молод, ему только тридцать шесть лет, он красив, и Джером описывает его лицо и голос, используя эпитеты: *“She steals another glance at his face – a strong, stern, handsome face, capable of becoming a noble face”* [12, р. 4] – «Она украдкой бросает ещё один взгляд на его лицо – сильное, суровое, красивое лицо человека, способного на благородные поступки» [6, с. 72]. Ей нравится его голос: *“Ann feels it good <...> to hear the deep, strong music of his voice”* [12, р. 4] – «Анне приятно слушать музыку его сильного, низкого голоса» (перевод автора). Между ними рождается глубокая любовь, как пишет Джером, вновь используя метафору: *“And the barrier between them is swept away, and the deep water of their love rush together”* [12, р. 5] – «И стена, разделявшая их, рухнула, и глубокие воды их любви сливаются в один стремительный поток» [6, с. 76]. И Джером пишет об этой любви философски, используя яркие метафоры: *“So from soil of human suffering spring the flowers of human love and joy, and from the flowers there fall seeds of infinite pity for human pain”* [12, р. 5] – «Так из человеческого страдания рождаются цве-

ты человеческой любви и радости, а их семена дают всходы бесконечного сострадания к человеческой боли» (перевод автора).

Муж и жена отважно боролись за жизнь своих людей, и болезнь отступила. Джером пишет об этом, образно сравнивая эпидемию с наевшимся зверем: *“At last the plague, like some gorged beast of prey, slinks slowly back towards its lair, and men raise their heads and breathe”* [12, р. 5] – «Наконец, болезнь, подобно насытившемуся хищнику, уползает медленно в своё логово, и люди ободряются, вздыхают с облегчением» [6, с. 77].

Но Джон всё же заразился, он смертельно болен, и Анна не отходит от его постели. Заразившись, она умирает вслед за ним.

Безусловно, следует отметить мелодраматичный характер этого произведения, схематичность характеров его главных героев, некоторую напыщенную красоту его метафор и эпитетов, связанных с темой любви и разбитого сердца героини, их избыточность (все они разобраны выше), например, «любовь – это метеор на небе жизни», «похоронить любовь глубоко в сердце», «на могиле любви, путеводная звезда», «прекрасное, но холодное лицо Анны» или «суровое, благородное лицо Джона». Причём, если в первой повести преобладали речевые эпитеты, то в этой писатель в равной степени использует и речевые, и языковые. Но есть в этой повести и прекрасные находки, например, сравнение чумы с насытившимся зверем и описание церкви, которая прислушивается к долговому молчанию мертвых и беспокойным голосам живых.

Несомненно, присутствует в этой повести и назидательность Так, предок

Джона, капитан пиратов, погибает, защищая своих матросов, как умирает и Джон Ингерфилд, спасая своих рабочих от тифа, потому что, как замечает Джером, есть вещи дороже золота, за которые стоит сражаться.

Как видно из анализа текста этой короткой повести, Джером, в отличие от предыдущей повести, более щедро использует метафоры, чем эпитеты. Он также часто прибегает к повторам, рамочным и анафорическим, и эпифоре, к метонимии, в частности, к синекдохе, и, конечно, к сравнению.

Несомненно, на выбор Джеромом героя определённого типа, принадлежащего среднему классу, повлияло его восприятие мира и человека. Его герой – не представитель высшего света, но и не человек «дна», безработный, нищий. Джером, с детства познавший тяжесть нищеты, не был склонен описывать весь ужас такого существования. В своей книге «Моя жизнь и эпоха» Джером с известной долей сарказма упоминает о господах-литераторах, которые много и охотно пишут о «дне», обнаруживая там и юмор, и даже романтику, но для того, чтобы открыть все прелести «дна», нужно самому находиться на поверхности. Джером видел всё окружающее его зло, но не пытался переделать мир, принимая его таким, какой он есть. Вместе с тем велика была вера писателя в ценность человеческой личности и в возможность нравственного совершенствования человека. Вспоминая прошлое, писатель приходит к мысли, что главная «битва жизни» – с самим собой, а не за себя. «Я встречал больше честных и хороших людей, чем злых, и потому предпочитаю думать о первых» [13, р. 90], – признаётся он. Именно таким честным, мужествен-

ным, смелым и является Джон Ингерфилд. Рисуя британские характеры: и суровый, хотя и не лишённый ореола романтичности характер Джона Ингерфилда, и характер жены его Анны, способной на жертвенную самоотверженную любовь, и характер предка главного героя, бесстрашного капитана Ингерфилда, – Джером затрагивает важные нравственные проблемы, раскрывает внутренний мир героев, сообщая читателю своё знание о мире, своё мировоззрение.

Итак, проанализировав стилистические особенности произведений Джерома К. Джерома, следует отметить, что в обеих повестях – и в авторском повествовании, и в персонажной речи – автор использует широкую палитру стилистических выразительных средств, а именно эпитет, метафору, сравнение, повтор, метонимию, антитезу. В результате анализа текста двух произведений было выявлено около трёхсот примеров использования писателем различных стилистических приёмов, но его излюбленными приёмами являются метафора и эпитет, составляющие соответственно треть и половину всех примеров, при этом наибольшей частотностью обладают метафоры субстантивные и эпитеты метафорические. Повторы, в том числе рамочные и анафорические, и эпифоры равны по численности примерно одной пятой от общего числа примеров.

Характерными чертами стилевой манеры Джерома считают «смесь пафоса и юмора», смеха и грусти. Юмор и дидактика составляют два полюса произведений Джерома. Писатель использовал гротеск, приёмы фарса и карикатуры, парадокс [2, р. 26].

Продолжая традиции английской литературы, Джером К. Джером в наибольшей степени старался следовать творческой манере Диккенса. Ему близок жизнеутверждающий добродушный юмор ранних произведений Диккенса, о чём он сам неоднократно упоминал в автобиографии «Моя жизнь и эпоха» [13], он созвучен лёгкому, ироничному стилю его собственных юмористических произведений. Создать столь остроумные, полные доброго юмора произведения мог только наблюдательный, равнодушный человек с огромным литературным талантом, но порой его юмор приобретает оттенок грусти. Как и Ч. Диккенс, Джером К. Джером в процессе творческого роста эволюционирует от просто смешных до серьёзных произведений с нравственной и философской проблематикой.

В 1902 г. Джером опубликовал роман «Пол Келвер», который считается автобиографическим. В девятой главе, озаглавленной «О том, как Пол вырабатывал характер», Джером описывает встречу мальчика с Диккенсом. Как-то летом в тихий ясный вечер, бродя по дорожкам парка Виктории, он увидел красивого крепкого мужчину с чёрными с проседью волосами и седой бородой, похожего на капитана дальнего плавания, одиноко сидевшего на дальней скамейке. В своих мемуарах

Джером пишет, что узнал Диккенса по сходству с его портретом и, преодолев робость, подошёл и заговорил с ним [13]. Тогда он ещё не подозревал, что эта встреча станет, возможно, решающим событием его жизни. В романе же в диалоге с Диккенсом (в форме советов этого седобородого джентльмена) юному Полу высказаны важнейшие мысли Джерома по поводу писательского труда и предназначения писателя: писать надо так, как, кроме тебя, никто не пишет, в этом тайна писательского ремесла: «ты должен быть хорош по-своему, а не как другие» – но книгу надо писать исключительно для собственного удовольствия, не думая о деньгах, о славе и прочей мишуре; писать книги – это благородное призвание, потому что книги доставляют людям радость, помогают им забыть свои горести [7]. Любовь к Диккенсу Джером пронёс через десятилетия, по мере сил стараясь следовать диккенсовским творческим заветам, поднимая в своих произведениях вопросы морали, справедливости, гуманности.

Джеромом были созданы восемнадцать сборников новелл и эссе, около двадцати пьес и пять романов. И всё же в историю английской и мировой литературы Джером К. Джером вошёл как автор юмористической повести «Трое в лодке, не считая собаки» и сборников юмористических новелл и эссе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Литература

1. Маркиш С.П. Джером Клапка Джером // Джером К.Дж. Избранные произведения в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 3–22.
2. Connolly J. Jerome K. Jerome. A Critical Biography. London: Orbis Pub, 1982. 208 p.
3. Harvey G. Introduction // Jerome K.J. Three Men in a Boat. Three Men on the Bummel. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. VII–XXIX.

Источники

4. Джером К.Д. Из сборника «Праздные мысли лентяя» 1886 // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 279–329.
5. Джером К.Д. Трое в одной лодке, не считая собаки // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 24–276.
6. Джером К.Д. Памяти Джона Ингерфилда и жены его Анны. Повесть из жизни старого Лондона в двух главах // Джером К.Д. Избранные произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1957. С. 46–81.
7. Джером К.Д. Пол Келвер. М.: АСТ, 2013. 416 с.
8. Jerome K.J. On the stage and Off: the Brief Career of a Would be Actor. Gloucester: Alan Sutton, 1991. 143 p.
9. Jerome K.J. Idle Thoughts of an Idle Fellow [Электронный ресурс]. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu000849.pdf> (дата обращения: 15.10.2016).
10. Jerome K.J. Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog). Moscow: Higher School, 1976. 159 p.
11. Jerome K.J. John Ingerfield and Other Stories [Электронный ресурс]. URL: http://www.homeenglish.ru/jerome_john.htm (дата обращения: 18.10.2016)
12. Jerome K.J. In Remembrance of John Ingerfield and of Ann, His Wife [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adelanta.info/library/humor/218.html?part=6&lan=for&pages=> (дата обращения: 10.01.2017).
13. Jerome K.J. My Life and Times. Gloucester: Alan Sutton, 1984. 250 p.

REFERENCES & SOURCES**References**

1. Markish S.P. Dzherom Klapka Dzherom [Jerome Klapka Jerome] // Dzherom K.D. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1 [Jerome K. Jerome. Selected works in two volumes. Volume one]. M., Khudozhestvennaya literaturf, 1957, pp. 3–22.
2. Connolly J. Jerome K. Jerome. A Critical Biography. London: Orbis Pub, 1982. 208 p.
3. Harvey G. Introduction // Jerome K.J. Three Men in a Boat. Three Men on the Bummel. Oxford: Oxford University Press, 1998, pp. VII–XXIX.

Sources

4. Dzherom K.D. Iz sbornika «Prazdnye mysli lentyaya» 1886 [From the book "Idle thoughts of the sluggard," 1886] // Dzherom K.D. Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 279–329.
5. Dzherom K.D. Troe v odnoi lodke, ne schitaya sobaki [Three men in a boat, not counting the dog] // Dzherom K. Dzherom. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 24–276.
6. Dzherom K.D. Pamyati Dzhona Ingerfilda i zheny ego Anny. Povest' iz zhizni starogo Londona v dvukh glavakh [In memory of John Ingerfield and his wife Anna. The story of the life of old London in two chapters] // Dzherom K. Dzherom. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 1 [Selected works: in 2 vols. V. 1]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1957, pp. 46–81.
7. Dzherom K. Dzherom. Pol Kelver [Paul Kelver]. M., AST, 2013, 416 s.,
8. Jerome K. Jerome. On the stage and Off: the Brief Career of a Would be Actor. Gloucester: Alan Sutton, 1991. 143 p.
9. Jerome K.J. Idle Thoughts of an Idle Fellow [E-source]. URL: <http://livros01.livrosgratis.com.br/gu000849.pdf> (request date 15.10.2016)

10. Jerome K.J. *Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)*. Moscow: Higher School, 1976. 159 p.
11. Jerome K.J. *John Ingerfield and Other Stories* [E-source]. URL: http://www.homeenglish.ru/jerome_john.htm (request date 18.10.2016).
12. Jerome K.J. *In Remembrance of John Ingerfield and of Ann, His Wife* [E-source]. URL: <http://www.adelanta.info/library/humor/218.html?part=6&lan=for&pages=> (request date 10.01.2017).
13. Jerome, K.J. *My Life and Times* / Gloucester: Alan Sutton, 1984. 250 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафонкина Софья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: SonyaS@live.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya Safonkina – candidate of Philology, associate professor, professor at English philology department of Institute of linguistics and cross-cultural communication of the Moscow Region State University;
e-mail: SonyaS@live.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Сафонкина С.А. Особенности идиостиля Джерома К. Джерома // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 32–49.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49

CORRECT REFERENCE

S. Safonkina. Jerome K. Jerome's idiosyncrasy features // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 32–49.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-32-49

УДК 81'276.6

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-50-59

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ СЛОВА «ХИРУРГИЯ». ИСТОРИКО-ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ущeko O.I.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о становлении слова «хирургия» в качестве терминологической единицы узкоспециальной медицинской лексики. Проведён историко-диахронический анализ, показавший развитие слова «хирургия» от первой фиксации в российском словаре до настоящего времени. Изучен деривационный потенциал слова «хирургия» в диахроническом срезе, показана его внедрённость в современную медицинскую лексику. Раскрыт вопрос о моменте перехода слова «хирургия» в пласт терминологической лексики.

Ключевые слова: термин, терминообразование, понятие, дефиниция, терминологическая лексика.

TERMINOLOGIZATION OF THE WORD "SURGERY". THE HISTORICAL AND DIACHRONIC ANALYSIS

O. Ushcheko

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10A, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the formation of the word "surgery" as a terminological unit of highly specialized medical vocabulary. Historical and diachronic analysis showed the development of the word "surgery" from its first fixation in the Russian dictionary and up to now. Diachronic cut allowed studying the derivational potential of the word "surgery". Its introduction in the modern medical vocabulary was demonstrated. The moment of including the word "surgery" into the terminological lexicon was defined.

Key words: term, term formation, concept, definition, terminological lexicon.

По мнению терминоведов С.В. Гринева-Гриневича и Э.А. Сорокиной, специализация лексической единицы и превращение слова в *термин* – это процесс, в котором выделяется ряд самостоятельных периодов: 1) донаучный; 2) протонаучный (ранний, примитивно-научный); 3) научный [7; 9].

Э.А. Сорокина, анализируя развитие специальной лексики, допускает возможность выделения наивной и осознанной специализации лексических единиц, последняя из которых представлена такими разновидностями, как донаучная специализация, научная специализация [16; 24].

Для подтверждения стадиальности развития специальной лексики представляется целесообразным изучить процесс специализации одного из современных понятий.

Понятие, согласно энциклопедическому словарю, определяется как «общее имя с относительно ясным содержанием и сравнительно чётко очерченным объёмом» [20, с. 1456]. Наименованием понятия, по мнению Д.Н. Ушакова, является *термин* [22, с. 701], сущность которого изучалась многими лингвистами [6; 7; 13]. Понятие «хирургия» является одним из основных в современной медицинской науке.

По данным словарей [2; 17; 23, с. 887], слово «*chéir*» («*chir*») трактуется как ‘рука’, ‘кисть руки’, ‘относящийся к рукам’, ‘выполняемый с помощью рук’.

Приставка «*хейр*» («*хир*») встречается в таких терминологических областях, как:

- болевой синдром: *хейралгия*, *хирагра*;
- область медицины: *хирургия*, *криохирургия*, *эндохирургия* и др.;
- профессия: *хирург*, *лейб-хирург*, *нейрохирург*, *кардиохирург* и др.;
- химическое явление: *хиральность* [19].

Новолатинский терминологический элемент «*urgia*», возникший от греческого глагола «*ourgein*», образованного от существительного «*ergon*», означает «работать», описывает как процесс выполнения какой-либо деятельности, так и способ или метод деяния, работу с чем-либо [2] и входит в такие термины, как *десмургия*, *микрургия* и др. [11, с. 560].

Учитывая, что терминологическая лексика «включает слова или слово-

сочетания, являющиеся официально принятым, узаконенным наименованием какого-либо понятия науки, техники и т.д.» [12, с. 480], представляется важным провести диахронический анализ слова «хирургия» и определить момент его терминологизации. В связи с поставленной целью были обозначены следующие задачи: 1) изучение литературных данных; 2) выявление первой фиксации слова «хирургия» в словарях; 3) определение требований, которым должен удовлетворять термин; 4) изучение внедрённости термина «хирургия» в узкоспециальную медицинскую лексику.

Для решения поставленных задач использовались диахронический и сопоставительный методы, а также метод анализа словарных дефиниций.

На первом этапе исследования проводилась локально-временная идентификация рождения хирургической науки. Затем определялся период становления слова «хирургия» официально принятым наименованием. На третьем этапе был доказан факт специализации слова «хирургия», а на последнем этапе оценивалась распространённость термина «хирургия» в современной медицинской терминологии.

Становление хирургии как науки

Хирургия, согласно Т.С. Сорокиной, была признана как наука лишь в XVIII в. [15, с. 560]. В.К. Гостищев пишет, что официально хирургия была признана во Франции в «1719 г., когда итальянский хирург Лафранши был приглашён на медицинский факультет Сорбонны для чтения лекций по хирургии» [3, с. 848]. В России кульминацией становления хирургии как науки, по мнению И.В. Гайворонского и др.,

явилось создание Медико-хирургической академии в 1798 г. [1, с. 496]. Следовательно, терминологизация слова «хирургия» начинается с XVIII в.

Анализ словарных дефиниций

Бурный расцвет медицинской науки в России XVIII в. обусловил подготовку первых медицинских словарей. Слово «хирургия» трактовалось как «часть врачебной науки, основанная на трупоразъятии, в которой преподаются правила и способы употреблять лекарства к целению болезней и другие средства простою рукою или снабженною приличными к тому орудиями» [24, с. 271]. Согласно этому определению «хирургия» представляла собой не самостоятельную научную дисциплину, а некое объединение терапии и патологической анатомии.

В XIX в. выделяется ряд интересных моментов. Так, А.Н. Никитин пишет, что *хирургия* – это «рукодеятельная врачебная наука, преподающая наставления о наружных повреждениях, о лечении их наружными средствами и кровавыми операциями» [9, с. 108].

Л.П. Гринберг перечисляет такие разновидности хирургии, как *военно-походная, врачебная (медицинская), инструментальная, общая, ручная, оперативная (рукодеятельная), судебная, терапевтическая (умозрительная) и частная* [4, с. 431]. В 1864 г. он впервые помечает слово «хирургия» как профессионализм [5, с. 171].

Таким образом, хирургия как практическая деятельность обретает научный статус, а слово «хирургия» становится профессионализмом, входящим, по мнению ряда современных языковедов [6; 14], в разряд специальной лексики.

В XX в. появляются первые медицинские энциклопедии. В 1928–36 гг. под руководством Н.А. Семашко выходит «Большая медицинская энциклопедия» (тт. 1–35) (БМЭ), где слово «хирургия» определяется как «рукодействие», однако, несмотря на содержательную энциклопедическую справку, не сопровождается современной дефиницией [19]. В 1984 г. слово «хирургия» трактуется как «область клинической медицины, изучающая болезни и травмы, для лечения которых применяются оперативные методы, разрабатывающая эти методы и регламентирующая условия их эффективного и безопасного применения» [10, с. 298]. Аналогичная дефиниция обнаруживается и в ряде последующих источников [11, с. 35].

В конце XX в. встречаются и более сжатые определения хирургии [8, с. 48], а на заре нового столетия *хирургия* интерпретируется как «раздел медицины, связанный с лечением травм, различных деформаций или заболеваний оперативным путём» [17, с. 854]. Формируются и другие варианты определений слова «хирургия», такие как:

– *хирургия* (греч. *cheirurgia* – от *cheir* – рука и *ergon* – работа), отрасль медицины и ветеринарии, изучающая заболевания, основной метод лечения которых – операции (кровавые, т. е. связанные с рассечением и иссечением тканей, и бескровные – вправление вывиха, катетеризация и пр.) [20];

– *хирургия* – раздел клинической медицины, занимающийся изучением различных заболеваний, травм, в лечении которых используются оперативные методы и пособия, занимающийся постепенным совершенствованием,

дополнением, разработкой этих методов и регламентирующий условия их эффективного и безопасного применения [18];

– *хирургия* – область клинической медицины, изучающая болезни, для лечения которых применяются оперативные методы, разрабатывающая эти методы и регламентирующая условия их эффективного и безопасного применения [21, с. 2086].

Несмотря на большое количество дефиниций, определения слова «хирургия» похожи, что позволяет подвести их к общему знаменателю.

Трансформация от слова к термину

В завершение процесса становления общепринятым, узаконенным наименованием к слову, как к будущему термину, предъявляется ряд требований, удовлетворение которых определит его дальнейшую судьбу в сфере специальной лексики. При условии, что слово «хирургия» обрело статус терминологической единицы, видится целесообразным проанализировать его на соответствие требованиям, предъявляемым к значению, форме и употреблению термина.

Рассуждая о значении термина, С.В. Гринев-Гриневич выделяет *непротиворечивость семантики; однозначность; полноточность; отсутствие синонимов* [6, с. 31–32].

Слово «хирургия» состоит из двух основ и буквально при переводе с греческого означает «рукодействие». «Руководительной наукой» хирургию называют в XIX в., что подтверждает полную непротиворечивость его лексического и специального значений. Более-менее однозначно слово «хирургия» определяется во второй половине

XX в., а требованию полноточности начинает отвечать лишь в начале XXI столетия. Изучение словарей показало, что начиная с XVIII в. слово «хирургия» не имело синонимов, что характерно для единицы специальной лексики, которая стремится перейти в разряд терминов.

В отношении формы термина С.В. Гринев-Гриневич обозначает *соответствие нормам языка; краткость; деривационную способность; инвариантность; мотивированность* [6, с. 32–34].

Слово «хирургия», по данным словарей, не отличается значительной распространённостью и употребляется только в узком кругу специалистов, однако в то же время оно характеризуется очевидной устойчивостью в сфере орфографического и орфоэпического выражения и функционирует в соответствии с требованиями грамматики русского языка. Кроме того, в его структуре отсутствуют не имеющие смысла элементы, что согласуется с требованием краткости, а форма с середины XIX в. становится единой, отвечая, таким образом, требованию инвариантности. С 60-х гг. XIX в. на основе слова «хирургия» образуются новые слова, что удовлетворяет требованию деривационной способности термина [5, с. 431]. Наконец, термин «хирургия» мотивирован, так как коррелирует с такими терминами, как «акиургия» и «гипургия» [11, с. 560], где компонент «-ургия» указывает на работу, а также с терминами «хирагра», «хироспазм» [2; 17; 23], где компонент «хир-» указывает на отнесённость к рукам.

К группе прагматических требований С.В. Гринев-Гриневич относит *внедрённость; интернациональность;*

современность; благозвучность; эзотеричность [6, с. 36]. Под внедрённостью понимается принятие термина специалистами, о чём можно судить уже с XVIII в., когда хирургия признаётся в качестве научной дисциплины, а не просто ремесленной деятельности. По данным словарей, латинское слово “*chirurgia*”, чуть варьируясь, вошло во французскую, итальянскую и немецкую медицинские лексикологии, что подтверждает его интернациональность.

С момента первой словарной фиксации слово «хирургия» не меняло своего выражения, оставаясь актуальным для современных специалистов медицинского профиля. Слово «хирургия» удобно для произношения, что согласуется с требованием орфоэпической благозвучности, однако его сложно назвать эзотеричным, так как его значение легко раскрывается и неспециалистами в рамках медицинского курса.

Таким образом, терминологизация слова «хирургия» отмечается уже в XIX в., когда оно начинает удовлетворять большинству требований, предъявляемых С.В. Гриневым-Гриневичем к терминам.

Термин «хирургия» в современной терминологии

В рамках современной медицинской лексикологии термин «хирургия» фигурирует как в однословных, так и в многословных терминологических единицах. Однословные термины могут быть образованы как способом сложения двух основ (*кардиохирургия, нанохирургия*), так и смешанным способом, сочетающим сложение с аббревиацией (*ЛОР-хирургия*) [7]. Следовательно, термин «хирургия» постепенно

превратился в термин-гипероним, обладающий большим количеством зависимых от него видовых терминов (терминов-гипонимов). Многословные термины способны включать два и более компонента, например:

- *детская хирургия, грудная хирургия;*
- *военно-полевая хирургия, хирургия пороков сердца;*
- *реконструктивная хирургия митральной недостаточности.*

Совершенствование термина «хирургия» в плане содержания всё ещё продолжается, что указывает на незавершённость его профессиональной специализации в сфере специальной лексикологии. На основании проведённого анализа в специализации значения слова «хирургия» выделяются следующие этапы:

1. Ранний этап, по терминологии С.В. Гринева-Гриневича и Э.А. Сорокиной – «*наивный*», наблюдается в XV–XVI вв. Этот период выбран неслучайно, т. к. после принятия христианства русская лексика активно пополняется грецизмами религиозного содержания, а в XIII–XV вв. – заимствованиями тюркских названий на фоне серьёзного застоя в развитии научных дисциплин. Кроме того, вероятно, что слово «хирургия» вошло в русскую лексику из латинского языка в период формирования новой, международной латыни.

2. Прототерминологический этап, предположительно, начинается с XVI в., что объясняется превращением хирургии в истинно медицинскую отрасль, сужением значения слова «хирургия» и тенденцией к переходу его из пласта звуковых выражений отдельно предмета мысли в класс наименова-

ний, кодирующих специальные представления.

3. Научный этап наблюдается в XVIII – второй половине XIX в., когда хирургия получает признание в качестве научной дисциплины, а слово «хирургия» фиксируется в специализированном словаре, входит в лексикон специалистов медицинского профиля и исчезает из общеупотребительной лексики. Наблюдаются качественные изменения его дефиниции, которая модернизируется вплоть до XX в.

4. Современный этап, охватывающий XX–XXI вв., характеризуется закреплением слова «хирургия» в составе медицинской терминологии и оформлением его устойчивой дефиниции в словарях, которая, сохраняя основные черты, продолжает незначительно меняться. Слово «хирургия» превращается в гипероним, обладающий большим количеством видовых гипонимов, образующих несколько терминосистем.

Подводя итог проведённому исследованию, можно заключить, что

все задачи, поставленные ранее, были решены. В ходе анализа была обнаружена наиболее ранняя фиксация слова «хирургия» в российских словарях и исследованы его словарные дефиниции, дающие возможность проследить динамику формирования определения слова «хирургия» в диахроническом срезе. Следует также подчеркнуть, что мнение о периоде становления слова «хирургия» в качестве термина очень субъективно, так как в ходе анализа учитывался лишь частный случай требований, предъявляемых к термину, без внимания к иным концепциям, имеющим ряд отличий. Однозначно решён вопрос о становлении хирургии как науки в России, и, тем самым, определено начало перехода слова «хирургия» в разряд терминологической лексики. Продемонстрирована значительная степень внедрённости термина «хирургия» в современный медицинский лексикон, в частности, в узкоспециальную терминологию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гайворонский И.В., Ничипорук Г.И., Гайворонский А.И. Анатомия и физиология человека: учеб. для студ. уч. сред. проф. обр. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Академия, 2013. 496 с.
2. Гордов А.М. Словарь греко-латинских терминоэлементов [Электронный ресурс] / Этимологический справочник: [сайт]. URL: <http://algor2csml.narod.ru/> (дата обращения: 17.11.16).
3. Гостищев В.К. Общая хирургия: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 848 с.
4. Гринберг Л.П. Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на латинском, немецком и русском языках со включением всех к физике, фармации, медицинской химии, естественной истории, ботанике, равно как и ветеринарной науке принадлежащихся наименований и выражений и с этимологическим изъяснением всех в медицине употребляемых греческих слов, составленный доктором медицины Львом Гринбергом: в 4 ч. Ч. 1–4. Берлин, Лейпциг: Г. Реймер, 1842.
5. Гринберг Л.П. Терминологический медицинский словарь на латинском, немецком, французском и русском языках со включением выражений, относящихся к фармации, медицинской физике, химии, зоологии, ботанике, минералогии и ветеринарному искусству. 2-е изд., доп. СПб.: Исаков, 1864.

6. Гринев-Гриневи́ч С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. выс. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 304 с.
7. Гринев-Гриневи́ч С.В., Скопюк Т.Г., Сорокина Э.А. Основы антропологической лингвистики: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 128 с.
8. Криничанский А.В., Богданова Л.А. Толковый словарь медицинских терминов. 2000 слов и выражений. Сочи: СОНЕТ, 1991.
9. Никитин А.Н. Врачебный словарь, разъясняющий принятые в медицине греческие и латинские термины, с прибавлением кратких биографических очерков известных древних врачей, составленный доктором медицины, надворным советником и кавалером Александром Никитиным, Медико-хирургической академии членом-корреспондентом и Общества русских врачей в Санкт-Петербурге членом и секретарем. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1835. С. 107–108.
10. Энциклопедический словарь медицинских терминов: в 3 т. Т. 3 / гл. ред. Б.В. Петровский. М.: Советская энциклопедия, 1984.
11. Покровский В.И. Малая медицинская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. 560 с.
12. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: учеб. издание. М.: МГУ, ЧеРо, 1997. 480 с.
13. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии. М.: АН СССР, 1961. С. 46–55.
14. Сердобинцева Е.Н. Профессионализмы в системе специальной лексики и системе национального языка // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 398.
15. Сорокина Т.С. История медицины. М.: Академия, 2009. 560 с.
16. Сорокина Э.А. Специализация значения лексической единицы как исторический процесс // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2005. № 6. Выпуск 2. С. 69–75.
17. Медицинский словарь (Oxford): в 2 т. Т. 2 (Н–Я) / пер. с англ.; под ред. Г.Л. Билича. М.: Вече, АСТ, 2001.
18. Большой медицинский энциклопедический словарь: современное популярное иллюстрированное издание: более 4000 терминов, понятий и определений / М.А. Быстринин и др. М.: Эксмо, 2006.
19. Большая медицинская энциклопедия / под ред. Б.В. Петровского [Электронный ресурс]. URL: http://big_medicine.academic.ru (дата обращения: 02.11.16).
20. Большой энциклопедический словарь / под ред. А.М. Прохорова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 1456 с.
21. Большой энциклопедический словарь медицинских терминов / под ред. проф. Э.Г. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012.
22. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. Т. 1 / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935.
23. Большой словарь медицинских терминов / сост. В.Д. Федотов. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
24. Словарь Академии Российской. Т. 6. М., 1794.

REFERENCES

1. Gaivoronskii I.V., Nichiporuk G.I., Gaivoronskii A.I. Anatomiya i fiziologiya cheloveka: ucheb. dlya stud. uch. sred. prof. obr. 6-e izd. pererab. i dop. [Anatomy and physiology: a

- textbook for students of secondary professional education]. 6th ed., rev. and enl. M., Akademiya, 2013. 496 p.
2. Gordov A.M. Slovar' greko-latinskikh terminoelementov [Elektronnyi resurs] / Etimologicheskii spravochnik [Dictionary of Greek and Latin term elements. / Etymological reference book [site]]. URL: <http://algor2csml.narod.ru> (request date: 17.11.16).
 3. Gostishchev V.K. Obshchaya khirurgiya: ucheb. 4-e izd. pererab. i dop. [General surgery: textbook]. 4th ed., rev. and enl. M., GEOTAR-Media, 2010. 848 p.
 4. Grinberg L.P. Vseobshchii terminologicheskoe-meditsinskii leksikon na latinskom, nemetskom i russkom yazykakh so vklyucheniem vsekh k fizike, farmatsii, meditsinskoj khimii, estestvennoi istorii, botanike, ravno kak i veterinarnoi nauke prinadlezhashchikhsya naimenovaniy i vyrazheniy i s etimologicheskimi iz'yasneniyami vsekh v meditsine upotreblyaemykh grecheskikh slov, sostavlennyy doktorom meditsiny L'vom Grinbergom: v 4 ch. Ch. 1–4. [General vocabulary of Latin, German and Russian medical terms including all names and phrases belonging to physics, pharmacy, medical chemistry, natural history, botany, and veterinary science, with etymological explanations of all the Greek words used in medicine, compiled by M.D. Lev Grinberg: in 4 p. P. 1–4]. Berlin; Leipzig: G. Reimer, 1842.
 5. Grinberg L.P. Terminologicheskii meditsinskii slovar' na latinskom, nemetskom, frantsuzskom i russkom yazykakh so vklyucheniem vyrazheniy, odnosyashchikhsya k farmatsii, meditsinskoj fizike, khimii, zoologii, botanike, mineralogii i veterinarnomu iskusstvu. 2-e izd., dop. [Medical terminology dictionary in Latin, German, French and Russian languages with the inclusion of expressions related to pharmacy, medical physics, chemistry, zoology, botany, mineralogy, and veterinary art]. 2nd ed., enl. SPb., Isakov,
 6. Grinev-Grinevich S.V. Terminovedenie: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy [Terminology: textbook for students of higher educational institutions]. M., Akademiya, 2008. 304 p.
 7. Grinev-Grinevich S.V., Skopyuk T.G., Sorokina E.A. Osnovy antropolingvistiki: ucheb. posobie [The basics of anthropological linguistics: manual]. M., Akademiya, 2008. 128 p.
 8. Krinichanskii A.V., Bogdanova L.A. Tolkovyy slovar' meditsinskikh terminov. 2000 slov i vyrazheniy [Dictionary of medical terms. 2000 words and expressions]. Sochi, SONET, 1991.
 9. Nikitin A.N. Vrachebnyy slovar', iz'yasnyayushchii prinyaty v meditsine grecheskie i latinskie terminy, s pribavleniem kratkikh biograficheskikh ocherkov izvestnykh drevnykh vrachei, sostavlennyy doktorom meditsiny, nadvornym sovetnikom i kavalerom Aleksandrom Nikitinym, Mediko-khirurgicheskoi akademii chlenom-korrespondentom i Obshchestva russkikh vrachei v Sankt-Peterburge chlenom i sekretarem [Medical dictionary explaining Greek and Latin terms used in medicine, with the addition of brief biographical sketches of famous ancient doctors compiled by the medical doctor, Councilor and Chevalier Alexander Nikitin, corresponding member of the Medico-surgical Academy and member and Secretary of the St. Petersburg society of Russian physicians,] SPb., Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1835, pp. 107–108.
 10. Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov: v 3 t. T. 3 / pod red. B.V. Petrovskogo [Encyclopedic dictionary of medical terms: in 3 vols. Vol. 3]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1984.
 11. Pokrovskii V.I. Malaya meditsinskaya entsiklopediya [Concise medical encyclopedia]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 560 p.
 12. Rakhmanova L.I., Suzdal'tseva V.N. Sovremennyy russkii yazyk. Leksika. Frazеologiya. Morfologiya: ucheb. izdanie [Modern Russian language. Vocabulary. Phraseology. Morphology: manual]. M., MGU, ChEro, 1997. 480 p.

13. Reformatskii A.A. Chto takoe termin i terminologiya? [What is the term and terminology?] Voprosy terminologii [Issues of terminology]. M., AN SSSR, 1961, pp. 46–55.
14. Serdobintseva E.N. Professionalizmy v sisteme spetsial'noi leksiki i sisteme natsional'nogo yazyka [Professional terms in language for special purposes and the national language] // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo [Bulletin of Penza State Pedagogical University n.a. V.G. Belinsky]. 2012, no. 27, pp. 398.
15. Sorokina T.S. Istoriya meditsiny [History of medicine]. M., Akademiya, 2009. 560 p.
16. Sorokina E.A. Spetsializatsiya znacheniya leksicheskoi edinitsy kak istoricheskii protsess [Specialization of lexical units meaning as a historical process] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2005, no. 6, Iss. 2, pp. 69–75.
17. Meditsinskii slovar' (Oxford): v 2 t. T. 2 (N–YA) [Medical dictionary (Oxford): in 2 vol. Vol. 2 (N–I)]. M., Veche, AST, 2001.
18. Bol'shoi meditsinskii entsiklopedicheskii slovar': sovremennoe populyarnoe illyustrirovannoe izdanie: bolee 4000 terminov, ponyatii i opredelenii [Medical encyclopedic dictionary: a modern popular illustrated edition: more than 4,000 terms, concepts and definitions]. Bystrenin M. A. and others M., Eksmo, 2006.
19. Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya / pod red. B.V. Petrovskogo [Elektronnyi resurs] [The comprehensive medical encyclopedia / ed. by B.V. Petrovsky [E-source]. URL: http://big_medicine.academic.ru (request date: 02.11.16).
20. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Comprehensive encyclopedic dictionary]. 2nd ed., rev. and enl. M., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 2000. 1456 p.
21. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov / pod red. E.G. Ushakova [Comprehensive encyclopedic dictionary of medical terms / ed. by E.G. Ushakov]. M., GEOTAR-Media, 2012.
22. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 1 [Explanatory dictionary of Russian language: in 4 vol. V. 1]. M., Sovetskaya entsiklopediya, OGIZ, 1935.
23. Bol'shoi slovar' meditsinskikh terminov [A comprehensive dictionary of medical terms]. M., ZAO Tsentrpoligraf, 2007.
24. Slovar' Akademii Rossiiskoi. T. 6 [Russian Academy Dictionary. Vol. 6]. M., 1794.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ущечко Ольга Игоревна – аспирантка Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: olyavoronez@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ushcheko Olga I. – postgraduate at the Institute of Linguistics and Intercultural Communication of Moscow Region State University;
e-mail: olyavoronez@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Ущечко О.И. К вопросу о терминологизации слова «хирургия». Историко-диахронический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-50-59

CORRECT REFERENCE

O. Ushcheko. Terminologization of the word "*surgery*". The historical and diachronic analysis // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 50–59.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-50-59

РАЗДЕЛ II

РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.133.1

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-60-66

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФРАНЦУЗСКИХ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ИМЁН КОММЕРЧЕСКИХ МАРОК

Крувко Н.А.

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития РФ 119285, г. Москва, ул. Пудовкина, д. 4а, Российская Федерация

Аннотация. Настоящая статья посвящена семантическому анализу французских глагольных производных, образованных от наименований марок. Решающую роль в определении их значения играет денотат имени марки. В статье аргументируется актуальность динамического подхода в рамках ономаσιологического исследования таких новообразований. На примере анализа словообразовательной модели с мотивирующим словом, указывающим на средство действия, на основе которого выводится её словообразовательное значение, устанавливается специфика глагольных дериватов от имён марок.

Ключевые слова: производящая основа, производное слово, словообразовательное значение, ономаσιологический базис, ономаσιологический признак.

SEMANTICS OF THE FRENCH VERB DERIVED FROM THE NAMES OF COMMERCIAL BRANDS

N. Kravko

Russian Foreign Trade Academy at the Ministry of economic development of the Russian Federation 119285, Moscow, Pudovkin str., 4a, Russian Federation

Abstract. The article presents semantic analysis of French verbal derivatives formed from the names of brands. The crucial role in the determination of their values belongs to the denotation of the brand name. The author proves the relevance of dynamic approach in the framework of the onomasiological studies of these neologisms. On the basis of analysis of derivational patterns with motivating words indicating the means of operation, the derivational meaning is determined and characteristics of the verbal derivatives formed from the names of the brands are described.

Key words: generating basis, derivative, derivational value, onomasiological basis, onomasiological sign.

Неологизмы нового поколения, получившие широкое распространение с развитием новых коммуникационных технологий, привлекают внимание как специалистов в области маркетинга, так и лингвистов. Трудности, возникающие с определением значения новообразований с мотивирующей основой – наименованием коммерческой марки, делают актуальным исследование словообразовательной специфики таких производных.

Целью этого исследования является выявление семантических особенностей французских глагольных производных от имён коммерческих марок. Учитывая, что производное слово знаменует разными значениями, в первую очередь словообразовательным, в настоящей статье ставятся следующие задачи деривационного анализа: выбрать и обосновать методику анализа, проанализировать словообразовательную модель, определить её словообразовательное значение и выявить специфику глагольных производных от имён коммерческих марок.

Исследование проводится на материале дериватов, денотатами которых являются программные продукты в области цифровых технологий. Анализируются такие однотипные словообразовательные пары, как: *Facebook* → *facebooker*, где *Facebook* – одна из крупнейших социальных сетей в мире; *Photoshop* → *photoshopper*, где *Photoshop* – компьютерная программа обработки изображения или фото; *Skype* → *skyper*, где *Skype* – программное обеспечение текстовой, голосовой и видео связи Интернет; *Instagram* → *instagrammer*, где *Instagram* – коммерческое наименование сетевого ресурса для обмена фотографиями; *Google* → *googler*, где

Google – системы поиска информации в сети Интернет; *Shazam* → *shazamer*, где *Shazam* – коммерческое наименование программного обеспечения для распознавания музыки.

Рассматриваемые новообразования – глагольные производные аффиксального типа, связанные отношениями словопроизводности с именами собственными коммерческих марок. Имена денотатов всех перечисленных имён собственных принадлежат одному лексико-семантическому полю – «инструменты».

Следует также упомянуть не менее активное словопроизводство от наименований коммерческих марок, отсылающих к денотатам, отличным от программного обеспечения, в других областях жизнедеятельности людей: *Rollerblade* → *rollerblader* (кататься на роликовых коньках марки *Rollerblade*); *Flunch* → *fluncher* (есть в заведениях ресторанной сети *Flunch*); *Botox* → *botoxer*, (вводить вещество *Botox* под кожу для разглаживания морщин).

Современные словообразовательные тенденции и экстралингвистические факторы, обуславливающие распространение глагольных производных от имен марок, подробно рассмотрены в статье Н.А. Крувко «Французские глагольные производные от имён торговых марок как новообразования нового поколения» [3, с. 1].

Итак, представленная выше серия одинаково оформленных словообразовательных конструкций объединена одной словообразовательной моделью аффиксального типа (N+er)V. Она признаётся одной из наиболее продуктивных моделей во французском языке. А словообразовательный формант, суффикс *-er*, отмечается Н.А. Катаго-

щиной как «образующий глаголы от существительных, преимущественно непроизводных» [2, с. 69]. Корневая морфема производных, мотивированных именем нарицательным, выражает обычно лексическое значение. Мотивирующей же основой анализируемых производных является имя существительное собственное. Согласно учению Фреге [1], значением имени собственного является денотат, значение же нарицательного слова заключено в его понятии. По отношению к обозначаемому имя собственное произвольно, а в функциональном плане – вторично, так как оно лишь конкретизирует денотат, которому было ранее присвоено имя нарицательное. Мы придерживаемся мнения ряда лингвистов, признающих отсутствие у имени собственного лексического значения в связи с отсутствием у них понятийности. Следовательно, только семантика нарицательного имени денотата существенна для семантического анализа.

В ходе исследования было обнаружено, что семантические особенности дериватов имён марок непосредственно связаны со спецификой имени собственного, в отличие от имени нарицательного, в качестве мотивирующей единицы, что и стало решающим при выборе методики анализа таких производных слов в пользу семантического анализа в ономаσιологическом аспекте. Известно, что производное слово отсылает к предметному миру и одновременно по своей структуре и семантике связано с миром слов. Для нашего анализа особенно важна связь имени марки с реальным миром вещей, к которому она отсылает. Имя собственное марки не связано непосредственно с понятием, его значение

заключено в его связи с обозначаемым.

Словообразовательный процесс может рассматриваться как с позиции статического подхода, т. е. анализа результатов деривации, так и с точки зрения его динамики, то есть самого процесса словообразования. Значение производного слова определяется отсылкой к семантике исходного слова; вторичные единицы могут быть поняты благодаря тому, что первичные обозначения существующих реалий уже знакомы нам, и мы имеем понятие о них. Статический подход, заключающийся в сопоставлении производного слова с производящей основой, не обеспечивает понимания значения деривата в силу отсутствия у имени марки лексического значения. Следуя теории Кубряковой [4], мы придерживаемся динамического подхода в рамках ономаσιологического исследования, которое как раз и связывает словообразование с теорией номинации и речевой деятельностью человека. Ономаσιология в узком смысле – это учение о процессах «называния» словом и лексической объективации понятий. В центре внимания ономаσιологии оказывается содержательная сторона языковых единиц с точки зрения предметной направленности, т. е. соотносённости языковых единиц с неязыковой предметной областью. Именно тот факт, что имена собственные в качестве исходной единицы нарицательного деривата имеют описанную выше языковую и речевую специфику, и обуславливает обращение к динамическому подходу в рамках ономаσιологического учения для исследования семантики производной единицы. При динамическом подходе производное слово может быть представлено высказыванием

(дефиницией), обязательно включающим мотивирующее слово.

Дефиниция производного – это синтаксическая конструкция, обеспечивающая правильное семантическое понимание деривата, эксплицитно содержащая ту информацию об обозначаемом, которая включает значения, приписываемые обозначаемому предмету, процессу или явлению при наречении.

Таким образом, новое обозначение можно представить в виде совокупности значений отдельных компонентов дефиниции, причём само суждение уже становится источником мотивации нового слова. А для построения дефиниции необходимо знать понятийное слово, с которым это имя собственное соотносится. Следовательно, без комплекса знаний об объекте, денотате имени собственного, невозможно составить дефиницию и определить значение производного слова. Необходимость в специальном наименовании, заменяющем комплекс значений, выраженных расчленённым способом, обусловлена его значимостью, частотностью употребления, а также языковой и временной экономией. Расчленённости значения в суждении соответствует морфологическая членность деривата, например: *skyp[er]* означает «действовать (значение процессуальности соответствует категориальному форманту инфинитивной формы глагола *-er*) с помощью программного устройства *Skype*»; *googl[er]* означает «действовать с помощью поисковой системы *Google*». Морфологическая структура деривата отражает его смысловые компоненты, следовательно, аффиксальные производные мотивированны структурно

и семантически. Первый компонент структуры представлен производящей основой. Поэтому обращение к структурно-семантическим характеристикам мотивирующей единицы, а в нашем случае к соответствующим характеристикам нарицательного имени денотата позволит понять значение производного, которое заимствует у него часть своего значения. Второй компонент структуры деривата является формирующим, он отражает формальную операцию деривации, в результате которой образуются новое значение и новая функция производного сравнительно с исходной единицей. Выборы источника деривации и формантной части предопределены коммуникативной потребностью.

В отличие от лексического значения, свойственного отдельно взятому слову, и грамматического, характеризующего такой целый класс, как часть речи, словообразовательное значение (далее СЗ) представляет собой «трехчленную структуру, в которой идентифицированы: а) семантический разряд, в него включается производное слово, б) непосредственно мотивирующее слово и в) связывающий их тип отношения» [4, с. 129]. Производные одной словообразовательной модели имеют формально выраженное словообразовательное значение, которое обобщает семантику производных инвариантным значением. СЗ актуализирует не только значения словообразовательных средств, но и отношение между мотивирующими и мотивированными единицами. Семантика взаимоотношений дериватов и исходных единиц отличается большим многообразием. Производные, например, одного и того же ряда “*Botox* → *botoxer*”;

“*Google* → *googler*” имеют общее значение «применять», «делать что-либо с помощью», но частные значения каждого производного глагола расходятся. *Botoxer* – ‘делать инъекции ботоксом для разглаживания морщин’; *googler* – ‘находить информацию с помощью системы поиска информации Гугл в сети Интернет’.

Таким образом, необходимо разграничивать СЗ отдельно взятого производного слова и СЗ самой словообразовательной модели. Каждая словообразовательная модель имеет типичное свойственное ей СЗ, оно выводится из отношений между компонентами производного слова и не является простой суммой отдельно рассматриваемых значений их частей. Словообразовательное значение модели – это значение, которое объединяет производные с одинаковыми деривационными средствами в один ряд, в одну структурную модель, и которое отражает один и тот же тип отношений между мотивированными и мотивирующими единицами языка. Словообразовательное же значение конкретного производного слова можно вывести путём восстановления процесса наречения одного явления, понятия, предмета, признака, а в нашем случае действия, через другой предмет, процесс, признак и т. д.; оно связано с категориальными значениями как исходного слова, так и форманта.

Для определения СЗ глагольного производного от имени марки находим понятийный класс, к которому принадлежит обозначаемое явление – это класс процессов. В нашем случае обозначению подлежало действие, на что указывает формирующая часть производного слова. Первой логической опе-

рацией словообразования, таким образом, было подведение обозначаемого под известный класс слов или часть речи – глагол, о чём свидетельствует суффикс *-er*. На уровне ономасиологии это соответствует выбору ономасиологического базиса. В ономасиологическом аспекте производное слово имеет двучленную ономасиологическую структуру, состоящую из ономасиологического базиса (О.Б.) и ономасиологического признака (О.П.). Вторая операция состоит в определении ономасиологического признака, который в нашем случае относится к типу «инструментив» и указывает на орудие производимого действия. Так, мотивирующие единицы *google* (1), *skype* (2) указывают на виртуальный «предмет» – программное обеспечение, выполняющее разные действия: (1) – поиск информации, (2) – коммуникацию, но при этом их объединяет принадлежность к средствам, или «инструментам» действия, когда обнаруживаются признаки, тождественные тем, которые известны в других процессах, выполняемых с помощью инструментов.

Итак, в процессе категоризации частью значения производного глагола становится значение процессуальности (так как относится к классу глаголов). Для производного *googler* О.Б. выражен формантом “*er*”, а О.П. выражен производящей основой *googl* (от имени собственного *Google*). Далее определяются смысловые отношения между О.Б. и О.П. Семантика глагола включает кроме основного категориального значения процессуальности и другие семы, например, субъектного, объектного, инструментального плана. Обладая информацией о денотате, означающее которого мы относим к

лексико-семантическому полю «инструменты», предполагаем, что производный глагол, будь то “*googler*” или “*skyper*”, будет иметь общее значение «действовать с помощью «инструмента»». Частное же словообразовательное значение каждого производного будет зависеть от функционального назначения «инструмента». Так, например, глагол “*googler*” имеет словообразовательное значение «искать информацию с помощью поисковой системы *Google*», глагол “*skyper*” – «осуществлять связь с помощью коммуникационной системы *Skype*», глагол “*shazamer*” – «идентифицировать музыку по звучанию с помощью программы *Shazam*».

Таким образом, значение денотата предопределяет словообразовательное значение деривата, образованного от его имени собственного так же, как

мотивирующее слово нарицательное предопределяет мотивируемое своими лексическими и семантико-синтаксическими свойствами.

Существенной особенностью семантики производных от наименований марок является то, что они должны рассматриваться в ономастическом ракурсе, т. е. в направлении от плана содержания к плану выражения, так как акт наименования идёт по направлению от предмета к слову. Специфика семантического анализа таких дериватов состоит в необходимости обращения к имени нарицательному денотата. Динамический подход, представляющий производное слово как совокупность смысловых значений компонентов, входящих в его дефиницию, позволяет определить словообразовательное значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков Б.В. Теория смысла Готлоба Фреге // Применение логики в науке и технике. М.: АН СССР, 1960. С. 502–555.
2. Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке. М.: КомКнига, 2012. 112 с.
3. Крувко Н.А. Французские глагольные производные от имен торговых марок как новообразования нового поколения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 2. С. 74–78.
4. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений, семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

REFERENCES

1. Biryukov B.V. Teoriya smysla Gotloba Frege [The theory of the meaning of Gottlob Frege] Primenenie logiki v nauke i tekhnike [The application of logic in science and technology]. M., AN SSSR, 1960, pp. 502–555.
2. Katagoshchina N.A. Kak obrazuyutsya slova vo frantsuzskom yazyke [How French words are formed]. M., KomKniga, 2012. 112 p.
3. Kruvko N.A. Frantsuzskie glagol'nye proizvodnye ot imen torgovykh marok kak novobrazovaniya novogo pokoleniya [French verb derived from the brand names as a new generation of neologisms] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Bulletin of the Voronezh state University. Series: Linguistics and intercultural communication]. 2016, no. 2, pp. 74–78.
4. Kubryakova E.S. Tipy yazykovykh znachenii, semantika proizvodnogo slova [Types of linguistic meanings and semantics of a derivative word]. M., Nauka, 1981. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кривко Наталья Андреевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ;
e-mail: krivko@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia Krivko – candidate of Philology, associate professor at the Romance languages department, Russian Foreign Trade Academy at Russian Federation Ministry of economic development;
e-mail: krivko@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Кривко Н.А. Особенности семантики французских глагольных производных от имён коммерческих марок // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 60–66.
DOI: [10.18384/2310-712X-2017-1-60-66](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-1-60-66)

CORRECT REFERENCE

Krivko N. Semantics of the french verb derived from the names of commercial brands // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 60–66.
DOI: [10.18384/2310-712X-2017-1-60-66](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-1-60-66)

УДК 811.133.1'42

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-67-75

СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ ИНФОРМАТИВНЫХ И КОНТАКТУСТАНАВЛИВАЮЩИХ ЗАГОЛОВКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ)

Перепеченов А.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119192, Москва, ул. Ломоносовский проспект, д. 31, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена информативному свёртыванию и переосмыслению при создании новостных заголовков французской качественной прессы. Систематизируя существующие исследования, автор предлагает классификацию заголовков на основе их функциональной доминанты: выделяются информативные и контактоустанавливающие заголовки. Анализ заголовков каждого типа в сопоставлении с вводными абзацами соответствующих им заметок позволяет выявить две основные стратегии информативного свёртывания, которые характеризуются разной степенью свободы переосмысления. Стратегия создания новостного заголовка определяется целевой аудиторией издания и интенциями журналиста.

Ключевые слова: новостной дискурс, свёртывание, переосмысление, заголовки, информативная функция, контактная функция.

THE STRATEGIES OF CREATING INFORMATIVE AND CONTACT-MAKING HEADLINES IN THE FRENCH PRESS

A. Perepchenov

Lomonosov Moscow State University

119192, Moscow, Lomonosovskii ave., 31, bld. 1, Russian Federation

Abstract. The present article is concerned with creating news headlines in the French quality press. The author suggests a classification of headlines based on their dominant function, thus dividing them into informative and contact-making types. The paper provides an analysis of headlines belonging to each type along with their respective lead paragraphs, making it possible to distinguish two basic strategies of summarizing (compression), each possessing a different degree of freedom of reformulation. When writing a headline, the choice of strategy depends upon the target audience and the journalist's intentions.

Key words: news discourse, compression, reformulation, headlines, informative function, contact-making function.

Медиадискурс, в частности, дискурс новостных СМИ, является одной из сфер применения информативного свёртывания – техники, направленной на сокращение объёма дискурса при обязательном сохранении основной с точки зрения контента информации [7, с. 40]. Техника информативного свёртывания используется в новостном дискурсе для выполнения ряда коммуникативных

задач, предполагающих разную степень свёртывания: создание заметки на основе документа-источника, написание бэкграунда (дополнительной информации, помогающей понять смысл новости [2]), сокращение цитат и т. д. Максимальная степень свёртывания новостного дискурса наблюдается при написании заголовков: например, в руководстве по журналистике информационного агентства Reuters указывается, что заголовок оптимальной длины не превышает 64 символов [17]. Заголовки можно рассматривать как продукт информативного свёртывания текста новостной статьи, поскольку он, как правило, формулируется после её написания. Кроме того, журналист может подготовить черновую версию заголовка, которая затем дорабатывается редактором [2].

В статье на материале французских новостных заметок показана зависимость характера заголовков от стратегии информативного свёртывания, которая, в свою очередь, определяется целевой аудиторией издания и интенциями журналиста. Рассматриваются только новостные статьи французской качественной прессы, т. е. серьёзных изданий, ориентированных на образованного читателя (в частности, газеты *Le Monde* и новостного агентства *Agence France-Presse*): как отмечает Б. Линдемманн, заголовки таблоидов не всегда резюмируют содержание статей и зачастую не информативны [15].

Свёртывание новостного дискурса изучалось Т. ван Дейком. Он выделяет три основных правила свёртывания (в авторской терминологии – *макроправила*, англ. «*macrorules*»), применимые в том числе и к новостным заголовкам: *устранение* («*deletion*»), *генерализация*

(«*generalization*») и *конструкция* («*construction*») [13, p. 32]. Объектом устранения, согласно ван Дейку, становятся второстепенные детали, необязательные для понимания всего текста. Под генерализацией подразумевается замена нескольких элементов информации одним обобщающим элементом. Наконец, правило конструкции предполагает восстановление элементов информации, естественно вытекающих из некоего события, на основе фоновых знаний. Важно отметить, что для всех перечисленных правил свёртывания характерны переосмысление исходной информации и изменение её вербальной формулировки, что сопровождается определенными лингвистическими трансформациями. Согласно А.А. Леонтьеву, переформулирование является отражением процесса понимания: «понятно то, что может быть иначе выражено» [4, с. 142].

Функциональная классификация новостных заголовков. В новостных заголовках используются различные стратегии информативного свёртывания и переосмысления. А.В. Колесниченко выделяет две основные функции заголовка: *информативную* и *контактную* [2]. Любой более или менее удачный заголовок сочетает в себе обе функции: даёт читателю представление о содержании заметки и вызывает интерес к её прочтению. Однако одна из этих функций всегда доминирует, а их соотношение может варьироваться.

Существуют и более подробные классификации функций новостных заголовков. Помимо информативной и контактной (также определяемой как прагматическая, рекламная или рекламно-прагматическая) функций, выделяемых многими исследователя-

ми дискурса СМИ [3; 6; 8; 9; 11], отмечаются также номинативная [3; 8; 11], графически-выделительная [3; 8; 11], прогностическая [8] и поисковая [8]. На наш взгляд, четыре последние функции обязательно присутствуют в любом заголовке в качестве фоновых. Говорят также об оценочной (экспрессивной, эмоционально-оценочной) функции заголовков прессы [1; 3; 5; 9; 10], однако в рамках данного исследования рассматриваются исключительно новостные статьи, отличительной характеристикой которых является объективность [2; 14, р. 37].

Таким образом, с точки зрения функциональной доминанты представляется возможным разделить заголовки новостных СМИ на *информативные* и *контактоустанавливающие*.

Информативный заголовок кратко резюмирует содержание заметки [13, р. 53]. Часто он представляет собой сжатую версию лида – вводного абзаца, который содержит ответы на шесть основных вопросов о новости (Кто? Что? Где? Когда? Почему? Как?) [2; 14, р. 38–44]. Заголовок этого типа наиболее характерен для заметок, публикуемых

новостными агентствами и предназначенных в основном для профессиональных журналистов из других изданий, которые используют эти заметки при написании собственных материалов [12, р. 74]. Свёртывание в информативном заголовке реализуется таким образом, что его сценарий следует сценарию заметки с минимальными отклонениями. Термин «*сценарий*» («*script*»), который восходит к исследованиям в области когнитивной психологии и искусственного интеллекта [16], используется ван Дейком применительно к дискурсу СМИ для обозначения ситуации, лежащей в основе новости [13, р. 34–41]. Сценарии новостных сообщений часто повторяются: официальный визит представителей одной страны в другую, вынесение судебного приговора, задержание преступника и т. д. Каждая из таких «рутинных» заметок [13, р. 35] имеет стандартный набор «ролей», меняются только «актеры». К стереотипным новостным сценариям легко применяются правила свёртывания для получения информативных заголовков, что наглядно демонстрирует следующий пример¹ (заметка *Agence France-Presse*).

Текст 1 [19]

Первый абзац статьи

Le Conseil de sécurité va tenir des consultations mercredi après-midi à la suite des nouveaux tirs de missiles nord-coréens, ont indiqué des diplomates. /23 слова/

Заголовок

Missiles nord-coréens: réunion d'urgence mercredi du Conseil de sécurité /9 слов/

¹ Чтобы снизить уровень субъективности при определении типа заголовков, рассматриваемых в качестве примеров, был проведён небольшой опрос среди 10 носителей французского языка в возрасте от 22 до 32 лет, имеющих или получающих высшее образование. Информантам было предложено определить функцию пяти заголовков французских газет и агентства *France-Presse*: информировать, привлечь внимание читателя или сочетание обеих функций. Для анализа были отобраны два заголовка, определённые наибольшим количеством информантов как информативный и контактоустанавливающий. В частности, 9 из 10 опрошенных считают, что заголовок *Текста 1* служит для информирования читателя, причём 5 из них указали информативную функцию в качестве единственной. 10 из 10 информантов ответили, что заголовок *Текста 2* создан для привлечения внимания (4 участника опроса считают эту функцию единственной).

Сценарий этого новостного сообщения можно представить в виде «Организация X проводит встречу в день Y по причине Z». Заголовок воспроизводит данный сценарий, однако меняет местами порядок «ролей», предъявляя сначала новую, а затем известную информацию. В начало выносятся причина встречи – северокорейские ракеты. Упоминание об очередных запусках из заголовка убирается, поскольку целевая аудитория информационного агентства *France-Presse* – профессиональные журналисты – знает о регулярных ракетных испытаниях Северной Кореи и благодаря этим фоновым знаниям понимает, что именно новые запуски могут заставить Совет Безопасности ООН провести срочное заседание (таким образом, осуществляется свёртывание по уже упомянутому правилу конструкции). Далее следует день встречи: в соответствии с правилом устранения, исключаются второстепенные детали – время суток и источник информации, при этом подчёркивается срочный характер встречи. Кроме того, по правилу конструкции, в заголовке не приводится очевидная информация о том, что во время встречи Совбез проведёт консультацию. Наконец, само название органа ООН, с которого начинается новостная заметка, в заголовке фигурирует в последнюю очередь.

Таким образом, в приведённом примере информативный заголовок получен в результате последовательного применения правил свёртывания (в

частности, правил устранения и конструкции). В то же время в заголовке наблюдается перестановка смысловых акцентов: информация предъявлена в порядке новизны и важности, добавлен дополнительный по отношению к тексту новости компонент (срочность встречи).

Контактоустанавливающие заголовки чаще всего используются газетами, ориентированными на широкую публику [12, р. 36–39], в отличие от информационных агентств, целевой аудиторией которых является относительно узкий круг профессиональных журналистов. В связи с этим наряду с предоставлением объективной информации газетный заголовок привлекает внимание читателя, побуждая его к прочтению статьи. Для получения контактоустанавливающего заголовка стратегия информативного свёртывания подвергается изменениям, которые часто выражаются в модификации сценария новостного сообщения. При этом помимо базовых правил свёртывания могут использоваться нестандартные приемы, отражающие более свободное и активное переосмысление текста новости. Авторство контактоустанавливающего заголовка может не совпадать с авторством заметки: в этом случае переосмысление осуществляется, как правило, редактором, который выступает в роли своеобразного посредника между автором статьи и читателями. Рассмотрим информативное свёртывание в заголовках этого типа на конкретном примере (статья *Le Monde*).

Текст 2 [18]**Первый абзац статьи**

Dans un pays où la proportion des plus de 65 ans atteignait 26,3 % de la population en 2015, l'annonce du fonds public japonais de gestion des retraites a de quoi inquiéter. Le GPIF, qui gère l'épargne retraite de 59,3 millions de travailleurs, a révélé, vendredi 26 août, avoir perdu 5 200 milliards de yens (45 milliards d'euros) entre avril et juin. Soit la pire performance depuis sa création, en 2001. En cause, la mauvaise tenue des marchés financiers. «Le résultat du référendum britannique sur la sortie de l'Union européenne a été différent des attentes des marchés, a déclaré le président du fonds, Norihiro Takahashi. Et les chiffres de l'emploi américain en mai ont été plus mauvais que prévu». A cela s'est ajoutée la hausse du yen face au dollar et à l'euro depuis le début de l'année, et donc la dégradation des résultats des entreprises. /148 слов/

Заголовок

Comment le Brexit a fait perdre 45 milliards d'euros aux retraités japonais /12 слов/

Текст заметки соответствует типовому сценарию «Организация X теряет/приобретает Y по причине/причинам Z». Если применить правила устранения, генерализации и конструкции, получается следующий ин-

формативный заголовок:

*Marchés financiers et hausse du yen: fonds de retraite japonais perd 45 milliards d'euros /14 слов/

Сравним этот «реконструированный» заголовок с настоящим:

*Marchés financiers et hausse du yen: fonds de retraite japonais perd 45 milliards d'euros /14 слов/

Comment le Brexit a fait perdre 45 milliards d'euros aux retraités japonais /12 слов/

При сопоставлении обнаруживается, что в контактоустанавливающей заголовке изменяются два «актёра». Во-первых, из нескольких причин финансовых потерь японского фонда (Z) отбирается одна – британский референдум о выходе из Европейского союза, – причем для его обозначения используется краткий неологизм “*Brexit*”. Иными словами, вместо правила генерализации применяется партикуляризация – выделение одного элемента из множества. Во-вторых, пенсионный фонд Японии (X) заменяется на конкретных людей – японских пенсионеров. В результате этих двух модификаций, которые находятся в определённой корреляции между собой,

новость как бы приобретает человеческий, личностный аспект. Использование термина “*Brexit*” применительно к неожиданному решению людей олицетворяет непредсказуемость и нестабильность мира: подчёркивается, что невозможно было предвидеть последствия британского референдума для японских пенсионеров. Вопросительное наречие “*comment*” в начале заголовка придаёт ему звучание притчи.

Проведённый анализ позволяет выявить две основные стратегии свёртывания и переосмысления, характерные для новостных заголовков информативного и контактоустанавливающего типа. Первые создаются в результате последовательного при-

менения правил свёртывания (устранения, генерализации и конструкции) к тексту новостной заметки и четко следуют её сценарию; при этом возможна перегруппировка или смысловое выделение отдельных элементов информации. Контактуостанавливающие заголовки представляют собой

продукт свободного переосмысления исходного текста, правила свёртывания в них могут видоизменяться и дополняться индивидуально подобранными приёмами. Кроме того, в заголовках этого типа наблюдаются более существенные отклонения от сценария новости.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Литература

1. Гашкова М.Г. Экспрессия в публицистике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 9–13.
2. Колесниченко А.В. Практическая журналистика: учеб. пособие [Электронный ресурс]. URL: <http://evartist.narod.ru/text28/0034.htm> (дата обращения: 02.12.2016).
3. Лазарева Э.А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. 165 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 2003. 287 с.
5. Москавец М.Н. Газетный заголовок с личной формой глагола в структурном и функциональном аспектах (на материале французской прессы): дисс. канд. филол. наук. М., 2016. 144 с.
6. Москавец М.Н. Корреляция французских глагольных форм заголовка и текста современной газетной статьи (функционально-прагматический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 1. С. 142–151.
7. Перепеченов А.В. Резюме и новостная статья: техника информативного свёртывания (на материале французского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 39–46.
8. Пешкова Ю.В. Роль и функции новостных заголовков в современной немецкоязычной прессе: автореф. дисс. канд. филол. наук. М., 2012. 21 с.
9. Пушкарева И.А. Заголовок в информационно-оценочном пространстве городской газеты // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). 2011. № 3 (105). С. 69–75.
10. Саблина М.В. Интертекстуальность заголовков современной российской прессы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. С. 94–100.
11. Федосеева М.Ю. Особенности англоязычного профессионального текста по экономической проблематике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 6. С. 45–50.
12. Allemand L., Oullion J.-M. Les grandes questions des médias: enjeux et stratégies des médias contemporains. Paris: L'Etudiant, 2005. 172 p.
13. Dijk T.A. van. News as discourse. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
14. Harrower T. Inside reporting: a practical guide to the craft of journalism. New York: McGraw-Hill Education, 2012. 352 p.
15. Lindemann B. Cheap thrills we live by: some notes on the poetics of tabloid headlines // Journal of literary semantics. 1990. Vol. 19, no. 1, pp. 46–59.

16. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. 248 p.
17. Thomson Reuters. Handbook of Journalism [Электронный ресурс]. URL: http://handbook.reuters.com/index.php?title=Main_Page (дата обращения: 02.12.2016).

Источники

18. Mesmer P. Comment le Brexit a fait perdre 45 milliards de dollars aux retraités japonais [Электронный ресурс] // Le Monde. 29.08.2012 [сайт]. URL: http://www.lemonde.fr/economie/article/2016/08/29/les-retraites-japonais-rattrapes-par-le-brexit_4989280_3234.html#с4UQRfd07EAK3lmO.99 (дата обращения: 25.11.2016).
19. Missiles nord-coréens: réunion d'urgence mercredi du Conseil de sécurité (Agence France-Presse) [Электронный ресурс] // Le Nouvel Observateur: [сайт]. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20160803.AFP3445/la-coree-du-nord-tire-un-nouveau-missile-en-mer-du-japon.html> (дата обращения: 25.11.2016).

REFERENCES & SOURCES

1. Gashkova M.G. Ekspressiya v publitsistike [Expression in journalism] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2010, no. 6, pp. 9–13.
2. Kolesnichenko A.V. Prakticheskaya zhurnalistika: ucheb. posobie [Elektronnyi resurs]. [Practical journalism: textbook [Electronic resource].] URL: <http://evartist.narod.ru/text28/0034.htm> (request date 02.12.2016).
3. Lazareva E.A. Sistemno-stilisticheskie kharakteristiki gazety [System-stylistic features of newspapers]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1993. 165 p.
4. Leont'ev A.A. Osnovy psikholingvistiki [Fundamentals of psycholinguistics]. M., Smysl, 2003. 287 p.
5. Moskavets M.N. Gazetnyi zagolovok slichnoi formoi glagola v strukturnom i funktsional'nom aspektakh (na materiale frantsuzskoi pressy): diss. kand. filol. nauk [Newspaper headline with the personal form of the verb in the structural and functional aspects (study of the French press): candidate thesis in Philology]. M., 2016. 144 p.
6. Moskavets M.N. Korrelyatsiya frantsuzskikh glagol'nykh form zagolovka i teksta sovremennoi gazetnoi stat'i (funktsional'no-pragmaticheskii aspekt) [Correlation of French verb forms of the title and text of a contemporary newspaper article (pragmatic aspect)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2014, no. 1, pp. 142–151.
7. Perepechenov A.V. Rezyume i novostnaya stat'ya: tekhnika informativnogo svertyvaniya (na materiale frantsuzskogo yazyka) [A résumé and a news report in French: the technique of informative compression] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication]. 2016, no. 3, pp. 39–46.
8. Peshkova Ya.V. Rol' i funktsii novostnykh zagolovkov v sovremennoi nemetskoazychnoi presse: avtoref. diss. kand. filol. nauk [The role and functions of news headlines in the modern German press: abstr. of candidate thesis in Philology]. M., 2012. 21 p.
9. Pushkareva I.A. Zagolovok v informatsionno-otsenochnom prostranstve gorodskoi gazety [The headline in city newspaper: informational and evaluative role] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (filologiya) [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanitarian Sciences (Philology)]. 2011, no. 3 (105), pp. 69–75.

10. Sablina M.V. Intertekstual'nost' zagolovkov sovremennoi rossiiskoi pressy [Intertextuality of headlines in modern Russian press] Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2009. T.2, pril. [Journal of Siberian Federal University. Humanities. 2009, Vol. 2], pp. 94–100.
11. Fedoseeva M.YU. Osobennosti angloyazychnogo professional'nogo teksta po ekonomicheskoi problematike [Characteristics of English professional text on economic issues] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2010, no. 6, pp. 45–50.
12. Allemand L., Oullion J.-M. Les grandes questions des médias: enjeux et stratégies des médias contemporains. Paris: L'Etudiant, 2005. 172 p.
13. Dijk T.A. van. News as discourse. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1988. 200 p.
14. Harrower T. Inside reporting: a practical guide to the craft of journalism. New York: McGraw-Hill Education, 2012. 352 p.
15. Lindemann B. Cheap thrills we live by: some notes on the poetics of tabloid headlines // Journal of literary semantics. 1990. Vol. 19, no. 1, pp. 46–59.
16. Schank R.C., Abelson R.P. Scripts, plans, goals and understanding: an inquiry into human knowledge structures. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1977. 248 p.
17. Thomson Reuters. Handbook of Journalism [E-source]. URL: http://handbook.reuters.com/index.php?title=Main_Page (request date 02.12.2016).

Sources:

18. Mesmer P. Comment le Brexit a fait perdre 45 milliards de dollars aux retraités japonais [E-source] // Le Monde: [site]. URL: http://www.lemonde.fr/economie/article/2016/08/29/les-retraites-japonais-rattrapes-par-le-brexit_4989280_3234.html#c4UQRfd07EAK3lmO.99 (request date 25.11.2016).
19. Missiles nord-coréens: réunion d'urgence mercredi du Conseil de sécurité (Agence France-Presse) [E-source] // Le Nouvel Observateur: [site]. URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20160803.AFP3445/la-coree-du-nord-tire-un-nouveau-missile-en-mer-du-japon.html> (request date 25.11.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Перепеченов Александр Владимирович – аспирант кафедры французского языка факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: avperepchenov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr Perepechenov – postgraduate student at the French Department, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: avperepchenov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Перепеченов А.В. Стратегии создания информативных и контактоустанавливающих заголовков (на материале французской прессы) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 67–75.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-67-75

CORRECT REFERENCE

A. Perepechenov. The strategies of creating informative and contact-making headlines in the French press // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 67–75.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-67-75

РАЗДЕЛ II

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81.373

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-76-98

ФРАЗЕОЛОГИЯ *СКВОЗЬ ЗУБЫ*: МЕТАФОРЫ КОГНИЦИИ, ЭМОЦИЙ И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ВАРЬИРОВАНИЕ У ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ *ЗУБ / ЗУБЫ*

Дронов П.С.¹, Полян А.Л.²

¹ Институт языкознания Российской Академии Наук

125009, г. Москва, ул. Б. Кисловский переулок, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена идиомам с компонентом *зуб / зубы*. Рассматриваются идиомы, связанные с мыслительным процессом и знанием фактов (рус. *ни в зуб ногой*), эмоциями (рус. *скрежет зубовой*, *иметь зуб на кого-л.*, сербск. и хорватск. *imati zub na nekoga*, англ. *gnash one's teeth*, *grind one's teeth*), речевой деятельностью (англ. *to lie through one's teeth* 'нагло лгать', букв. «лгать сквозь зубы», ирл. *labhairt gan fiacail a chur ann* 'грубая речь', букв. «речь, в которой не найти зубов»). Анализируются варьирование идиом, изменение их значения и возможные контаминации метафорических моделей. Материалом для исследования служит фразеология славянских (русский, сербохорватский), германских (английский, немецкий, идиш, африкаанс) и кельтских (ирландский) языков.

Ключевые слова: фразеология, соматические и кинетические идиомы, варьирование формы, сопоставительное изучение, славянские, германские, кельтские языки

PHRASEOLOGY THROUGH ONE'S TEETH: COGNITION, EMOTION, AND SPEECH METAPHORS IN IDIOMS WITH THE CONSTITUENT *TOOTH / TEETH*

P. Dronov¹, A. Polyan²

¹ Institute of Linguistics, Russian Academy of Science

125009, Moscow, B. Kislovsky lane 1-1, Russia Federation

² Lomonosov Moscow State University

125009, Moscow, Mokhovaya str. 11-1, Russian Federation

© Дронов П.С., Полян А.Л., 2017.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФНФ № 15-34-01215a2.

Abstract. The report deals with idioms featuring the constituent *tooth / teeth*. The figurative meaning of those idioms may involve cognition and knowledge (Russian *ни в зуб ногой*), emotions (English *gnash one's teeth, grind one's teeth*, Russian *иметь зуб на кого-л.*, Serbian and Croatian *imati zub na nekoga* 'to be angry with someone because of something they have done'), and speech (English *to lie through one's teeth*, Irish *labhairt gan fiacail a chuir ann* 'crude speech' [lit.: speech with no teeth to look for]). The analysis of idiom modifications, metaphors and their possible blends is based on Slavic (Russian, Serbian, Croatian, Germanic (English, German, Yiddish, Afrikaans), and Celtic (Irish) languages.

Key words: phraseology, somatic and kinetic idioms, idiom modifications, contrastive study, Slavic, Germanic and Celtic languages.

Идиомы с компонентами-соматизмами и кинетические идиомы рассматриваются в целом ряде работ [14; 17; 29; 30; 43; 56, 57, 59, 65, 67]. Очевидно, что идиомы с компонентами, обозначающими части тела и жесты, составляют значительную часть фразеологии: для носителей, по-видимому, всех языков естественно выражать свои эмоции с помощью тех или иных соматических реакций и телодвижений, а также соотносить элементы окружающей действительности с человеческим телом; отсюда, в частности, названия мер длины, имеющие значение 'локоть', 'ладонь', 'палец', 'стопа', 'шаг' и т. д. [48; 65].

Несмотря на эту универсальность соматических реакций как явления, далеко не все идиомы, обозначающие движение частей тела, универсальны [18; 46; 47] и др.; они могут быть интуитивно понятны носителю языка, но для неносителя оказываются сродни загадкам [28]. Кроме того, варьирование формы идиом с компонентами-соматизмами может привести к их известному сближению. Одновременно нельзя не учитывать пространственную семантику: при анализе соматизмов в лексике и фразеологии тело человека может быть разложено на системе координат (ср. распространённое проти-

вопоставление *телесный низ / верх*, а также *телесный низ / духовный верх*, совпадающее с метафорической моделью *сознательное ориентировано наверх, бессознательное ориентировано вниз* по Дж. Лакоффу и М. Джонсону [31]).

В данной статье рассматриваются особенности актуального значения, образной составляющей и возможных изменений идиом с компонентом *зуб* (как в плане выражения, так и в плане содержания).

Даже поверхностное знакомство с этими идиомами позволяет выявить базовые метафоры – еды, физического состояния (состояния зубов), физического воздействия, речевой деятельности.

Употребление именного компонента *зуб* варьируется слабо. В большей части рассматриваемых нами языков (русский, сербохорватский, английский, немецкий, идиш, африкаанс, ирландский) в составе идиом встречается, преимущественно, гипероним *зуб*. Исключения составляют русские модификации наподобие *показывать / показать клыки* (инвариант: *показывать / показать зубы*), английская идиома *to give one's eye teeth for sth* 'отчаянно хотеть чего-л.' и т. д.

Очевидно, что не все идиомы с компонентом *зуб* имеют однозначные со-

ответствия в других языках, а среди аналогов не все содержат компонент *зуб*. Тем не менее, стоит заметить, что в идиомах с близкими внутренней формой и значением место ИГ *зуб* может занимать иной соматизм, имеющий близкое положение в пространстве. Ср. ирл. *armáilte go dtí na cluasa* (букв. «вооружённый до ушей»).

В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» [8] идиомы с компонентом *зуб* относятся к таким таксонам, как: **параметры времени** (подтаксон *быстро, скоро, сразу, спешно*, ср. с *порога в зубы*); **количество, кванторные смыслы** (подтаксон *мало, меньшая часть, недостаточно, немного*, ср. на *один зуб что-л. кому-л.*), **истинное – ложное** (подтаксон *ложь, вербальный обман, введение в заблуждение*, ср. *заговаривать зубы кому-л.*) и т. д.

Очевидно, что семантические поля идеографического словаря идиом не просто пересекаются, а могут быть названы семантической сетью (об этом говорится, например, в [28]). По этой причине для более компактной классификации мы можем сгруппировать идиомы в отдельные макророметфорические концептуальные модели (термин, разработанный в [24]):

усиление признака / действия – это положение зубов в организме

вербальная коммуникация – это действие с использованием зубов

когниция – это физическое состояние

эмоциональное состояние – это физическое состояние

эмоциональное воздействие – это физическое воздействие

действие – это гастрономический опыт

когниция / эмоциональное воздействие – это гастрономический опыт
ресурс – это гастрономия

Макророметфорическая концептуальная модель **усиление признака / действия – это положение зубов в организме** требует пояснения: образ зубов как одного из объектов телесного верха используется для интенсификации значения (по теории лексических функций – ЛФ Magn [5]). Приведём ряд примеров (источниками для русских примеров стали [24; 29; 49; 35], для сербохорватских – [44; 58; 66; 68], для английских – [52; 53; 56], для немецких – [57], для ирландских – [61; 62; 63]; кроме того, идиомы на языках идиш и африкаанс взяты из словарей [15] и [54], соответственно). Лексикографические источники отражают актуальное употребление идиом; даже в методологически несовершенном и устаревшем словаре П. Динина [62] отобраны только те идиомы, которые совпадают с более новым словарем Н. О’Доннелла [61]. Всего проанализировано употребление более ста двадцати идиом (в том числе, речевых формул).

Рус. *вооружён до зубов, ноги от зубов [растут]*. Последняя является, по видимому, лексической модификацией идиомы *ноги от ушей [растут]*; сербохорв. *do zuba [biti naoružan]*, *noge do zuba*; англ. *dressed up to the teeth / nines* ‘щеголевато одетый’, *armed to the teeth* ‘хорошо вооружённый’; нем. *bis an die Zähne bewaffnet* ‘хорошо вооружённый’; африкаанс *tot die tande gewapen* ‘хорошо вооружённый’.

Макророметфорическая концептуальная модель **когниция – это физическое состояние** представлена в следующих идиомах: рус. *Ни в зуб ногой*

(кто-л. в чём-л.), не по зубам (что-л. кому-л.), ломать / обломать зубы (на чём-л.); сербохорв. *lomiti slomiti / zube na čemu, gledati / pogledati u zube čemu*.

К этому концепту близок другой: **физическое состояние – это эмоциональное состояние**. Он представлен в таких идиомах, как рус. *стучать зубами, зуб на зуб не попадает, иметь зуб на кого-л., точить зубы на кого, на что, стиснуть зубы, скрежетать зубами*; сербск., хорв. *biti na zubi kome* («быть на зубу у кого-то»), *imati zub na koga gledati/pogledati u zube čemu, stegnuti/stisnuti zube*; англ. *drop one's teeth* «удивиться» (ср. также *to drop one's jaw* и его русский аналог *челюсть отвисла*), *to gnash one's teeth* («скрежетать зубами»); нем. *die Zähne zusammenbeißen, sich <Dativ> an etwas die Zähne ausbeißen, sich <Dativ> an jmdn. die Zähne ausbeißen*.

В немецком языке и африкаанс зубы приобретают несвойственные им атрибуты: *Haare auf den Zähnen haben* «быть агрессивным и самонадеянным» (букв. «иметь волосы на зубах»), *hare op die tande hê* «быть упорным, настойчивым» (буквальный перевод тот же). В словаре [57] внутренняя форма идиомы объясняется следующим образом: «von starker Behaarung als Zeichen von Männlichkeit, die sich sogar auf den Zähnen [älter: auf der Zunge] zeige» («основано на густой растительности на теле как признаке мужественности, причём волосы видны даже на зубах [устарелое: на языке]»).

В рамках макрометафорической концептуальной модели **действие – это гастрономический опыт** мы можем выделить следующие идиомы: рус. *попробовать кого-л. на зуб., не по зубам (что-л. кому-л.), ломать / обломать*

зубы (на чем-л.); сербохорв. *na zub uzeti koga* (актуальное значение аналогично соответствующим русским), *sušiti zube* (спортивное) «уходить на перерыв» (букв. «сушить зубы»; преимущественно сербское, *čakati zube* (актуальное значение то же, букв. «чистить зубы зубочисткой»; преимущественно хорватское); англ. *to pick one's teeth* «бездельничать; сидеть на скамейке запасных» (букв. «чистить зубы зубочисткой»). Как видим, хорватская идиома заимствована из английского языка; сербская идиома тоже, возможно, поменяла своё значение под английским влиянием.

В следующих идиомах **гастрономический опыт** (приём пищи) используется для обозначения когнитивных и эмоциональных видов воздействия: англ. *to sink one's teeth into sth* «познакомиться с чем-л.» (букв. «погрузить зубы во что-л.»), *fed up to the [back] teeth* (ср. рус. *сыт по горло*); нем. *lange Zähne machen / mit langen Zähnen essen* «есть без удовольствия» («есть длинными зубами»); африкаанс *met lange tande eet, met lange tande an iets vat* «приниматься за какое-л. дело без удовольствия, со страхом» («браться за что-л. с длинными зубами»). В ирландском мы не обнаружили подобных идиом, однако в этом языке есть коллокация *fiacla a breith do rud* «кусать что-л.» («брать/нести зубы к чему-л.»).

Сюда же можно отнести модель **когнитивное воздействие – это физическое воздействие**: рус. *показать зубы, зуб даю, [зубами] землю рыть, дать / получить по зубам* (ср. также композит *зуботычина*); англ. *go at one another / each other hand and tooth / claw* «быть непримиримыми соперниками» («идти друг на друга рукой и зу-

бом / когтем»), *to bare one's teeth* (аналогично рус. *показать зубы*), *to give one's eye teeth for sth.* 'стремиться к обладанию чем-л.' (букв. «отдать клыки [“глазные зубы”] за что-л.»), [*give sb a kick in the teeth*] 'несправедливое и жестокое обращение с кем-л., нуждающимся в поддержке' (букв. «удар ногой в зубы»), *to cut one's teeth on sth.* 'приобрести опыт' (букв. «наточить себе зубы на чем-л.»¹); нем. [*jemandem die Zähne zeigen, jemandem den Zahn ziehen*] 'обманывать кого-л.' («тянуть кому-л. зуб»; ср. англ. *to pull one's leg*) *sich <Dativ> an etwas/jmdn. die Zähne ausbeißen*; идиш *gryzhen di erd mit di tsey[n]er* («грызть землю зубом/зубами»); ирл. *rud a chur faoi d'fhiaicail* 'размышлять о чём-л.' (букв. «вещь помещать в / сквозь зубы / вокруг зубов») / *cuir sin faoi d'fhiaicail (agus cogain é)* 'поразмысли об этом' (букв. «помести это в свои зубы и пожуй это»).

В эту группу можно включить и ирл. *d'ainneoin a chuílfhiaicail*² 'несмотря ни на какие помехи или препятствия' (букв. «несмотря на его коренные зубы»). Кроме того, в ирландском языке обнаруживается пословица *Níor bhris focal maith fiacail riamh* («хорошее слово никогда не выбивало зуба»).

Физическое воздействие может сближаться с **гастрономическим опытом**, получать дальнейшее развитие и использоваться для интенсификации: в рус. *зуб даю* и англ. *to give one's eye teeth for sth.* постулируется готовность отдать ценные органы, необходимые для откусывания и разгрызания пищи.

¹ Ср. также рус. *грызть гранит науки*.

² В словаре Динина [62] дана форма *d'aimhdheoin*; мы взяли на себя смелость привести написание этой идиомы в соответствии с современной пореформенной орфографией.

Прототипическим действием здесь является помещение какого-либо предмета в рот (приём пищи, жевание травинки и т. п.), ср. ирл. *cuir sin faoi d'fhiaicail (agus cogain é)*. На этом же образе основана английская идиома *put that in your pipe and smoke it* 'хорошо об этом подумай' (букв. «набей этим трубку и раскури её») – не соматическая, но кинетическая.

В случае англ. *fed up to the back teeth* мы снова сталкиваемся с пространственной семантикой: в основе этой идиомы мы, как и в *ноги от ушей / зубов*, видим концепт **усиление признака / действия – это положение зубов в организме**.

Как и другие соматизмы (прежде всего кожный и волосной покров), зубы могут появляться в идиомах, основанных на метафоре близкого расстояния: англ. *by the skin of one's teeth* 'очень близко к кому-л.' букв. «на кожу зуба от кого-л.» (ср. рус. *на волосок от чего-л.*). Как и в случае с нем. *Haare auf den Zähnen haben*, зубы получают несвойственные им признаки (впрочем, *skin* здесь может быть осмыслено и как генерализированное обозначение любой поверхности тела).

Макрометафорический концепт **вербальная коммуникация – это действие с использованием зубов** представлен такими идиомами, как рус. *держать язык за зубами*, [*говорить... / цедить... / признавать...*] *сквозь зубы*, *зубы заговаривать*; сербохорв. *držati jezik za zubima, c(ij)editi / proc(ij)editi kroz zube* (то же значение); англ. *to speak / say / moan... through one's [clenched / gritted] teeth* 'говорить сквозь [стиснутые, скрежещущие] зубы', *to lie through one's teeth* 'нагло лгать' («лгать сквозь зубы»), *to mince words* 'говорить

деликатно, выражаться осторожно' («перемалывать зубы»); нем. *die Zähne nicht auseinanderkriegen* 'молчать' («не разжимать зубы»); идиш *durkhzeyen / durkhziptn durkh di tseyner* («цедить сквозь зубы»), *farreden di tseyner* («заговаривать зубы»); ирл. *rud a rá faoi d'fhiacla* 'бормотать' («говорить что-л. сквозь зубы / вокруг зубов»), *ní chuir sé fiacla ann* 'он говорил прямо / резко' («он не сеял там зубы»), *rud a rá le fiacla duine* 'говорить прямо' («говорить что-л. с чьими-л. зубами») *labhairt gan fiacail a chuir ann* 'грубая речь' («говорение, в котором не найдёшь зубов»).

Во-первых, говорение осмысляется как действие, в котором принимают участие («сжимаются / разжимаются») зубы с разной степенью интенсивности (вероятно, отсюда англ. *to mince words / not to mince words*, ирл. *labhairt gan fiacail a chuir ann*: грубая речь или крик осмыляется как процесс, в котором не задействованы зубы). Соответственно, не говорить значит «не разжимать зубов» (*die Zähne nicht auseinanderkriegen*). Во-вторых, стремление не дать собеседнику заговорить осмыляется как противодействие его попыткам использовать зубы. Говорящий не позволяет собеседнику разжимать зубы: *заговаривать зубы, farreden di tseyner*.

Интересны идиомы, связанные с говорением сквозь зубы. [Говорить... / цедить... / признавать...] *сквозь зубы* 1. [Говорить...] *сквозь зубы* – говорить тихо или неразборчиво, что осмыляется как наличие у говорящего затруднений из-за того, что он не использует в полной мере органы речи. 2. [Цедить...] *сквозь зубы* – высказываться по какому-л. поводу очень неохотно, с неудовольствием

или снисходительно-небрежно, что осмыляется как наличие у говорящего затруднений из-за того, что он не использует в полной мере органы речи. 3. [Цедить... / признавать...] *сквозь зубы* – неохотно признавать что-л., что осмыляется как наличие у говорящего затруднений из-за того, что он не использует в полной мере органы речи [6]. Интересно, что «цедить сквозь зубы» в редких случаях допускает прямое дополнение. Разумеется, прежде всего *сквозь зубы* «цедятся» слова. Английская идиома *to lie through one's teeth*, судя по её употреблению в текстах, имеет в основе ту же метафору, что и в рус. *цедить сквозь зубы*, однако в данном случае происходит ещё один семантический перенос: «наличие у говорящего затруднений из-за того, что он не использует в полной мере органы речи» > «пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику» > «готовность солгать собеседнику».

Рассмотрим варьирование ряда идиом, относящихся к этим концептам.

Ни в зуб ногой (кто-л. в чем-л.) снижен. – кто-л. не имеет даже минимальных знаний и способностей для того, чтобы делать что-л. в какой-л. области (научной или профессиональной), *как бы будучи не в состоянии осознать и заметить даже совершенно несоразмерное и в силу этого абсолютно очевидное* [6].

Идиома может употребляться без заполнения валентности (1б-г) или как назывное предложение (1д):

(1) а. «Он стал сетовать, что *в поэзии «ни в зуб ногой»*, а сейчас, как никогда, нужно поэтическое слово для сногсшибательной рекламы» [42]; б. – «Два часа ей талдычил – *ни в зуб ногой»* [9];

в. «Особливо же его высокопревосходительству не понравилось, что стал господин Луиний слишком усердно с красоткой Алымовой заниматься! Та все больше на арфу плечиком налегает, а на клавикордах – *ни в зуб ногой!*» [21]; г. «Я ни теньтелелень, и ты ни в зуб ногой, значит дело пойдёт» [9]; д. «Он тогда все пожитки назад вытащил и поставил у самого фальшборта. Ну, я вижу, достался матрос! *Ни в зуб ногой!* Уж я на что человек спокойный, но тут и меня зло взяло. – Эй вы, Фукс, – говорю я, – какой же вы, к чёрту, матрос?» [34].

В одном прецедентном тексте¹ и ссылках на него обнаруживается нестандартное употребление:

(2) а. «*Но поэзия – пресволочнейшая штуковина, // Существует – и ни в зуб ногой*» [33]; б. «В этом тоже ложь. Но я не собираюсь писать трактат о лжи. Я, пожалуй, только замечу, что ложь – такое же явление жизни, как и всё прочее. «*Существует – и ни в зуб ногой!*» [40]. Актуальное значение идиомы здесь совсем иное: его можно сформулировать как ‘нечто является фактом, который нельзя изменить’ (ср. *хоть ты тресни или ничего не напишешь*).

Не по зубам кому. **Прост. Экспрес.**
1. Нет или не хватает, недостаёт умения, способностей, силы и т.п. на что-либо. 2. кому кто. О недоступном, недосягаемом человеке [49].

Идиома может пропускать отрицание: *по зубам (кому-л. что-л.)*.

(3) а. «Не они ли по любому случаю упрекают правоохранителей, что тем *по зубам и талантам* только мелкую

рыбёшку схватить, а крупная всегда ускользает» [16]; б. «Крупные компании криминальным группировкам *уже не по зубам*» [41]. Возможно употребление идентичных по форме словосочетаний с ослабленной идиоматичностью:

(4) «Я ему когда курицу разламывал, видел, как трусится он весь, кушать хочет, следит глазами, и мне неловко было задерживаться, кромсал, все мягкие кусочки наперво ему выкладывал. – Что, Алексей Сергеич, по зубам кура?» [25].

Обычно идиома употребляется в позиции предикатива. В одном примере обнаруживается иное употребление:

(5) «– Отдохнуть надо, – тяжело дыша, Фёдор Иванович схватился за бок. – *Темп взял не по зубам...* Двое – тренер и студент – побежали дальше» [19].

Лексико-синтаксические модификации идиомы встречаются редко: обнаруживаются всего два примера ввода притяжательного местоимения (6).

(6) а. «По физике нервного волокна – его исследования у нас на кафедре – написал книгу, но напечатать не удалось. Я её смотрел и ничего не понял – математика *не по моим зубам*» [4]; б. – «Ну, смотри, что ты делаешь, – говорил Ларт вполголоса. – Незнакомый маг, соперник *не по твоим зубам*, прямого нападения нет – что ты делаешь?» [20]

Здесь изменена валентность, и это противоречит категории неотчуждаемой принадлежности. Это в некотором роде нарушение стандарта и правил грамматики русского языка, поэтому редкость подобных модификаций понятна.

¹ Заметим, что этот прецедентный текст (стихотворение «Юбилейное») является источником варианта идиомы *наводит глянец – навести хрестоматийный глянец*.

Ломать зубы. Обломать зубы.
Прост. Экспрес. Терпеть неудачу в каком-либо нелёгком деле, начинании, занятии [49].

В этой идиоме физическое воздействие осмысляется как эмоциональное или когнитивное.

Большая часть примеров в корпусе связана с употреблением не идиомы, а омонимичного свободного словосочетания:

(7) **а.** «Я хотел вырваться, но первый скрутил мне руки за спиной, а второй, нажав пальцами на щеки, открыл мне рот и стал *ломать передний зуб ключом*» [51]; **б.** «У нас иногда так бутылку закупорят, что помрёшь от жажды или *зубы обломаешь*» [26]; **в.** «Тигровая акула ткнула своей зубастой мордой в подводную лодку, но, поняв, что об этот кусок железа она только *обломает свои прекрасные зубы*, вильнула мощным хвостом и поплыла дальше» [38].

В некоторых примерах имеет место двойная актуализация: выражение употребляется одновременно и как идиома, и как свободное словосочетание, что обуславливается прозрачностью внутренней формы выражения:

(8) «После лагеря Сатана по-любому получает разрешение на житьё и живёт себе припеваючи под любым погонялом, какое ему в голову взбредёт. Да вот хотя бы «Кока Гамрекели» – чем плохо? Княжеская фамилия, не то, что у Сатаны – бульдожий рёв с визгом: «До-боррр-джжж-ги-на-дззззе!». Сатана смеялся: ни одному вертухаю в русских зонах не удалось её произнести – *ломали себе зубы о звуки*, бедные» [12].

Как видно из (8), возможна контаминация с *ломать язык*. Ср. также

идиш *brekhn zikh di tseyn* ‘не мочь выговорить что-л.’ («ломать себе зубы»).

Нельзя не учитывать и устойчивых словосочетаний с ослабленной идиоматичностью, или номинаций жестов. К ним относятся рус. *дать / получить по зубам*, *дать в зубы*, идиш *lakhn mit di tseyner* ‘широко улыбаться; искренне смеяться’ («улыбаться / смеяться зубами»).

Кроме того, сюда же можно отнести лексические модификации идиомы *улыбаться во весь рот* с заменой компонента на *зубы*: *улыбаться во все зубы / все тридцать два зуба*:

(9) **а.** «Нечего греха таить – отдуплетил два раза по еловым шишкам, – нет выжлеца, пропал. Ни слуху, ни духу. Около часа прошло, идёт Сорочай через болото прямо ко мне и что-то в зубах несёт. Подбежал, бросил у моих ног заячий пазанок и – хотите верьте, хотите нет – *улыбнулся во все зубы*» [32]; **б.** «То есть, если бы ваша невестка бы вам и *улыбалась во все 32 зуба*, это не бы не означало, что она вас искренне любит и обожает...» [23]; **в.** «Он как-то бочком приблизился и широко *улыбнулся во все тридцать три зуба*» [1].

В состав лексически модифицированной идиомы изредка могут быть также введены определения. Всего в корпусе найдено два примера:

(10) **а.** «И вот менялось лицо красноармейца, светлело, на нём скользил тот же добрый свет, что на лице капитана, и пленный уже отвечал офицеру, *улыбаясь во все свои белые ровные зубы*» [45]; **б.** «До десяти убитых было вокруг дозора на прогалине, где бесилась конная атака. Трое дозорных тяжело дышали. Пот смывал с их лиц грязь и кровь. Они уже *улыбались мне*»

во все белые солдатские зубы. Все были фронтовыми солдатами, из пленных» [45].

Кванторные компоненты и количественные слова (прежде всего числительные) могут быть изменены:

(11) **а.** «И что уж такого замечательного находит в речах фатоватого барчука эта пустышка? Чему она там у стены *улыбаётся во все свои шестьдесят четыре зуба?* Невыносимо. Уйти, уйти немедленно, раз жизнь так унизила его. Не стоять здесь прыщеватым посмешником, не давать повода Арине и Никите торжествовать» [11]; **б.** «Есть ли ПАНКИ на Марсе? Загадочные существа повсюду, даже если мы в них не верим... всё равно они рядом. Притаились и смотрят на нас во все свои восемь глаз, *хихикают во все пятьдесят два зуба*, хлопают своими ложноножками и думают, как бы пошутить над нами понахальнее, чтобы отпали все сомнения в их материальности» [27].

Нестандартное количество зубов в первом контексте указывает на улыбки двух человек (шестьдесят четыре зуба), а во втором контексте – на принадлежность улыбающегося к иному биологическому виду (пятьдесят два зуба).

В целом, мы можем отнести это к номинации жеста, при которой ПГ *во весь рот* (а также *во все зубы, во все X зубов*). Надо отметить, что такой номинацией жеста в определённых контекстах становится идиома *показывать зубы*.

Показывать зубы. показать зубы.

Разг. Экспрес. В резкой форме проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, готовность сразу же дать отпор [49].

В Национальном корпусе русского языка встречаются свободные слово-

сочетания – неидиоматичные номинации движения:

(12) **а.** «Однажды требовательно задребезжал звонок, Андрей открыл дверь и увидел мешок – с картошкой, конечно, а у мешка, в окружении сумок и корзин, стояла девица в крепдешиновом платье. На вопрос, какого чёрта ей здесь надо, ответила напевно, *показав крупные хищные зубы*: – Галя Костандик. Аль не помнишь? Да, да, та самая девчонка, что пришептывала и сюсюкала, вороватая и наглая» [2]; **б.** «Мужчина был сравнительно молод, лет сорока, не больше, но чёрные волосы уже поредели, и лоб двумя треугольниками восходил к темени. Что-то оперно-мефистофельское было в этом лице. Широкое в висках, заострённое к подбородку, оно улыбалось, *показывая сбоку золотой зуб*» [13]; **в.** «Кая, наоборот, засмеялась, *показывая острые жемчужные зубы*» [37].

Согласно словарю Ожегова, одно из значений прилагательного *жемчужный* – ‘чисто-белый с блеском, напоминающим жемчуг’ [35]. При этом нельзя исключать семантический перенос не по одному признаку (белизна), но по нескольким (белизна и гладкая округлая поверхность), поэтому сочетание слов *острый* и *жемчужный* может быть воспринято как нарушение семантической сочетаемости.

Образная составляющая идиомы, зафиксированной в словарях, становится особенно очевидной в контекстах употребления омонимичных свободных словосочетаний, ср.:

(13) «– Да мы спрашивали, Алик, никого не видел, ничего не знает, под кайфом был!.. Похоже, не рисуется! Фома действительно ничего не помнил. – Мимо проходил, – *хищный оскал*

крупных зубов Алика показал, как он относится к этому заявлению» [36].

Как идиома (не как свободное словосочетание), *показать зубы* встречается преимущественно в инвертированной форме.

(14) а. «– А что, собственно... Чем вы недовольны? – В саркастическом тоне Тамары Владиславовны явственно звучало: «А какое твоё собачье дело?!» Она тоже человек и вполне может иной раз и *зубы показать*» [3]; б. «Опыт, добытый собственной шкуркой, подсказывал, что совсем безопасных людей не бывает. Сейчас вроде бы мирен, спит, а задень нечаянно, враз *зубы покажет*» [39].

Возможны также лексические субституции: *показывать клыки*. В большинстве случаев *показывать клыки* также является свободным словосочетанием (15а), однако демонстрация клыков может пониматься как действие более агрессивное, чем демонстрация зубов (15б).

(15) а. «Чарли упирался, недоброжелательно показывая жёлтые клыки, но, покорившись воле хозяйки, пополз к выходу под хлещущие струи» [22]; б. «А когда в 1960 году в Кремле собрались на международное совещание все коммунистические и другие братские партии, Ходжа выступил с антисоветской обвинительной речью. Он *показывал клыки больше, чем сами китайцы*» [50].

Аналогичную ситуацию мы обнаруживаем в идиоме *bare one's teeth, also, show one's teeth* 'indicate hostility and readiness to fight' ('указывать на враждебность и готовность сражаться') [52]. Идиома, по-видимому, практически не подвергается синтаксическим трансформациям: словосочетания *teeth bared* (103 контекста в [55],

23 контекста в [53]), *teeth briefly/wetly bared* ([55]: 1), *the teeth it bared* ([55]: 1), *teeth were / are bared* ([53]: 3, [55]: 16), *teeth baring* ([55]: 1 контекст) являются свободными, ср.:

(16) «Smiling Clyde lifted his brows, smiling suspiciously? Listen, baby...? he began, *his teeth bared*. 'Piss off!' she spat, suddenly furious» («Улыбчивый Клайд поднял брови, подозрительно ухмыляясь! – Слушай, детка... – начал он, обнажив зубы. – Отвали! – прошипела она, внезапно придя в ярость») [64].

На основе этих и многих других случаев мы можем выделить ряд особенностей употребления идиом. Прежде всего, наряду с некоторыми идиомами нередко употребляются омонимичные свободные сочетания (*показать зубы, to show one's teeth* и др.).

Нередко возможны ввод определения, выраженного прилагательным или притяжательным местоимением (*показать [свои] зубы, улыбаться во все [свои / белые / ровные] зубы, цедить сквозь [стиснутые / редкие] зубы, to bare one's [yellow / enormous / tobacco-stained...] teeth*), ввод косвенного дополнения (Dativus ethicus: *ломать зубы, обломать зубы – обломать себе зубы, не по зубам – мне не по зубам*), иногда ввод кванторного слова или числительного (*улыбаться во все зубы / все тридцать два зуба*). Может варьироваться порядок слов (*показать зубы – зубы показать*) или глагольный вид (*цедить – процедить сквозь зубы, ломать – обломать зубы*). Изредка меняется глагол (*speak / say / grin through one's teeth, цедить сквозь зубы – пропустить сквозь зубы*) или добавляется дополнительная валентность – как, например, прямое дополнение у фразеологизма *цедить сквозь зубы, упо-*

треблённого в значении 'говорить неохотно, с нежеланием' – *цедить сквозь зубы [ложь], [слова]*. Возможна также актантная деривация: *to bare one's teeth* – *to have one's teeth bare*.

Некоторые идиомы не варьируются в принципе, как, например, *ни в зуб ногой*.

Подтверждаются выводы, сделанные нами в [18] на материале идиом с иными компонентами-соматизмами (конкретнее, с компонентом *нога*):

1) чем очевиднее связь кинетической идиомы с жестом, тем больше вероятность фиксированной формы (в частности, порядка слов) и тем чаще употребляется омонимичное свободное словосочетание; это справедливо как для русской идиомы *протянуть ноги*, так и для близкой по компонентному составу английской *to stretch one's legs*;

2) фиксированность формы проявляется в малом числе возможных

модификаций идиом (варьирования её формы);

Кроме того, мы можем сделать следующие выводы:

1) помимо ограничения инвентаря актуальных значений (и целевых фреймов), изменение формы идиом может приводить к сближению идиом с разными целевыми фреймами;

2) варьирование компонентов-соматизмов как внутри одного языка, так и при сопоставлении идиом разных языков, как правило, проходит в рамках одной совокупности ориентиров (landmarks). Благодаря этому контаминации типа *ломали себе зубы* (вместо *ломать язык*) не воспринимаются как аграмматические; ср. также ирландскую идиому *armáilte go dtí na cluasa* («вооружен до ушей») при невозможности устойчивого словосочетания *armáilte go dtí an crios* («вооружен до пояса»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграновский В. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%F2%F0%E8%E4%F6%E0%F2%FC%20%F2%F0%E8%20%E7%F3%E1%E0&docid=47669 (дата обращения: 22.03.2016).
2. Азольский А. Лопушок [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%F0%F3%EF%ED%FB%E5%20%F5%E8%F9%ED%FB%E5&docid=107755 (дата обращения: 22.03.2016).
3. Акимов А. Плата за страх [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EF%EE%EA%E0%E7%E0%F2%FC&docid=47139 (дата обращения: 22.03.2016).
4. Амосов Н. Голоса времён [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%EC%EE%E8%EC%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=47236 (дата обращения: 22.03.2016).

5. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 769 с.
6. Академический словарь русской фразеологии / А.Н. Баранов и др. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2015. 1168 с.
7. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Семантические отношения во фразеологии // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог», Бекасово, 25–29 мая 2011 г. Вып. 10 (17). М.: РГГУ, 2011. С. 51–59.
8. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: около 8000 идиом современного русского языка / А.Н. Баранов и др. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 1136 с.
9. Бару М. Записки понаехавшего [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20ED%EE%E3%EE%E9&docid=20172 (дата обращения: 22.03.2016).
10. Веселый А. Россия, кровью умытая [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20ED%EE%E3%EE%E9&p=2&docid=62747 (дата обращения: 22.03.2016).
11. Гандлевский С. НРЗБ [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE+%E2%F1%E5+%F1%E2%EE%E8+%F8%E5%F1%F2%FC%E4%E5%F1%FF%F2+%F7%E5%F2%FB%F0%E5+%E7%F3%E1%E0 (дата обращения: 22.03.2016).
12. Гилолашвили М. Чертово колесо [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EB%EE%EC%E0%EB%E8%20%F1%E5%E1%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20394 (дата обращения: 22.03.2016).
13. Грекова И. Фазан [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%F8%20%FF%20%F1%E1%EE%EA%F3%20%E7%EE%EB%EE%F2%EE%E9%20%E7%F3%E1&docid=107797 (дата обращения: 22.03.2016).
14. Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 256 с.
15. Гури И. 2000 идиоматических выражений идиша. Иерусалим, 2002. 408 с.
16. Дейкин А. Своя игра [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC%20%E8%20%F2%E0%EB%E0%ED%F2%E0%EC&docid=107604 (дата обращения: 22.03.2016).
17. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. Ростов н/Д.: Издательство Ростовского университета, 1979. 192 с.

18. Дронов П.С. Убери руки, а то протянешь ноги: свободные словосочетания vs. варьирование идиом // Ученые записки Казанского университета. (в печати).
19. Дудинцев В. Белые одежды. Третья часть [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&p=18&docid=20351&docid=20351 (дата обращения: 22.03.2016).
20. Дяченко М., Дяченко С. Привратник [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%F2%E2%EE%E8%EC%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=20354 (дата обращения: 22.03.2016).
21. Евсеев Б. Евстигней [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=20370 (дата обращения: 22.03.2016).
22. Евтушенко Е. Ягодные места [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%FF+%E6%E5%EB%F2%FB%E5+%EA%EB%FB%EA%E8 (дата обращения: 22.03.2016).
23. Женщина + мужчина: Брак (форум) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%32%20%E7%F3%E1%E0&docid=22172&docid=22172 (дата обращения: 22.03.2016).
24. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. 380 с.
25. Иличевский А. Старик [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&p=3&docid=20478 (дата обращения: 22.03.2016).
26. Иличевский А. Бутылка [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EE%E1%EB%EE%EC%E0%E5%F8%FC&docid=20458 (дата обращения: 22.03.2016).
27. Капишникова Ю. Есть ли панки на Марсе? [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%EF%FF%F2%FC%E4%E5%F1%FF%F2%20%E4%E2%E0%20%E7%F3%E1%E0&docid=3575 (дата обращения: 22.03.2016).
28. Ковшова М.Л. Идиома и загадка. Загадочность идиом // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII: Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях: сб.

- науч. тр. / гл. ред. Н.Н. Болдырев; отв. ред. В.З. Демьянков; отв. секр. Е.М. Позднякова. М.: РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. С. 643–651.
29. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
 30. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 581 с.
 31. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС, 2004. 256 с.
 32. Ливеровский А.А. Журавлиная родина. Рассказы охотника [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20718&docid=20718 (дата обращения: 22.03.2016)].
 33. Маяковский В. Юбилейное [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&mode=poetic&docid=52613 (дата обращения: 22.03.2016).
 34. Некрасов А. Приключения капитана Врунгеля [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&p=1&docid=54527 (дата обращения: 22.03.2016).
 35. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.
 36. Осипов С. Страсти по Фоме. Книга третья. Книга Перемен [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F1%EA%E0%EB%20%EA%F0%F3%EF%ED%FB%F5%20%E7%F3%E1%EE%E2&docid=20909 (дата обращения: 22.03.2016).
 37. Пелевин В. S.N.U.F.F [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%FF%20%EE%F1%F2%F0%FB%E5%20%E6%E5%EC%F7%F3%E6%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20939 (дата обращения: 22.03.2016).
 38. Постников В. Приключения Карандаша и Самоделкина на «Дрындолете» [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%E1%EB%EE%EC%E0%E5%F2%20%F1%E2%EE%E8%20%EF%F0%E5%EA%F0%E0%F1%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=21015 (дата обращения: 22.03.2016).
 39. Приставкин А. Кукушата или жалобная песнь для успокоения сердца [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20718&docid=20718 (дата обращения: 22.03.2016).

- a=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EF%EE%EA%E0%E6%E5%F2&docid=21054 (дата обращения: 22.03.2016).
40. Розов В. Удивление перед жизнью: [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&p=0&docid=48035 (дата обращения: 22.03.2016).
 41. Русский репортер [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=50081 (дата обращения: 22.03.2016).
 42. Слипечук В. Зинзивер [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=47637 (дата обращения: 22.03.2016).
 43. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
 44. Трофимкина О.И. Сербохорватско-русский фразеологический словарь. М.: Восток-Запад, 2005. 232 с.
 45. Туркул А.И., Лукаш И.С. Дроздовцы в огне [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%F1%E2%EE%E8%20%E1%E5%EB%FB%E5%20%F0%EE%E2%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=106413 (дата обращения: 22.03.2016).
 46. Уорф Б.Л., Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. 1960. С. 135–168.
 47. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.
 48. Урысон Е.В. Семантика величины // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 713–760.
 49. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ, 2008. 828 с.
 50. Хрущев Н. Воспоминания [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%EB%20%EA%EB%FB%EA%E8&docid=48101 (дата обращения: 22.03.2016).
 51. Шишкин М. Всех ожидает одна ночь [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EB%EE%EC%E0%F2%FC%20%EF%E5%F0%E5%E4%ED%E8%E9%20%E7%F3%E1&docid=21164 (дата обращения: 22.03.2016).

52. Ammer, C. *The American Heritage Dictionary of Idioms*. New York, Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2003. 480 p.
53. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (дата обращения: 22.03.2016).
54. Bosman D.B., Merwe I.W. van der, Hiemstra L.W. *Tweetalige Woordeboek // Bilingual Dictionary: English–Afrikaans*. Kaapstad: Tafelberg, 1988. 1351 p.
55. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. URL: <http://corpus2.byu.edu/coca> (дата обращения: 22.03.2016).
56. Čermák F. Somatic idioms revisited // *EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt*, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1998, pp. 109–119.
57. Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. 928 p.
58. Korpus savremenog srpskog jezika – Matematički fakultet [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html> (дата обращения: 23.03.2016).
59. Lipskiene J. *Lietuvių kalbos somatiniai posakiai: Su galvos dalių pavadinimais*. Vilnius: Mokslas, 1979. 356 p.
60. Moon R. *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach*. Oxford: Clarendon Press, 1998. 352 p.
61. Ó Dónaill N. *Foclóir Gaeilge–Béarla. Baile Átha Cliath: An Gúm*, 2005. 1309 p.
62. Ó Duinnín P. (Dinneen P.S.) *Foclóir Gaedhlighe agus Béarla: an Irish-English dictionary, being a thesaurus of the words, phrases and idioms of the modern Irish language*. Dublin: Educational Company of Ireland, 1927. 1374 p.
63. Ó Máille T.S. *Seanfhocla Chonnacht. Curtha in eagar ag D. uí Bhraonáin. Baile Átha Cliath: Cois Life Teoranta*, 2010. 370 p.
64. Potter D. Hide and seek [Электронный ресурс] // British National Corpus: [сайт]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/x4.asp?t=456&ID=7830524> (дата обращения: 22.03.2016).
65. Pulvermüller F. Brain mechanisms linking language and action // *Nature Reviews Neuroscience*. 2005, no 6 (7), p. 576–582.
66. Riznica – Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje [Электронный ресурс]. URL: <http://riznica.ihjj.hr> (дата обращения: 23.03.2016).
67. Robinson, D. *The Translator's Turn*. New York: JHU Press, 1991. 336 p.
68. Vukajlija – Vukajlija. Rečnik slenga. URL: <http://vukajlija.com/susiti-zube/493380> (дата обращения: 23.03.2016).

REFERENCES

1. Agranovskii V. Vtoraya drevneishaya. Besedy o zhurnalistike: [Elektronnyi resurs] [The second oldest. Conversations about journalism [E-source]] // *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]*. [National corpus of the Russian language [website]]. URL: [http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&](http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20F2%F0%E8%E4%F6%E0%F2%FC%20%F2%F0%E8%20E7%F3%E1%E0&docid=47669)
2. Azol'skii A. Lopushok [Elektronnyi resurs] [Lopushok [E-source]] // *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]*. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&>

- sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EA%F0%F3%EF%ED%FB%E5%20%F5%E8%F9%ED%FB%E5&docid=107755 (request date 22.03.2016).
3. Akimov A. Plata za strakh [Elektronnyi resurs] [The wages of fear [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EF%EE%EA%E0%E7%E0%F2%FC&docid=47139 (request date 22.03.2016).
 4. Amosov N. Golosa vremen [Elektronnyi resurs] [The voices of time [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%EC%EE%E8%EC%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=47236 (request date 22.03.2016).
 5. Apresyan Yu.D. Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya [Selected works: in 2 vol. Vol. 2. The integrated description of language and systemic lexicography]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 1995. 769 p.
 6. Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii / A.N. Baranov i dr. 2-e izd., ispr. i dop. [Academic dictionary of Russian phraseology]. 2nd ed. Rev. M., LEKSRUS, 2015. 1168 p.
 7. Baranov A.N., Dobrovolskii D.O. Semanticheskie otnosheniya vo frazeologii [Semantic relations in phraseology] // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog», Bekasovo, 25–29 maya 2011 g. [Computational linguistics and intelligent technologies: proceedings of the annual International conference "Dialog", Bekasovo, May 25–29, 2011]. M., RGGU, 2011, pp. 51–59.
 8. Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki: okolo 8000 idiomov sovremennogo russkogo yazyka [Thesaurus of contemporary Russian idiom: about 8,000 idioms of the modern Russian language]. Baranov A.N. and others M., Mir entsiklopedii Avanta+, 2007. 1136 p.
 9. Baru M. Zapiski ponaekhavshego [Elektronnyi resurs] [Notes come in large numbers [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=20172 (request date 22.03.2016).
 10. Veselyi A. Rossiya, krov'yu umytaya [Elektronnyi resurs] [Russia, blood-washed [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&p=2&docid=62747 (request date 22.03.2016).
 11. Gandlevskii S. NRZB [Elektronnyi resurs] [NRZB [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE+%E2%F1%E5+%F1%E2%EE%E8+%F8%E5%F1%F2%FC%E4%E5%F1%FF%F2+%F7%E5%F2%FB%F0%E5+%E7%F3%E1%E0 (request date 22.03.2016).
 12. Gigolashvili M. Chertovo koleso [Elektronnyi resurs] [Ferris wheel [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language:

- [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EB%EE%EC%E0%EB%E8%20%F1%E5%E1%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20394 (request date 22.03.2016).
13. Grekova I. Fazan [Elektronnyi resurs] [Pheasant [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait]. [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%FF%20%F1%E1%EE%EA%F3%20%E7%EE%EB%EE%F2%EE%E9%20%E7%F3%E1&docid=107797 (request date 22.03.2016).
 14. Grigor'eva S.A., Grigor'ev N.V., Kreidlin G.E. Slovar' yazyka russkikh zhestov [Dictionary of Russian gesture language]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2001. 256 p.
 15. Guri I. 2000 idiomaticheskikh vyrazhenii idisha [2000 idiomatic expressions in Yiddish]. Jerusalem, 2002. 408 p.
 16. Deikin A. Svoya igra [Elektronnyi resurs] [Jeopardy [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC%20%E8%20%F2%E0%EB%E0%ED%F2%E0%EC&docid=107604 (request date 22.03.2016).
 17. Dibrova E.I. Variantnost' frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke [The variance of phraseological units in the modern Russian language]. Rostov-on-Don, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1979. 192 p.
 18. Dronov P.S. Uberi ruki, a to protyanesh' nogi: svobodnye slovosochetaniya vs. var'irovanie idiom [Get off your hands, or you'll turn up your toes: free word combination vs. variation of idioms] Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta [Scientific notes of Kazan University]. (in press).
 19. Dudintsev V. Belye odezhdy. Tret'ya chast' [Elektronnyi resurs] [White robes. The Third part [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&p=18&docid=20351&docid=20351 (request date 22.03.2016).
 20. Dyachenko M., Dyachenko S. Privratnik [Elektronnyi resurs] [Gatekeeper [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%F2%E2%EE%E8%EC%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=20354 (request date 22.03.2016).
 21. Evseev B. Evstignei [Elektronnyi resurs] [Evstigney [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=20370 (request date 22.03.2016).
 22. Evtushenko E. Yagodnye mesta [Elektronnyi resurs] [Berry place [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=20370

- ntsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%FF+%E6%E5%EB%F2%FB%E5+%EA%EB%FB%EA%E8 (request date 22.03.2016).
23. Zhenshchina + muzhchina: Brak (forum) [Elektronnyi resurs] [Female + male: Marriage (forum) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%2032%20%E7%F3%E1%E0&docid=22172&docid=22172 (request date 22.03.2016).
 24. Zykova I. V. Kontseptosferakul'turyifrazeologiya: Teoriyai metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya [The concept sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguistic cultural study]. M., LENAND, 2015. 380 p.
 25. Ilichevskii A. Starik. [Elektronnyi resurs] [The old man [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&p=3&docid=20478 (request date 22.03.2016).
 26. Ilichevskii A. Butylka [Elektronnyi resurs] [A bottle [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EE%E1%EB%EE%EC%E0%E5%F8%FC&docid=20458 (request date 22.03.2016).
 27. Kapishnikova Yu. Est' li panki na Marse? [Elektronnyi resurs] [Are there punks on Mars? (2002) [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%EF%FF%F2%FC%E4%E5%F1%FF%F2%20%E4%E2%E0%20%E7%F3%E1%E0&docid=3575 (request date 22.03.2016).
 28. Kovshova M.L. Idioma i zagadka. Zagadochnost' idiom [Idiom and the riddle. Mystery idioms] // Kognitivnye issledovaniya yazyka. XXIII: Lingvisticheskie tekhnologii v gumanitarnykh issledovaniyakh: sb. nauch. tr. / gl. red. N. Boldyrev; otv. red. V. Z. Demyankov; otv. sekr. E.M. Pozdnyakova [Cognitive studies of language. XXIII: Linguistic technology in the Humanities: collection of scientific papers / head ed. N. Boldyrev; resp. ed. V. Z. Demyankov; resp. sekr. E.M. Pozdnyakova]. M., Tambov, RAN; TGU im. G.R. Derzhavina, 2015, pp. 643–651.
 29. Kozerenko A.D., Kreidlin G.E. Frazеologicheskie somatizmy i semioticheskaya kontseptualizatsiya tela [Phraseological somatisms and semiotic conceptualization of the body] // Voprosy yazykoznaniya [Issues of linguistics]. 2011, no. 6, pp. 54–66.
 30. Kreidlin G.E. Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk [Nonverbal semiotics: body language and natural language]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 581 p.
 31. Lakoff J., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem. Metaphors we live by]. M., URSS, 2004. 256 p.
 32. Liverovskii A.A. Zhuravlinaya rodina. Rasskazy okhotnika [Elektronnyi resurs] [Cranes homeland. Stories of a hunter [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: <http://search2.ruscorpora.ru/>

- search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20718&docid=20718 (request date 22.03.2016).
33. Mayakovskii V. Yubileinoe [Elektronnyi resurs] [Jubilee [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&mode=poetic&docid=52613 (request date 22.03.2016).
34. Nekrasov A. Priklyucheniya kapitana Vrungelya [Elektronnyi resurs] [The adventures of captain Vrungel [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&p=1&docid=54527 (request date 22.03.2016).
35. Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovy slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., Az", 1992. 955 p.
36. Osipov S. Strasti po Fome. Kniga tret'ya. Kniga Peremen [Elektronnyi resurs] [The passions of Thomas. Book three. The Book Of Changes [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%F1%EA%E0%EB%20%EA%F0%F3%EF%ED%FB%F5%20%E7%F3%E1%EE%E2&docid=20909 (request date 22.03.2016).
37. Pelevin V.S.N.U.F.F [Elektronnyi resurs] [S.N.U.F.F [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%FF%20%EE%F1%F2%F0%FB%E5%20%E6%E5%EC%F7%F3%E6%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=20939 (request date 22.03.2016).
38. Postnikov V. Priklyucheniya Karandasha i Samodelkina na «Dryndolete» [Elektronnyi resurs] [The adventures of Karandash and Samodelkin on "Jindalee" [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EE%E1%EB%EE%EC%E0%E5%F2%20%F1%E2%EE%E8%20%EF%F0%E5%EA%F0%E0%F1%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=21015 (request date 22.03.2016).
39. Pristavkin A. Kukushata ili zhalobnaya pesn' dlya uspokoeniya serdtsa [Elektronnyi resurs] [Baby cockoos or plaintive song to soothe the heart [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E7%F3%E1%FB%20%EF%EE%EA%E0%E6%E5%F2&docid=21054 (request date 22.03.2016).
40. Rozov V. Udivlenie pered zhizn'yu [Elektronnyi resurs] [Surprise at life [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language:

- [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&xp=0&docid=48035 (request date 22.03.2016).
41. Russkii reporter [Elektronnyi resurs] [Russian reporter [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E5%20%EF%EE%20%E7%F3%E1%E0%EC&docid=50081 (request date 22.03.2016).
 42. Slipenchuk V. Zinziver [Elektronnyi resurs] [Zinziver [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%ED%E8%20%E2%20%E7%F3%E1%20%ED%EE%E3%EE%E9&docid=47637 (request date 22.03.2016).
 43. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya: Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian phraseology: Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. M., Yazyki russkoi kul'tury, 1996. 288 p.
 44. Trofimkina O.I. Serbokhorvatsko-russkii frazeologicheskii slovar' [Serbo-Croatian-Russian phraseological dictionary]. M., Vostok-Zapad, 2005. 232 p.
 45. Turkul A.I., Lukash I.S. Drozdovtsy v ogne [Elektronnyi resurs] [Drozdovtsy on fire [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E2%EE%20%E2%F1%E5%20%F1%E2%EE%E8%20%E1%E5%EB%FB%E5%20%F0%EE%E2%ED%FB%E5%20%E7%F3%E1%FB&docid=106413 (request date 22.03.2016).
 46. Uorf B.L. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The connection of the norms of behavior and thinking with language] // Novoe v lingvistike, v. 1 [New in linguistics, V. 1]. M., 1960, pp. 135–168.
 47. Uryson E.V. Problemy issledovaniya yazykovoi kartiny mira. Analogiya v semantike [Problems of research of the language picture of the world. Analogy in semantics]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003. 224 p.
 48. Uryson E.V. Semantika velichiny [The semantics of the magnitude] // Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systematic lexicography]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2006, pp. 713–760.
 49. Fedorov A.I. Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of Russian literary language]. M., Astrel', AST, 2008. 828 p.
 50. Khrushchev N. Vospominaniya [Elektronnyi resurs] [Memoirs [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EF%EE%EA%E0%E7%FB%E2%E0%EB%20%EA%EB%FB%EA%E8&docid=48101 (request date 22.03.2016).
 51. Shishkin M. Vsekh ozhidaet odna noch' [Elektronnyi resurs] [One night awaits all [E-source]] // Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: [sait] [National corpus of the Russian language: [website]]. URL: <http://search2.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&myco>

- rp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%EБ%EE%EC%E0%F2%FC%20%EF%E5%F0%E5%E4%ED%E8%E9%20%E7%F3%E1&docid=21164 (request date 22.03.2016).
52. Ammer, C. The American Heritage Dictionary. Houghton Mifflin Harcourt Publishing Company, 2003. 480 p.
 53. British National Corpus [E-source]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc> (request date 22.03.2016).
 54. Bosman D.B., Merwe I.W. van der, Hiemstra L.W. Tweekalige Woordeboek / Bilingual Dictionary: English–Afrikaans. Kaapstad: Tafelberg, 1988. 1351 p.
 55. Corpus of Contemporary American English [E-source]. URL: <http://corpus2.byu.edu/coca> (request date 22.03.2016).
 56. Čermák F. Somatic idioms revisited // EUROPHRAS 95 Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt, Hrsg. W. Eismann. Bochum: Universitätsverlag Dr. N. Brockmeyer (Studien zur Phraseologie und Parömiologie 15), 1998, pp. 109–119.
 57. Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11). Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008. 928 c.
 58. Korpus savremenog srpskog jezika – Matematički fakultet [E-source]. URL: <http://www.korpus.matf.bg.ac.rs/prezentacija/korpus.html> (request date 23.03.2016).
 59. Lipskiene J. Lietuvių kalbos somatiniai posakiai: Su galvos dalių pavadinimais. Vilnius: Mokslas, 1979. 356 p.
 60. Moon R. Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach. Oxford: Clarendon Press, 1998. 352 p.
 61. Ó Dónaill N. Foclóir Gaeilge–Béarla. Baile Átha Cliath: An Gúm, 2005. 1309 p.
 62. Ó Duinnín P. (Dinneen P.S.) Foclóir Gaedhlighe agus Béarla: an Irish-English dictionary, being a thesaurus of the words, phrases and idioms of the modern Irish language. Dublin, Educational Company of Ireland, 1927. 1374 p.
 63. Ó Máille T.S. Seanfhocla Chonnacht. Curtha in eagar ag D. uí Bhraonáin. Baile Átha Cliath, Cois Life Teoranta, 2010. 370 p.
 64. Potter D. Hide and seek [E-source] // British National Corpus: [website]. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/x4.asp?t=456&ID=7830524> (request date 22.03.2016).
 65. Pulvermüller F. Brain mechanisms linking language and action // Nature Reviews Neuroscience, 2005, 6 (7), pp. 576–582.
 66. Riznica – Hrvatska jezična riznica. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje // <http://riznica.ihj.hr> (request date 23.03.2016).
 67. Robinson D. The Translator's Turn. New York, JHU Press, 1991. 336 p.
 68. Vukajlija – Vukajlija. Rečnik slenga [E-source]. URL: <http://vukajlija.com/susiti-zube/493380> (request date 23.03.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дронов Павел Сергеевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова Института языкознания Российской академии наук;
e-mail: nord.dronov@gmail.com

Полян Александра Леонидовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ);
e-mail: alexandra.polyan@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavel Dronov – candidate of philological sciences, research fellow at the Yuri Stepanov Public Research Centre for Theory and Practice of Communication, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: nord.dronov@gmail.com

Alexandra Polyan – candidate of philological sciences, senior research fellow at the Department of Jewish Studies, the Institute of Asian and African Studies, Moscow State University n.a. M.V. Lomonosov;
e-mail: alexandra.polyan@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Дронов П.С., Полян А.Л. Фразеология сквозь зубы: метафоры когниции, эмоций и речевой деятельности, варьирование у идиом с компонентом *зуб / зубы* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 76–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-76-98

CORRECT REFERENCE

P. Dronov, A. Polyan. Phraseology through one's teeth: cognition, emotion, and speech metaphors in idioms with the constituent *tooth / teeth* (including idiom modifications) // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 76–98. DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-76-98

УДК 811.111'35'003.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-99-107

ПРИЁМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ГРАФИЧЕСКОГО КОДИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: СВОЙСТВА И ФУНКЦИИ

Климик В.А.

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, ул. Остоженка 38, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена техникам альтернативного графического кодирования текста детской англоязычной прозы. Уход от канонов традиционной орфографии в печатном художественном тексте может считаться выразительным многофункциональным авторским средством, позволяющим расширить и уточнить смыслы, создать образность, описать событие в динамике. Языковые единицы, отличающиеся от кода остального текста, иллюстрируют феномен обусловленности графической формы её содержанием. Такие единицы рассматриваются как знаки, обладающие свойством иконической мотивированности, которое обеспечивает их возможность донести адресату (читателю) сложные смыслы в наглядной и лаконичной форме.

Ключевые слова: орфография, кодирование текста, графическая форма, иконичность знака, иконическая мотивированность, детская литература.

TECHNIQUES OF ALTERNATIVE GRAPHIC CODING IN ENGLISH FICTION: FEATURES AND FUNCTIONS

V. Klimik

*Moscow State Linguistic University
119034, Moscow, Ostozhenka str., 38, Russian Federation*

Abstract. The article is concerned with techniques of alternative graphic coding in English prose texts for children. Deviation from canonical orthography in printed text (fiction) can be regarded as an expressive multifunctional graphic device capable of expanding or specifying the meaning, building imagery or stressing dynamism of the situation described. Language units differing from the mainstream code illustrate the way graphic forms become conditioned by their semantic content. Such language units are regarded as iconically motivated signs, the quality of iconicity here allowing them to convey complex ideas in visualized and laconic form.

Key words: spelling, orthography, text coding, graphic form, iconicity, iconic motivation, literature for children.

Альтернативная орфография как один из способов упаковки смыслов в англоязычном художественном тексте пока не получила всестороннего изучения. Ввиду отсутствия устоявшегося терминологического аппарата в данной проблематике мы предлагаем, в целях нашего исследования, следующие термины:

традиционное кодирование текста – соответствие орфографии слова в художественном произведении его системному (словарному) правописанию [5, с. 372], представление графемного ряда печатного текста согласно прочно укоренившимся в орфографии правилам;

альтернативное кодирование текста – представление графемного ряда с отклонениями от базовых правил традиционного письменно-печатного оформления текста;

орфографические приёмы (техники) – способы печатного набора языковых единиц (далее – ЯЕ), основанные на предложенном автором текста отклонении от правил традиционного кодирования текста.

Современные авторы достаточно широко используют приёмы, позволяющие создать образность на уровне шрифта печатного текста, а в отдельных произведениях современной прозы подобные техники становятся важной *текстообразующей стратегией*, часто концептуально связывающей эпизоды, иногда главы и части произведения. Такими приёмами наполнены и тексты детской англоязычной литературы.

В настоящей статье нами был проанализирован текст повести *How to Be a Pirate* английской детской писательницы Крессиды Коуэлл [7]. Перу автора

принадлежат более 20 произведений для детей, одно из которых в 2006 г. было удостоено золотой награды *Nestlé Children's Book Prize* в номинации «для читателей от 0 до 5 лет» [6].

В исследованном материале (222 стр.) количество использованных орфографических приёмов в книге составляет не менее 350, т. е. примерно 1.58 приёма на страницу. Полагаем, что приведённая здесь частотность позволяет рассматривать приёмы альтернативного кодирования как значимый фактор текстовой организации.

Детская книга традиционно считается проводником ребёнка в мир словесности родного языка, а также фундаментом письменной грамотности языковой личности (далее – ЯЛ). В связи с этим повышенное количество приёмов нетрадиционной орфографии в книге не только удивляет, но и заставляет задуматься о том, какое влияние может оказать чтение подобных текстов на развитие ЯЛ юного читателя. Первостепенной задачей на этом пути мы считаем выявление функционального назначения орфографических техник, чему и посвящаем эту статью.

В наших предшествующих работах [2; 3] мы предлагали предварительную классификацию орфографических приёмов альтернативного кодирования текста англоязычной детской литературы. Ниже эта типология приводится в уточненном и дополненном виде (все примеры взяты из текста повести *How to Be a Pirate*).

1. Сплошные заглавные буквы

“‘DON’T DO IT!’ shouted Niccup desperately ...” [7, p. 31]. (Прим. – здесь и далее изучаемые формы ЯЕ подчеркнуты нами – В.К.)

2. Многократное повторение букв

“‘Hmmmm?’ replied Stoick absent-mindedly” [7, p. 92].

3. Парцелляция слова

“‘USE-LESS, USE-LESS, USE-LESS,’ chanted the boys” [7, p. 27].

4. Игнорирование границ слов

“Ten of the boys stuck their hands up with cries of ‘Oooostrmesirpleasechoosesir’ ...” [7, p. 18].

5. Курсив¹

“Now Dogsbreath was really *really* mad” [7, p. 29].

6. Полуужирный шрифт

“‘***T**m big...*’ the Creature pointed out” [7, p. 199].

7. Комбинация форм

“‘R-R-R-U-U-U-U-U-U-U-U-U-U-N!’ shouted Hiccup. At exactly the same moment Fireworm shrieked, ‘D-E-S-E-R-R-R-R-R-R-R-R-T!’ ‘AAAAAAAAAAAAAAAAAAAAARGH!’ screeched Gobber the Belch” [7, p. 123].

Анализ материала позволяет считать, что наиболее значимыми характеристиками орфографических приёмов альтернативного кодирования явля-

¹ Строго говоря, следующие два приёма нельзя отнести к собственно «орфографическим», так как к понятию «правописание» они не имеют отношения. Курсив и полуужирный шрифт – типографские средства выделения языковых единиц. Тем не менее, считаем нужным включить эти два приёма в приводимый перечень на том основании, что проведенный нами анализ позволил выявить их потенциал к контекстуальному расширению смыслового поля языковых единиц. Важно отметить, что в данном исследовании речь идёт не о выделении курсивом и полуужирным шрифтом заголовков и подзаголовков текста, то есть о способе четко отделить тело текста от заглавия и сделать тем самым заглавие как можно более броским. Нам интересуют курсив и полуужирный шрифт как приёмы, способные *расширять* и *уточнять* *смыслы*.

ются *наглядность* и *лаконичность*.

Наглядность обеспечивается *иконичностью* выражаемых знаком смыслов (в семиотическом аспекте альтернативные орфографические записи языковых единиц представляют собой *знаки*). Ориентируясь на знаменитую семиотическую триаду Ч. Пирса [4], мы основываем наш анализ на трёх понятиях: под «знаком» мы понимаем форму языковой единицы (кодируемой альтернативным орфографическим способом), под «объектом» – объект художественного пространства, на который ссылается знак, под «интерпретантой» – закодированный в знаке смысл, знание.

Анализ многочисленных примеров позволяет говорить об *иконической мотивированности* исследуемых знаков (согласно Дж. Хайману [8], иконическая мотивированность является разновидностью иконичности и имеет место в случае, когда отношения между частями знаков отражают отношения между частями референтов):

“At one point they passed a GIGANTIC footprint in the mud. Hiccup knelt down to examine it” [7, p. 107].

“‘I’m POISONOUS. Very, very POISONOUS!’” [7, p. 197].

Сплошной ряд заглавных букв: “GIGANTIC / POISONOUS” может использоваться для описания отличающихся особой величиной или особой значимостью объектов (т. е. в определённой степени форма отражает содержание знака). Этот тот случай, когда свойство иконической мотивированности знака реализуется по принципу количества [8] – большее содержание требует большей формы, на что форма реагирует добавлением соответствующего маркера – размера (сплошного

ряда заглавных букв среди строчных, как это происходит в нейтральном, немаркированном контексте).

Мультиплицирование буквы (и, дополнительно, «растянутая» форма ЯЕ) может отражать особенно длительный в восприятии персонажа отрезок времени: “It was already too late. There was a mighty C-R-E-E-E-E-E-E-E-E-A-A-A-K!!!!!! from above and the burning mast crashed into the sea” [7, p. 162]. Растянутая форма “C-R-E-E-E-E-E-E-E-E-E-E-A-A-A-K!!!!!!” иллюстрирует *продолжительный* страшный хруст и скрипение падающей мачты корабля.

По всей видимости, когнитивный механизм, на основе которого функционируют приёмы альтернативной орфографии, заключается в **метафорическом переносе формы ЯЕ** на её *содержание*. Метафорическая проекция содержания на форму прослеживается в той или иной степени практически во всех ЯЕ, закодированных посредством альтернативных орфографических техник: “For while Hooligans do indeed laugh in the face of Death and spit in the eye of the Great Typhoon, they have a morbid fear of the SUPERNATURAL” [7, p. 54]. Представление слова “SUPERNATURAL” исключительно заглавными буквами позволяет подчеркнуть величайшую степень мощи и могущества сверхъестественных сил и в то же время невозможность их познания человеком.

Другая характеристика, *лаконичность* (под которой здесь подразумевается передача объёмных смыслов в компактной форме), обеспечивается *принципом языковой экономии*. Делая выбор в пользу средств альтернативного кодирования, автор получает возможность избежать громоздких

описательных конструкций (обилие которых, вероятно, сделает текст слишком трудным или скучным для юного читателя).

О.К. Ирисханова указывает, что иконическая мотивированность может отражать *концептуальную сложность* референта через *усложнение формы знака* [1, с. 230]. Применяя это рассуждение к анализируемому материалу, мы полагаем, что ЯЕ, реализованные орфографическими способами альтернативного кодирования (рассматриваемые в семиотическом аспекте как знаки), сигнализируют посредством формы о *сложном* содержании референта. В результате *знание* (интерпретанта, т. е. содержащийся в знаке смысл), выводимое читателем из таких ЯЕ, также отражает их сложную концептуальную сущность. Иными словами, эти ЯЕ становятся «поставщиками» сложного знания, что позволяет считать их своеобразными контейнерами для передачи смыслов – компактными, но ёмкими [2, с. 47; 3, с. 98].

Исследование функциональности альтернативных орфографических техник предполагает исследование семантики и познавательного потенциала закодированных с их помощью ЯЕ. Анализ текстов англоязычной детской прозы позволил установить некоторые функции альтернативных орфографических приёмов. Ниже приведём эти функции (в порядке уменьшения их частотности) и предложим наш комментарий.

1. Акцентирование смысла

1.1. “... I’m never going to be anybody’s Heir. I’m HOPELESS at it” [7, p. 70].

Языковая форма “HOPELESS” несёт дополнительный смысл к нейтрально-

му (т. е. набранному в обычном, традиционном, регистре) *'hopeless'*. Реализованная как сплошной ряд заглавных букв, эта форма напоминает решётку, непроходимую колючую изгородь, и позволяет подчеркнуть *степень признака*. Избегая дополнительных, поясняющих слов, таких как, к примеру, *'absolutely'*, *'completely'* и т. п., автор тем не менее выразительно передаёт дополнительный смысл ЯЕ – а именно, отсутствие какого-либо шанса получения наследства когда-либо и от кого-либо.

1.2. “Thor was SERIOUSLY annoyed” [7, p. 11].

На первый взгляд, как и в предыдущем примере, закодированное заглавными буквами слово “SERIOUSLY” передаёт *степень признака*. Однако наличие альтернативно закодированного на письме слова уточняет и расширяет смысл всего предложения в следующем ключе: читатель видит не просто авторский комментарий к состоянию персонажа “Thor was seriously annoyed”, но обогащённое дополнительным смыслом “Thor was SERIOUSLY annoyed”, не только передающее степень признака, но и транслирующее читателю довольно мощный стимул к *инференции* и прогнозированию развития событий в дальнейшем: “SERIOUSLY annoyed?” – задумается ребёнок. «Почему? К каким последствиям это может привести?» – так нам видится инференционная цепочка, нить рассуждения (скорее всего, неосознанная) ребёнка при восприятии и осмысливании предложения. Пусковым механизмом инференции служит «кричащая» форма слова *“seriously”*, наглядно передающая задуманный автором образ (большие буквы отражают большую

степень признака), и в результате пока ещё малоопытный читатель получает *помощь в расшифровке* закодированного смысла.

2. Характеристика особенностей произношения персонажа

Альтернативные орфографические приёмы могут использоваться для достоверной и убедительной передачи образа персонажа, имеющего дефекты речи (заикание, а также шепелявость из-за отсутствия зубов):

2.1. “These Vikings c-c-crazy. Toothless g-g-got salt in his wings, Toothless sitting in a big cold puddle. Toothless h-h-hungry... F-F-FEED ME” [7, p. 15]. Имитация заикания достигается путем многократного повтора начальных согласных звуков в словах “c-c-crazy” / “g-g-got” / “h-h-hungry” / “F-F-FEED”, т. е. *форма ЯЕ* несёт звукоподражательную функцию. Тем самым, возникает эффект «присутствия» при разговоре – будто читатель *слышит* речь беззубого бедолаги по прозвищу Toothless.

В другом примере встречаем имитацию речи-шипения неведомого сказочного существа:

2.2. “Poissonessssss?” hissed the Creature. ‘It ssspeakss and iss poissonoussss, is it? I’M poissonso-nousssssss. Ssssssee?’ [7, p. 197].

Звуковая «наглядность» достигается путем «растягивания» слова на письме – многократного повтора букв, кодирующих сибиллянты. Как и в предыдущем примере, благодаря этому приёму создаётся яркий и убедительный аудиообраз персонажа. Кроме того, мультиплицирование шипящих позволяет расширить семантику высказывания персонажа: обилие сибиллянтов привносит дополнительный смысл «внушение ужаса, страха» (порождение

первобытной боязни человека перед ядовитыми пресмыкающимися).

3. Акцентирование эмоционального состояния: громкость звучащей речи

Приёмы альтернативного кодирования способствуют повышению таких характеристик художественного текста, как эмотивность и экспрессивность. Рассмотрим, каким образом приёмы приносят в текст эмоции.

3.1. "Suffering scallops!" shouted Hiccup, "The Skullions!!! SHUT THE BOX!" and he launched himself at the box lid, trying to shut it. "SHUT THE BOX! SHUT THE BOX! SHUT THE BOX!" yelled Hiccup, struggling in Baggybum's arms [7, p. 120–121].

Приём «Сплошные заглавные буквы» ("SHUT THE BOX! SHUT THE BOX! SHUT THE BOX!") в сочетании с четырёхкратным повтором передаёт эмоциональный накал коммуникативной ситуации, выражающийся в крике. Подтверждение этой гипотезы находим в глаголах семантического поля "CRY": "*shouted Hiccup*", "*yelled Hiccup*". Как мы уже упоминали выше, сплошной ряд заглавных букв на письме часто служит для передачи «повышенного тона» высказывания.

4. Акцентирование динамичности описываемой ситуации

Альтернативная орфография позволяет сделать акцент на динамичности описываемой ситуации:

4.1. " 'NOT a good idea, NOT a good idea, NOT A GOOD IDEA,' repeated Hiccup as Stoick slowly c-r-e-a-k-e-d up the coffin lid..." [7, p. 50].

Представить ситуацию в её развитии может динамичный визуальный ряд – что читатель и встречает в форме «с-г-е-а-к-е-d», реализован-

ной посредством орфографического приёма «Парцелляция». Все буквы в слове обособлены дефисами, что фонетически способствует созданию необычного звукового образа: кажется, что слово "c-r-e-a-k-e-d" произносится очень медленно, даже не по слогам, а «по отдельным звукам». Этот образ приносит в семантическую структуру глагола "creaked" контекстно-обусловленный дополнительный смысл «очень медленный и осторожный процесс» (заметим, что присутствие наречия "slowly" не обеспечивает само по себе передачи этого дополнительного смысла). Как видно из данного примера, приёмы альтернативного кодирования потенциально способны расширять, уточнять и, возможно, даже вводить новые смыслы.

Рассмотрим пример, где комбинированный приём «Парцелляция» + «Множественное повторение буквы» ("he-e-e-eave") также подчёркивает динамику процесса:

4.2. "At last he made an extra-strong he-e-e-eave, the barrel tipped over, and rolled at great speed across the deck with Toothless rumbling round and round inside it... and bowled straight into the legs of Alvin the Treacherous <...> who lost his footing and fell over..." [7, p. 154].

Визуальный облик слова *he-e-e-eave* при встрече с ним в тексте мгновенно создаёт яркий и подвижный аудиовизуальный образ: персонаж совершает очень глубокий и медленный вдох. Это образ процесса, который, как кажется героям эпизода и самому читателю, растягивается на целые секунды. Как видно из данного примера, приёмы альтернативного кодирования обладают способностью к транслированию как визуальных, так и звуковых об-

разов – более того, эти образы могут быть подвижными, динамичными, как, например, видеоклип.

5. Визуальное выделение надписей, названий, дат и т. п.

Функция визуального выделения надписей, названий, дат и некоторых других значимых ориентиров в пространстве и времени реализована в исследованном материале посредством приёмов «Сплошные заглавные буквы» и «Курсив».

Рассмотрим фрагмент текста, где надпись на вывеске закодирована сплошными заглавными буквами:

5.1. “It had the words ‘PROPERTY OF GRIMBEARD THE GHASTLY. DO NOT OPEN’ written on it in large golden letters” [7, p. 113].

Ряд заглавных букв “PROPERTY OF GRIMBEARD THE GHASTLY. DO NOT OPEN” иконически воспроизводит признак объекта (“in large golden letters”). Кроме того, увеличенная форма (заглавные буквы) призвана подчеркнуть особое положение собственности и высокий статус её владельца, указание на который содержится в прилагательном “golden”, имеющем коннотацию «престижность». Таким образом, форма (заглавные буквы) мотивирована внешним обликом объекта (надписью на вывеске) и выступает как дополнительное средство усиления образности описания.

В другом примере название корабля “Lucky Thirteen” выделено курсивом, что мгновенно привлекает внимание читателя:

5.2. “And the Grimbeard’s Treasure-Seeking Skullion Landing Party climbed aboard the good ship *Lucky Thirteen* to set sail for the Isle of the Skullions” [7, p. 99].

В дальнейшем название “Lucky Thirteen” появляется несколько раз в

различных эпизодах, набранное неизменно курсивом, и тем самым служит своего рода “signpost”, т. е. указателем, опорой, подсказкой в тексте. Первое появление ЯЕ в тексте повести сопровождается указанием на референта (“the good ship *Lucky Thirteen*”). Таким образом, устанавливается связь между формой ЯЕ (курсив) и её референтом (корабль). Эта связь воспринимается через визуальный облик слов, далее осознаётся и усваивается читателем.

Последующие упоминания судна в тексте уже не содержат «родовую» информацию о референте (*ship*):

5.3. “*Lucky Thirteen* set off slowly from the harbour through an ominous thick fog hanging heavily over the whole of the Inner Isles” [7, p. 99].

5.4. “The only one who had remained on the *Lucky Thirteen* was Toothless” [7, p. 140].

Как видно из примеров, зрительная «опора» (курсив) неизменно апеллирует к референту, даже несмотря на его отсутствие в непосредственно воспринимаемом фрагменте текста. Тем самым приём облегчает и ускоряет процесс чтения.

Обобщим сказанное. Рассмотренные приёмы альтернативной орфографии – интересное с точки зрения теоретического лингвистического анализа и лингводидактики явление. Наиболее существенными свойствами языковых единиц, реализованных средствами альтернативной орфографии, являются их наглядность и лаконичность (при этом читателю передаются объёмные единицы знания). Приёмы альтернативной орфографии служат реализации следующих функций в тексте:

- акцентирование смысла,
- характеристика особенностей

произношения персонажа,

– акцентирование эмоционального состояния,

– акцентирование динамического хода событий,

– визуальное выделение разного рода надписей, названий, дат.

Для читателя функционирование нетрадиционных орфографических приёмов становится источником языкового конфликта (приступая к чтению, ребёнок ожидает, что текст составлен в полном соответствии с канонами правописания) и озадачивающих несоответствий (компактная фор-

ма заключает в себе объёмный смысл).

Как следствие, спровоцированные средствами орфографии языковые конфликты нарушают размеренный процесс чтения и побуждают ребёнка к активной расшифровке смыслов, способствуют повышению внимания и интереса. Поэтому познавательный и экспрессивный потенциал средств альтернативной орфографии является важным фактором повышения читательской мотивации современного ребёнка, растущего в наполненной визуальными образами технологизированной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
2. Климик В.А. Когнитивный диссонанс в литературе: способ интерпретации грамматических явлений // Коммуникации в мультикультурном обществе: материалы I Межд. науч.-практич. конф., Москва, 6–8 декабря 2015 г. М.: НИЯУ МИФИ, 2016. С. 43–48.
3. Климик В.А. Нетрадиционная орфография в художественном тексте как способ передачи знаний // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2016. № 21 (760). С. 91–101.
4. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. 412 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение: учеб. для вузов / под ред. В.А. Виноградова. М.: Аспект Пресс, 1996. 536 с.
6. BookTrust [Электронный ресурс]. URL: <http://www.booktrust.org.uk/prizes/13/2006/> (дата обращения: 17.08.2016).
7. Cowell C. How to Be a Pirate. London: Hodder Children's Books, 2004. 222 с.
8. Haiman J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 296 с.

REFERENCES

1. Iriskhanova O.K. Igrы fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2014. 320 p.
2. Klimik V.A. Kognitivnyi dissonans v literature: sposob interpretatsii grammaticheskikh yavlenii [Cognitive dissonance in literature: the interpretation of grammatical phenomena] Kommunikatsii v mul'tikul'turnom obshchestve: materialy I Mezhd. nauch.-praktich. konf., Moskva, 6–8 dekabrya 2015 g [Communication in a multicultural society: materials of the I International scientific-practical. Conf. Moscow, 6–8 December 2015]. M., NIYAU MIFI, 2016, pp. 43–48.
3. Klimik V.A. Netraditsionnaya orfografiya v khudozhestvennom tekste kak sposob peredachi znaniy [Nontraditional orthography in fiction as a way to impart knowledge] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2016, no. 21 (760), pp. 91–101.

4. Pirs Ch.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya [Selected philosophical works]. M., Logos, 2000. 412 p.
5. Reformatskii A.A. Vvedenie v yazykovedenie: ucheb. dlya vuzov / pod red. V.A. Vinigradova [Introduction to linguistics: a textbook for high schools]. M., Aspekt Press, 1996. 536 p.
6. BookTrust [Electronic resource]. URL: <http://www.booktrust.org.uk/prizes/13/2006/> (request date 17.08.2016).
7. Cowell C. How to Be a Pirate. London: Hodder Children's Books, 2004. 222 p.
8. Haiman J. Natural Syntax: Iconicity and Erosion. Cambridge: CUP, 1985. 296 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Климик Виктория Александровна – аспирант кафедры грамматики и истории английского языка Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: v.klimik@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktoriiia Klimik – postgraduate at the Grammar and History of the English Language Department of Moscow State Linguistic University;
e-mail: v.klimik@bk.ru.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Климик В.А. Приёмы альтернативного графического кодирования в англоязычном художественном тексте: свойства и функции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-99-107

CORRECT REFERENCE

Klimik V. Techniques of alternative graphic coding in english fiction: features and functions // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 99–107.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-99-107

УДК 811.112.2

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-108-116

ПРОЦЕСС НОМИНАЦИИ ВИДОВ ЗИМНЕГО СПОРТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Яфаров Р.Х.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются структурные и содержательные особенности, положенные в основу номинации терминов-названий молодых видов зимнего спорта и их дисциплин в немецком языке. Наименования анализируются с позиций ономазиологии и семасиологии, в результате чего выделяются и описываются характерные словообразовательные и концептуальные модели номинации. Также делается попытка установления кодируемых исследуемыми лексемами традиционных и новых спортивных понятий, формирующих сложную понятийную сферу дискурса зимнего спорта.

Ключевые слова: немецкий язык, зимний спорт, названия видов спорта, механизмы терминологической номинации.

ON THE NOMINATION OF NEW WINTER SPORTS IN THE GERMAN LANGUAGE

R. Yafarov

*M.V. Lomonosov Moscow State University
119991, Moscow, Leninskie Gory, 1, Russian Federation*

Abstract. The article deals with the nomination of new winter sports in the German language. The author proceeds from the key approaches of the modern nomination theory and examines the ways and models of sports naming which are based on derivational as well as conceptual peculiarities of the German sports language. The paper also highlights some new concepts developing nowadays in the domain and presented in the names of winter sports and sporting disciplines.

Key words: winter sports names, the German language, terminological nomination.

Современная теория номинации оперирует тремя основными подходами: семасиологическим, ономазиологическим и когнитивным (или когнитивно-коммуникативным). При этом, как отмечают некоторые исследователи, когнитивное направление в лингвистике – это дальнейшее развитие ономазиологии, следующая ступень в изучении соотношения языка и действительности [5, с. 149–150; 9, с. 53]. Когнитивно ориентированная ономазиология изучает языковые единицы как средство обозначения экстралингвистических явлений и значение как взгляд, направленный от концепта или концептов к соответствующим языковым формам [9, с. 54].

© Яфаров Р.Х., 2017.

Как пишет М.Н. Володина, «термин является собой когнитивно-информационную структуру, в которой аккумулируется выраженное в конкретной языковой форме профессионально-научное знание, накопленное человечеством за весь период его существования» [1, с. 30–31]. Терминологическая номинация, таким образом, понимается как опосредованный мышлением процесс именования специальных понятий из различных областей знания и человеческой деятельности [2, с. 9]. Признаки, положенные в основу терминологического знака, зависят от познавательной способности людей и взаимодействия внешних (напр., истории формирования соответствующего понятия, национальных или социально-исторических условий создания термина) и внутренних (напр., возможности национального языка) языковых факторов [1, с. 83].

Данная статья посвящена исследованию номинации видов зимнего спорта в немецком языке на пересечении перечисленных подходов и ставит задачи выявить принципы образования молодых видов спорта и их названий и определить структурные и семантические особенности образовавшихся языковых знаков.

Прошрое столетие ознаменовано появлением и широким распространением различных видов зимнего спорта, вызвавших всплеск терминологической активности. Выражаемое термином «зимний спорт» (нем. *Wintersport*) понятие за несколько десятилетий также изменилось, ср. *Wintersport*: a) *ist vielmehr der Sport, den man nur im Winter ausüben kann in winterlicher Landschaft und winterlicher Witterung: der Sport in Eis und Schnee* [13,

S. 590]; b) *Sammelbezeichnung für vorwiegend in der Wintersaison ausgeübte Sportarten* [12, S. 583]. Иначе говоря, научно-технический прогресс позволил зимнему спорту существовать не только в зимнее время (достаточно вспомнить крытые ледовые арены и горнолыжные парки, функционирующие круглый год). Неизменным, однако, осталось понимание зимнего спорта как деятельности, имеющей место исключительно на типичных «зимних» поверхностях: на снегу и льду.

Мы остановили внимание на немецкоязычных наименованиях молодых видов зимнего спорта и их дисциплин. Под молодыми видами спорта понимаются те, что возникли после 60–70-х гг. XX в. Выбор этого временного отрезка обусловлен, с одной стороны, произошедшей в этот период «революцией» в горнолыжном спорте благодаря изобретению прототипов современного сноуборда и карвинговых лыж, с другой стороны, кардинальным поворотом спортивной индустрии в направлении развития экстремального и досугового спорта.

После предварительного изучения истории зимнего спорта были отобраны около 100 лексических единиц, обозначающих виды спорта и наименования их дисциплин. Отбор проводился из терминофиксирующих (в общих и спортивных словарях) и терминопользующих (в новостных интернет-сайтах, сайтах о спорте¹, справочниках) текстов немецкоязычного

¹ Отметим, что отнесение текстов сайтов, посвящённых спорту, к терминопользующим относительно: некоторые интернет порталы также выполняют функцию словаря (в частности, глоссария).

спортивного дискурса¹ на основе критериев номинативности (обозначение некоторой спортивной деятельности) и соотнесённости с понятием области спорта, частотности и воспроизводимости. При этом термины-названия видов спорта распределились примерно поровну, а большинство незафиксированных в словарях наименований называют виды спорта, появившиеся в последние десятилетия (*Airboarding*, *Snowscooting* и др.) и даже годы (*Droneboarding*). Это объясняется как отставанием лексикографической деятельности от реального положения вещей, так и тем, что данные лексемы проходят этап ассимиляции и имеют статус терминоидов. Зафиксированные в общих словарях обозначения как видов спорта, так и их дисциплин, в свою очередь, могут считаться консубстанциональными, чему во многом способствует неотделимость спорта от сферы досуга и культуры.

В результате исследования были выявлены следующие особенности номинации. Доминирующими способами словообразования в категории «названия спорта» являются:

а) семантический в виде межъязыкового заимствования (с последующей грамматической, фонетической и реже морфологической ассимиляцией): *Airboarding*, *Freestyle-Skiing*, *Heliskiing*, *Ice Cross Downhill*, *Ringette*, *Shorttrack*, *Skwal*, *Snowblading*, *Snowboarding*, *Snowkiting*, *Snowsailing*, *Snowskating*, *Snowscooting*, *Speedskiing*, *Snowtubing*; часть лексем подвергается калькированию и

относится к так называемым смешанным заимствованиям: *Eisgolf*, *Schnee-Tennis*.

б) морфологический: словосложение (*Firngleiten*, *Skifox*, *Synchroneiskunslauf*, *Zipflbob*) и конверсия (*Eistanzen*, *Snowboarden*).

Расширение культурно-языковых контактов и интернационализация общественно-социальной жизни приводят к интернационализации лексического состава немецкого языка [4], включая его функциональные разновидности. Анализ показал, что около 70% названий видов спорта и дисциплин являются интернациональными. Некоторые интернационализмы выступают терминоэлементами греко-латинского (*mini-*, *mono-*, *synchro-*), норвежского (*-ski-*) и английского происхождения (*Board*, *free-*, *-pipe*).

Заимствованные англоязычные наименования, представляющие в языке-источнике словосочетания, преобразуются в немецком языке в композиты и, как правило, пишутся слитно, но часто проявляют вариативность написания: *Freestyle-Skiing* / *Freestyle Skiing*, *Shorttrack* / *Short Track*. Иноязычные заимствования последних десятилетий тяготеют к большему структурному варьированию.

Некоторые заимствованные термины-названия становятся в немецком языке словами среднего рода, что объясняется в том числе и морфологическими факторами: средний род у англоамериканизмов на *-ing*, которые обозначают действие и образованы от глаголов, возникает по аналогии с немецкими субстантивированными инфинитивами [8, с. 49]: *snowboarding* – *Snowboarding* / *Snowboarden*, *snowscooting* – *Snowscooting* / *Snowscoo-*

¹ В силу тесной связи спорта и повседневной жизни, спортивного дискурса и дискурса СМИ выделение терминопорождающих текстов крайне затруднено, поэтому мы сознательно исключили эту категорию из анализа.

ten. Модель заимствования существительных на *-ing* стала привычной и типизированной.

В номинации немаловажен такой фактор, как страна происхождения вида спорта. Однако анализ показал, что современные зимние виды спорта не «возникают», а «придумываются». Отсюда для названий новых видов спорта ключевую роль играет не столько язык страны происхождения, но авторская и маркетинговая номинация. Молодой вид спорта *рингетт* (нем. *Ringette*, от англ. *ringette*) – женский хоккей – имеет канадское происхождение и был придуман С. Джексом [10]. Симбиоз монолыжи и сноуборда – *Сквал* (*сквал / сквол*) – был изобретён и назван одним и тем же человеком, использовавшим для номинации элементы двух слов: *Ski* (норв. «лыжа») и *la quale* (фр. «акула») [15]. Несмотря на то, что у прототипа доски для катания по снежному склону было название *снёрфер* (англ. *snurfer* от *snow* и *surf*), сегодня этот предмет известен как *сноуборд* во многом благодаря одной из первых и успешных компаний-производительниц «Burton Snowboards» [6]. Английский язык по-прежнему является важным в процессе номинации, но из источника он превращается в средство, что в целом имеет прагматическую направленность, так как англоязычное название одновременно достигает несколько целей: обладает международной узнаваемостью и нередко нейтральной или положительной коннотацией в другом языке, а также привлекательностью для молодых и/или прогрессивно мыслящих людей. В результате этого становятся популярными псевдоанглицизмы – названия новых средств катания, на

основе которых затем развивается новый вид спорта: напр., придуманные в альпийском регионе *Flizz* [11] и *Skifox* [14], напоминающие внешне монолыжу с сидением.

Незаимствованные названия в основном именуют те виды спорта, которые возникли в немецкоговорящем альпийском регионе (напр., *Firngleiten*, *Zipflbob*, *Skifox*), либо те, что, по сути, являются «модификацией» традиционных видов спорта (*Synchroneiskunstlauf*, *Eistanzen*), поэтому для их создания чаще используют автохтонные элементы.

В основе появления новых видов зимнего спорта возможно выделение нескольких принципов, а в их названиях, соответственно, нескольких типов вербализуемой информации:

1. Принцип «традиционная зимняя поверхность + новый инвентарь». «Старой» именуется привычная ледовая или снежная поверхность, на которой происходят катание, соревнования и другие виды спортивной деятельности (как правило, такими означающими являются компоненты *Schnee- / Snow*, *Eis- / Ice-*). Новый спортивный инвентарь выражен терминами и терминологическими элементами, называемыми: а) инвентарь из другого вида спорта (напр., *Snowrafting*, *Snowboating*, *Eisgolf*); б) принципиально новый инвентарь (*Airboarding*, *Ringette*); в) модификации привычного «зимнего» инвентаря (*Firngleiten*, *Monoski*, *Snowblading*, *Skibockerl*, *Skifox / Flizz*, *Skwal*, *Zipflbob*); г) симбиоз зимнего и не-зимнего инвентаря (*Snowboarden*, *Skibob / Skibike / Snowbike / Schneevolo / Snow-Cycle*, *Snowkiting*).

В процессе исследования выявлена следующая тенденция: назва-

ние поверхности катания, которая остается прежней, выражается либо в виде компонента сложного слова *Snow- / Schnee-*, либо в его отсутствии; «новое» же выражено по-новому. В то же время этот компонент имеет важную референтную функцию: он относит обозначаемый вид деятельности к зимнему спорту.

2. Принцип «зимний вид спорта + новые способы катания»: подобные дисциплины имеются в горнолыжном и ледовом спорте и представляют собой модификации привычных дисциплин за счет изменения некоторых правил соревнований, способов и мест катания. Приведём примеры таких наименований: в горнолыжном спорте – *Speedskiing, Heliskiing, Super-G, Freestyle-Skiing, Freeride*; в ледовом спорте – *Synchroneiskunstlauf, Shorttrack*.

3. Принцип «инвентарь из одного вида спорта + новая поверхность и правила»: *Ice Cross Downhill – скоростной спуск на коньках*, происходящий между несколькими спортсменами в экипировке, взятой из хоккея, на поверхности в виде искривлённой ледовой трассы.

Как показал анализ, большинство названий видов спорта и дисциплин являются полностью мотивированными («правильно ориентирующими») лексическими единицами и представляют высокую «когнитивную ценность» [3, с. 82]. Среди когнитивных механизмов номинации в группе «названия видов спорта» преобладает структурная аналогия (ок. 60%, напр., *Speedskiing, Heliskiing*), менее распространены детализация (ок. 10%, напр., *Synchroneiskunstlauf*) и метафоризация (менее 5%, напр., *Skifox*). Однако «ясность» внутренней формы относи-

тельна, так как мотивировка не всегда выражает все существенные признаки обозначаемого и может быть непонятна непосвящённым (ср. *Snowtubing* – катание на большой надувной шине (от англ. *tube* – «камера шины») со снежного склона или катание в снежной трубе (от англ. *tube* – «труба»)?).

Название вида спорта в немецком языке обладает высокой деривационной продуктивностью и часто служит компонентом мотивированного термина, так как может быть производящей основой для наименований соответствующих действий и субъектов или выступать в роли компонента сложного слова. Так, при добавлении к слову названия вида спорта потенциально получается неограниченное количество лексических единиц, кодирующих соответствующее понятие или концепт, а сам компонент выполняет интегрирующую функцию [7, с. 22].

Особую ономаσιологическую трудность представляет развитие современного спорта за счёт создания новых средств катания. На деле часто происходит так, что последнее остаётся невыраженным (знак приобретает два значения (вид спорта и средство катания): *Speedski, Monoski*). Бывают и обратные случаи, когда под влиянием английского языка наименование вида спорта в особых (обычно новостных) контекстах совпадает с названием инвентаря: *Snowboard / Snowboarden*. В первом случае речь идёт о многозначности на основе метонимического переноса, во втором – о варьировании формы.

За термином, репрезентирующим вид спорта, стоит огромный набор материальных объектов, явлений, процессов и идей. Были установлены два

понятийно-категориальных уровня, которые нашли отражение в рассмотренных именованных: общеспортивный и отраслевой. К общеспортивному уровню относятся понятия «доступный спорт» (или «спорт для людей с ограниченными возможностями»), «действие и процесс», «скорость», которые выражены семантической терминологией (*para-* (напр., *Para-Curling*), *Speed-*, *rennen-*, *-lauf*, *-fahren*) и окончаниями со значением процессуальности (*-ing*, *-en*). К основным понятиям отраслевого уровня относятся: «специальная поверхность» (*Eis-* / *Ice-*, *Schnee-* / *Snow-*), «средство для катания» (*-ski*, *-board*, *-bob* и др.), «спуск (с горы) и езда» (*-gleiten*, *-gliding*, *-sliding*, *-downhill-*; *-fahren*, *-riden*), «нетрадиционный способ катания» (*Free-*, *Freestyle-*, *Tandem-*).

Важно отметить, что названия видов спорта стремятся к приобретению статуса имени-концепта, кодирующего не только специальную, но и общезыковую и культурную информацию. Так, например, в значении термина «*Snowboarding*», «катание на сноуборде» интегрированы понятия действия и процесса, поверхности и способа катания, инвентаря, а также знание об этом спорте как экстремальном и популярном среди молодёжи, в частности, некоторых молодёжных субкультур.

Что касается названий дисциплин новых видов зимнего спорта, то, будучи автохтонного или иноязычного происхождения, они входят в рассматриваемую терминологию по большей части путем межсистемного заимствования и представляют собой общеотраслевые (напр., *Moguls*, *Halfpipe*, *Big Air* – в сноубординге и лыжном фристайле (а термин *Halfpipe*,

в свою очередь, пришёл в язык зимнего спорта из терминологии скейтбординга); *Parallelslalom*, *Riesenslalom*, *Slalom* – почти во всех видах зимнего спорта, где присутствует спуск с горы) или общеспортивные термины (напр., *Massenstart*, *Verfolgung*, *Sprint*, *Staffel* в арчери-биатлоне (биатлоне с луком)). Данные термины являются омонимами по денотату, которые свидетельствуют, с одной стороны, о родстве видов спорта, с другой стороны, о разработанной соревновательной системе, которая во многом универсальна. Для любого вида спорта, даже несоревновательного, возможно введение определённых форматов состязаний, базовые из которых – соревнования на скорость и на время, а также между двумя или более участниками. С точки зрения выражаемых понятий, эти термины называют состязания, отличающиеся по количеству участников, форме проведения (и правилам), месту проведения. Универсальность многих видов соревнований отражается в механизмах номинации, где доминируют детализация (ок. 40%, напр., *Riesenslalom*, *Parallelslalom*), содержательная (более 30%, *Downhill*, *Slalom* в разных видах спорта) и структурная (почти 30%, *Skicross*, *Boardercross*) аналогия.

Таким образом, новые виды зимнего спорта возникают благодаря модификации традиционных видов или в результате пограничности взаимодействия или смешения известных видов спортивной активности. Названия молодых видов спорта и дисциплин в немецком языке появляются за счёт заимствований либо образуются за счёт привычных словообразовательных моделей естественного языка. В создании

языковых единиц используются компоненты автохтонного и иноязычного происхождения. Наименования видов спорта и дисциплин вербализуют разные признаки: первые – характер покрытия, особенности средства для катания и инвентаря, техники катания, вторые – тип соревнования, способ и поверхность катания. Среди механиз-

мов номинации видов спорта преобладают структурная и содержательная аналогия, а также детализация. Полученные результаты нуждаются в лексикографической фиксации и могут быть использованы на посвящённых теме «Спорт» уроках иностранного языка, а также для предсказания появления новых видов спорта и их названий.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина. М.: МГУ, 2000. 127 с.
2. Володина М.Н. Национальное и интернациональное в процессе терминологической номинации. М: МГУ, 1993. 111 с.
3. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Наука, 2011. 224 с.
4. Едличко А.И. Диахронная семантическая эволюция политических интернациональных слов в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 2. С. 160–166.
5. Жаботинская С.А. Теория номинации: Когнитивный ракурс // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. Вып. 478. С. 145–161.
6. История сноуборда [Электронный ресурс] // ФГССР: [сайт]. URL: http://www.fgssr.ru/board_istoriya.aspx (дата обращения: 14.07.2016).
7. Калугина Ю.Е. К вопросу о словообразовательном потенциале терминоэлемента // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2016. № 4. С. 18–25.
8. Максимова Ю.С. Англоамериканизмы в сфере туризма в современном немецком языке (на материале немецкоязычных туристских сайтов) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2011. № 4 С. 44–51.
9. Манерко Л.А. Лексика в разных типах дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2003. Вып. 478. С. 51–58.
10. Что такое рингетт? [Электронный ресурс] // 28-я Всемирная зимняя Универсиада в г. Алматы: [сайт]. URL: <http://almaty2017.com/ru/chto-takoe-ringett> (дата обращения: 21.07.2016).
11. Bretter, Räder und Kissen – womit man den Berg hinunterkommt [Электронный ресурс] // Der Tagesspiegel: [сайт]. URL: <http://www.tagesspiegel.de/weltspiegel/bretter-raeder-und-kissen-womit-man-den-berg-hinunterkommt/572884.html> (дата обращения: 12.07.2016).
12. Der Sport-Brockhaus: Alles vom Sport von A bis Z. Wiesbaden: Brockhaus. 1989. 656 S.
13. Neuendorff E. Die Deutschen Leibesübungen. Großes Handbuch für Turnen, Spiel und Sport. Berlin, Leipzig, 1927. 687 S.
14. Skifox [Электронный ресурс]. URL: <http://www.skifox.com> (дата обращения: 12.07.2016).
15. Sport-komplett [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sport-komplett.de/sport-komplett/sportarten/s/snowboard/skwal/1.html> (дата обращения: 14.03.2016).

REFERENCES

1. Volodina M.N. Kognitivno-informatsionnaya priroda termina [Cognitive-informational nature of the term]. M., MGU, 2000. 127 p.
2. Volodina M.N. Natsional'noe i internatsional'noe v protsesse terminologicheskoi nominatsii [National and international in the process of terminological nomination]. M., MGU, 1993. 111 p.
3. Golovanova E.I. Vvedenie v kognitivnoe terminovedenie: uchebnoe posobie [Introduction to cognitive terminology: a tutorial]. M., FLINTA, Nauka, 2014.
4. Edlichko A.I. Diakhronnaya semanticheskaya evolyutsiya politicheskikh internatsional'nykh slov v nemetskom yazyke [Diachronic semantic evolution of political and international words in German language] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2008, no. 2, pp. 160–166.
5. Zhabotinskaya S.A. Teoriya nominatsii: Kognitivnyi rakurs [The theory of categories: a Cognitive perspective] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2003, no. 478, pp. 145–161.
6. Istoriya snouborda [Elektronnyi resurs] [The history of snowboarding [E-source]] FGSSR [sait]. [FSSR [website]]. URL: http://www.fgssr.ru/board_istoriya.aspx (request date 14.07.2016).
7. Kalugina Yu.E. K voprosu o slovoobrazovatel'nom potentsiale terminoelementa [On derivational potential of term element] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics]. 2016, no. 4, pp. 18–25.
8. Maksimova Yu.S. Angloamerikanizmy v sfere turizma v sovremennom nemetskom yazyke (na materiale nemetskoyazychnykh turistskikh saitov) [Anglo-Americanisms in the tourism sphere in the modern German language (study of German-language tourist sites)] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of Leningrad State University named a. A.S. Pushkin]. 2011, no. 4, pp. 44–51.
9. Manerko L.A. Leksika v raznykh tipakh diskursa [Vocabulary in different types of discourse] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta [Bulletin of Moscow State Linguistic University]. 2003, no. 478, pp. 51–58.
10. Chto takoe ringett? [Elektronnyi resurs] [What is ringette? [E-source]] // 28-ya Vsemirnaya zimnyaya Universiada v g. Almaty: [sait] [28th world winter Universiade in Almaty: [website]]. URL: <http://almaty2017.com/ru/chto-takoe-ringett> (request date 21.07.2016).
11. Bretter, Räder und Kissen – womit man den Berg hinunterkommt [E-source] // Der Tagesspiegel. 24.12.2004. URL: <http://www.tagesspiegel.de/weltspiegel/bretter-raeder-und-kissen-womit-man-den-berg-hinunterkommt/572884.html> (request date 12.07.2016).
12. Der Sport-Brockhaus: Alles vom Sport von A bis Z, Wiesbaden: Brockhaus. 1989. 656 S.
13. Neuendorff E. Die Deutschen Leibesübungen. Großes Handbuch für Turnen, Spiel und Sport. Berlin, Leipzig, 1927. 687 S.
14. Skifox [E-source]. URL: <http://www.skifox.com> (request date 12.07.2016).
15. Sport-komplett [E-source]. URL: <http://www.sport-komplett.de/sport-komplett/sportarten/s/snowboard/skwal/1.html> (request date 14.03.2016).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яфаров Ринат Хамзиевич – аспирант и преподаватель кафедры немецкого языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного областного университета имени М.В. Ломоносова;
e-mail: rinatyafarov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rinat Kh. Yafarov – post-graduate and instructor at the Department of the German Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Moscow Lomonosov State University;
e-mail: rinatyafarov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Яфаров Р.Х. Процесс номинации видов зимнего спорта в немецком языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 108–116.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-108-116

CORRECT REFERENCE

Yafarov R. On the nomination of new winter sports in the German language // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 108–116.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-108-116

РАЗДЕЛ IV

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-117-124

КВАЗИРЕАЛИИ КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ» В ПОВЕСТИ Ч. ДИККЕНСА «РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ» И ЕЁ ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Тимофеева А.А.

Московский педагогический государственный университет

119571, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, д. 88, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу функционирования и передачи квазиреалий как средств выражения понятия «сверхъестественное» в повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и её переводах на русский язык. В исследовании приводится анализ трёх переводов повести Ч. Диккенса на русский язык – современного перевода Т.А. Озёрской (1959 г.) и двух дореволюционных, баронессы С.А. Врангель (1909 г.) и Н. Пушешникова (1912 г.) – в их сопоставлении с аутентичным текстом, а также семантическая классификация квазиреалий. Кроме того, в статье отмечаются основные принципы передачи квазиреалий, используемые тремя переводчиками.

Ключевые слова: квазиреалия, перевод, семантика, лексическая единица, слово, словосочетание, коннотация.

PSEUDO REALIA AS MEANS OF EXPRESSION OF THE CONCEPT “SUPERNATURAL” IN CH. DICKENS’S “A CRISTMAS CAROL IN PROSE” AND TRANSLATIONS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE

A. Timofeeva

Moscow Pedagogical State University

119571, Moscow, Vernadsky ave., 88, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of functioning and translating of pseudo realia as means of expressing the concept “supernatural” in Ch. Dickens’s novel “A Christmas Carol

© Тимофеева А.А., 2017.

in prose” and its translations into the Russian language. Three translations of Ch. Dickens’s novel into Russian are analyzed: a modern translation by T. Ozerskaya (1959) and two pre-revolutionary versions – by Baroness S. Wrangell (1909) and N. Pusheshnikov (1912). They are compared with the original text; also there is a semantic classification of pseudo realia. In addition, the article presents the main principles of translating pseudo realia into Russian, used by the three translators.

Key words: pseudo realia, a translation, semantics, lexical unit, a word, word combination, a connotation.

Викторианская эпоха по праву считается золотым веком мистики и рассказов о сверхъестественных явлениях. Это время известно постоянно возрастающей популярностью спиритизма и историй о призраках.

Истории о духах и привидениях особенно широко распространились в средствах массовой информации, и, после выхода в свет повести классика мировой литературы Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе» («A Christmas Carol in prose») в 1843 г., вера в призраков и потусторонние силы ещё больше укрепилась в общественном сознании. В периодических изданиях все чаще стали печатать рассказы о паранормальных явлениях и спиритических сеансах, что избавило людей от надобности передавать такие истории из уст в уста [9, с. 318].

По определению Г.Д. Томахина, реалии – это «названия присущих только определённым нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т.п.» [7, с. 15]. Таким образом, исследователь включает в понятие реалии наименования отдельных предметов, понятий, явлений быта, культуры, истории определенного народа или страны.

Лингвистический анализ текстов

мистической тематики выявляет в них также лексические элементы, которые позволяют их авторам представлять в своих произведениях или полностью вымышленный мир, или его черты в мире реальном, создавая уникальную специфику потусторонности, загадочности, необъяснимости описываемых явлений. Такие лексические единицы именуется *квазиреалиями*. Однако реалии могут встречаться не только как отражение действительно существующих явлений [5, с. 178; 4, с. 25]. Они представляют собой часть мира, выдуманного конкретным писателем. Обратимся к термину квазиреалия. Иначе говоря, «квази» – значит «псевдо». Латинская приставка «квази / псевдо» имеет значение «мнимый / ложный» [6; 8]. Но реалии художественной литературы и, в частности, рождественской повести, едва ли можно обозначить как ложные. Описываемые в произведении Ч. Диккенса события происходят в реальном мире, однако, в них на протяжении всего повествования проникают элементы мира сверхъестественного, потустороннего.

Группу лексических элементов, соотносимых с мистической тематикой, можно достаточно четко разбить на ряд следующих подгрупп:

1. Лексические единицы, характеризующие внешние данные сверхъестественного явления (*dismal / nru-*

зрачный; *ghostly* / *призрачный, бесцветный*).

2. Лексические единицы, называющие сверхъестественное явление (*a ghost* / *призрак, привидение; a spirit* / *дух, душа*).

3. Словосочетания, обозначающие реалии «потусторонней» действительности (*a haunted house* – *дом с привидениями*).

В текстах мистической тематики предполагается, что эти *квазиреалии* выполняют три основные функции:

1) обозначают конкретные явления потустороннего мира;

2) формируют общее представление о понятии «сверхъестественное» для реципиента;

3) создают впечатление «загробной» атмосферы, являющейся фоном для развертывания идейно-образного содержания. В настоящем исследовании нами проводится анализ функционирования *квазиреалий* в трёх переводах повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» – Т.А. Озёрской (1959 г.), баронессы С.А. Врангель (1909 г.) и Н. Пущешникова (1912 г.).

Нами было отобрано 6 наиболее ярких примеров из аутентичного текста повести Ч. Диккенса и приведено по три варианта перевода каждого из рассмотренных примеров в сопоставлении с аутентичным вариантом и между собой с целью выявления наиболее адекватной передачи понятия «сверхъестественное» на русский язык.

Обращаясь к аутентичному тексту повести «Рождественская песнь в прозе» Чарльза Диккенса, отметим, что лексические средства выражения понятия «сверхъестественное» можно обнаружить, например, в описании внешности призрака Марли, явив-

шегося Скруджу. При описании лица призрака автором употребляется выражение «...*had a dismal light about it...*» [11, р. 8], («...*излучало призрачный свет...*» [2, с. 6]), («...*распространяло вокруг себя слабый свет...*») [1], («...*окружённое зловещимъ сиянием...*») [3].

Лексическая единица “*dismal* / *призрачный*” подчёркивает для читателя неизведанность явления, возникшего перед Скруджем, его потусторонность, бестелесность, принадлежность к иному миру, находящемуся за гранью понимания разумом человека. При анализе трёх переводов, современного и двух дореволюционных, обнаруживаем разницу в передаче коннотации потусторонности. Если в переводах Т.А. Озёрской и С.А. Врангель встречаем нейтральный оттенок значения, отражённый лексемами “*призрачный / слабый*”, то в переводе Н. Пущешникова подчёркивается скорее отрицательный, пугающий оттенок значения, выраженный лексической единицей «*зловещий*». На наш взгляд, в данном случае допустимы только два варианта перевода – Т.А. Озёрской и С.А. Врангель, так как третий вариант перевода несколько искажает передачу значения.

Далее автором делается отсылка к прежнему облику Марли при жизни: «...*with ghostly spectacles turned up on its ghostly forehead...*» [11, р. 8]. В тексте нарочито подчёркивается, что и при жизни компаньон Скруджа не имел во внешности ярких отличительных черт, что выражается лексическим повтором – два раза в предложении, описывающем внешние данные Марли, употребляется лексема “*ghostly* / *призрачный*”. В переводе Т.А. Озёрской лексический повтор не отражается – «...*сдвинув*

свои *бесцветные очки на бледный, как у мертвеца, лоб...*» [2, с. 6]. На наш взгляд, переводчик старалась избежать тавтологии, подобрав наиболее близкие по значению лексические единицы. В переводе С.А. Врангель атмосфера потусторонности практически полностью нивелируется, т. к. лексема “*ghostly / призрачный, бесцветный*” опущена: «...очки призрака были подняты на его лоб...» [1]. Единственный элемент потустороннего мира, сохраняющийся в переводном тексте – лексическая единица «призрак», однако в интерпретации баронессы речь идёт будто о живом человеке. Та же самая ситуация прослеживается и в переводе Н. Пушешникова: «...даже сь его очками, приподнятыми на лоб...» [3]. «Очки, приподнятые на лоб», в данном случае без указания на «призрачность» субъекта, о котором идёт речь, также выглядят вполне обыденно.

Заметим, что лексема “*ghost / призрак*” является одним из наиболее частотных средств выражения понятия «сверхъестественное» в повести «Рождественская песнь в прозе» Ч. Диккенса. Кроме того, рассуждая о некоторых неточностях перевода текста, следует выделить предложение «*Scrooge then remembered to have heard that ghosts in haunted houses were described as dragging chains*» [11, р. 9]. В переводе наблюдается неточность передаче на русский язык словосочетания “*in haunted houses / в домах с привидениями*”. В переводном тексте Т.А. Озёрской предлагается следующий вариант: «Невольно Скруджу припомнились рассказы о том, что, когда в домах появляются привидения, они обычно влачат за собой цепи» [2, с. 7]. Словосочетание «*a haunted house*» по своей семантике под-

разумеает, что дом уже изначально населён привидениями, в то время как в переводе добавляется лексическая единица «*появляются*», указывающая на то, что призраки могут в таких домах возникать эпизодически, случайно, а не обитать в них постоянно, что несколько искажает значение исходного текста. В переводе С.А. Врангель обнаруживаем следующий вариант: «Скруджъ вспомнилъ рассказы о томъ, что **появляющіяся въ домахъ привидѣнія** обыкновенно влачатъ за собою цепи» [1]. Такая интерпретация также не совсем верно передаёт значение словосочетания «*haunted houses*» и схожа с более современным вариантом. Интересна интерпретация анализируемого отрезка текста у Н. Пушешникова: «Скруджъ тотчасъ же припомнилъ тѣ рассказы, въ которыхъ говорилось, что въ тѣхъ домахъ, гдѣ водится нечистая сила, появленію духовъ сопутствуетъ лязгъ влекомыхъ цепей» [3]. Если у Т.А. Озёрской и С.А. Врангель словосочетание «*haunted houses*» передаётся всё же близко к оригинальному, то в переводе Н. Пушешникова используется исконно русское устойчивое сочетание «*нечистая сила*», характерное для текста русских народных сказок и повестей Н.В. Гоголя. Отметим, что задача переводчика при передаче квазиреалии – сохранение национально-культурной специфики аутентичного текста в переводе, что не было сделано Н. Пушешниковым в данном случае.

Подчеркнём также, что нами выявлены случаи замены в переводе исконного значения лексической единицы [10, с. 155]. Так, слово “*ghost*», переводящееся, как правило, его русским эквивалентом «*призрак*», в переводном тексте Т.А. Озёрской заменяется сло-

вом «дух»: «*I know him; Marley's Ghost!*» [11, р. 9] – «*Я узнаю его! Это – Дух Марли*» [2, с. 7]. Однако, «дух» – это абсолютно невидимое человеческому глазу существо или явление, а «призрак» способен принимать очертания живого человека, так что этот вариант перевода не полностью эквивалентен аутентичному тексту. Такая же замена исконного значения выявлена и в переводе С.А. Врангель – «*Я узнал его! Это дух Марли!*» [1]. Вариант перевода Н. Пушешникова представлен той же интерпретацией, что и два других: «*Я знаю его! Это дух Марли!*» [3]. Проведённый анализ позволяет утверждать, что все три переводчика не посчитали нужным сохранить исконную семантику лексической единицы «ghost / призрак», не придав значения разнице в коннотациях при использовании лексической замены как переводческого приёма.

Отметим, что в повести Чарльза Диккенса «Рождественская песнь в прозе» ярким выразителем понятия «сверхъестественное» выступают лексические единицы «*spirit / дух*», «*душа / soul*». Обычно понятие «душа» в английском языке передает лексема «*soul*». Существительное «*spirit / дух, душа*» обозначает образ человека после смерти, не видимый людям, но проявляющий активность, например, наделённый голосом. «Душа» же, как обобщённое понятие духовной составляющей в человеке, не относимая к его энергетике после смерти, обозначается в английском языке лексической единицей «*soul*». Сопоставление значения в английском и русском языках убеждает, что в обоих языках коннотации «дух» / «душа» различны, однако лексема «душа» может употребляться

для обозначения духа в мистическом тексте. В аутентичном тексте повести встречаем строки: «*It is required of every man,*» the Ghost returned, «*that the spirit within him should walk abroad among his fellowmen, and travel far and wide...*» [11, р. 11]. В переводном тексте Т.А. Озёрской лексема «*spirit*» также фигурирует как «душа»: – «*Душа, заключенная в каждом человеке, – возразил призрак, – должна общаться с людьми и, повсюду следуя за ними, соучаствовать в их судьбе*» [2, с. 8]. Однако наблюдается некоторое искажение в переводе Т.А. Озёрской: в аутентичном тексте встречаем выражение «*...the spirit... should walk abroad among his fellowmen...*», что переводится, как «*...душе следует бродить среди своих (живых) приятелей...*», но в тексте перевода мы видим несколько иную картину – «*Душа...должна общаться с людьми*». Очевидно, писатель полагал, что душа после смерти человека не постоянно общается с любимыми людьми, незримо обитая рядом с ними, и поддерживая таким образом связь с миром живых. Душа, по предположению Ч. Диккенса, обитает рядом с близкими (родственниками и друзьями), т. е. определённой категорией людей, называемых им «*fellowmen / приятели*», что в переводе никак не отражается. Одновременно с некоторым искажением смысла текста при переводе выявлено и привнесение переводчиком дополнительного значения, отсутствующего в тексте оригинала. Так, в аутентичном тексте используется выражение «*...and travel far and wide...*», т. е. «*...и следовать за ними (живыми приятелями – А.Т.) повсюду...*», но в тексте перевода А.А. Озёрской появляется словосочетание «*...соучаствовать в их судьбе...*» [2].

Добавление этого словосочетания в текст перевода искажает изначальный смысл и звучит поистине фантастично, поскольку *дух*, не имеющий влияния на мир живых после смерти, никак не может участвовать в судьбе своих живых приятелей. Принимая во внимание разницу в коннотациях лексем «*призрак*» и «*дух*» – один видим живым, а другой представляет собой лишь невидимую энергетику усопшего можно утверждать, что, если *духа* увидеть невозможно, а можно лишь уловить его присутствие, он никак не может оказывать влияния на когда-то близких ему людей. В переводном тексте С.А. Врангель встречается несколько иной вариант: «*Отъ каждаго челоуѣка требуется, – отвѣчалъ ему духъ, – чтобъ душа его слилась съ душею его ближнихъ и не отдѣлялась бы отъ нее на всемъ его жизненномъ пути*» [1]. При этом речь идёт о живом человеке, а совсем не о *духе*, после смерти сопровождающем близких, о чём свидетельствует словосочетание «*на...жизненномъ пути*». На наш взгляд, этот вариант недопустим; он искажает замысел автора, заключающийся в

том, чтобы передать устами *призрака* живому человеку информацию о смысле жизни после смерти. Вариант перевода Н. Пушешникова следующий: – «*Такъ должно быть, – возразилъ призракъ, – духъ, живущій въ каждомъ челоуѣкѣ <...> осуждѣнъ скитаться послѣ смерти среди своихъ близкихъ и друзей...*» [3]. В тексте перевода усиливается отрицательная коннотация при передаче конструкции “*should walk abroad / следует бродить*” при помощи словосочетания «*осуждѣнъ скитаться*», что недопустимо, т. к. неверно передаёт замысел автора. Однако в отличие от С.А. Врангель Н. Пушешников подчёркивает, что речь идёт о *душе после смерти*.

Как показывает анализ трёх текстов перевода, наиболее близким к оригиналу можно признать перевод Т.А. Озёрской (1959 г.). По сравнению с двумя другими переводами, в нём выявлено значительно меньше случаев «обеднения» и неверной передачи авторского замысла, опущения и добавления некоторых лексических единиц, несоблюдения принципа сохранения национально-культурного колорита.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе / пер. С.А. Врангель [Электронный ресурс] // Lib.ru [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_wrangel_oldorfo.shtml (дата обращения: 11.03.2016).
2. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе: для среднего школьного возраста / пер. с англ. Т.Озерской. М.: РИПОЛ классик, 2011. 160 с.
3. Диккенс Ч. Рождественская песнь в прозе // пер. Н. Пушешникова [Электронный ресурс] // Lib.ru: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_pusheshnikov_oldorfo.shtml (дата обращения: 11.03.2016)
4. Иванов А.О. Безэквивалентная лексика: учеб. пособие. СПб.: СПГУ, 2006. 190 с.
5. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Флинта: Наука, 2003. 318 с.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ozhegov.su> (дата обращения: 11.03.2016)
7. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре. М.: Высшая школа, 1997. 306 с.

8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru:80/dic.nsf/lower/15294> (дата обращения: 11.03.2016).
9. Фёдоров А.А. Эстетизм и художественные поиски в английской литературе последней трети XIX века. Уфа, 1993. 368 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
11. Dickens Ch. A Christmas Carol in Prose, Password Readers, 1999. 104 p.

REFERENCES

1. Dickens Ch. Rozhdestvenskaya pesn' v proze / per. S.A. Vrangel' [Elektronnyi resurs] [A Christmas Carol in prose / Transl. by S.A. Wrangell [E-source]] // Lib.ru [sait]. [Lib.ru: [website]]. URL: http://az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_wrangel_oldorfo.shtml (request date 11.03.2016).
2. Dickens Ch. Rozhdestvenskaya pesn' v proze: dlya srednego shkol'nogo vozrasta [A Christmas Carol in prose: for secondary school age / Transl. from English by T. Ozerskaya]. M., RIPOL klassik, 2011. 160 p.
3. Dickens Ch. Rozhdestvenskaya pesn' v proze // per. N. Pusheshnikova [Elektronnyi resurs] [A Christmas Carol in prose // Transl. by N. Pushechnikov [Electronic resource]] // Lib.ru: [sait] [Lib.ru: [website]]. URL: az.lib.ru/d/dikkens_c/text_1843_a_christmas_carol_in_prose_pusheshnikov_oldorfo.shtml (request date 11.03.2016).
4. Ivanov A.O. Bezekivalentnaya leksika: ucheb. posobie [Nonequivalent vocabulary: a manual]. SPb., SPGU, 2006. 190 p.
5. Nelyubin L.L. Tolkovyi perevodovedcheskii slovar' [Translation studies dictionary]. Ed. 3rd revised and supplemented. M., Flinta: Nauka, 2003. 318 p.
6. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' [Elektronnyi resurs] [Dictionary [Electronic resource]]. URL: <http://www.ozhegov.ru> (request date 11.03.2016).
7. Tomakhin G.D. Realii v yazyke i kul'ture [Realia in the language and culture]. M., Vysshaya shkola, 1997. 306 p.
8. Ushakov D.N. Tolkovyi slovar' [Elektronnyi resurs] [Dictionary [Electronic resource]]. URL: <http://dic.academic.ru:80/dic.nsf/lower/15294> (request date 11.03.2016).
9. Fedorov A.A. Estetizm i khudozhestvennye poiski v angliiskoi literature poslednei treti XIX veka [Aestheticism and artistic quest in English literature of the last third of the XIX century]. Ufa, 1993. 368 p.
10. Shveitser A.D. Teoriya pereвода: status, problemy, aspekty [Theory of translation: status, problems, aspects]. M., Nauka, 1988. 215 p.
11. Dickens Ch. A Christmas Carol in Prose, Password Readers, 1999. 104 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеева Анастасия Андреевна – аспирант кафедры контрастивной лингвистики Института филологии и иностранных языков Московского педагогического государственного университета;
e-mail: padme-timofeeva@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya Timofeeva – postgraduate at the department of Contrastive linguistics in the Institute of Philology and Foreign Languages of Moscow Pedagogical State University;
e-mail: padme-timofeeva@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Тимофеева А.А. Квазиреалии как средства выражения понятия «сверхъестественное» в повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе» и её переводах на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С. 117–124.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-117-124

CORRECT REFERENCE

A. Timofeeva. Pseudorealia as means of expression of the concept “supernatural” in Ch. Dickens’s novel “A Christmas Carol in Prose” and its translations into the Russian language // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp. 117–124.

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-1-117-124

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

РОМАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ И ЯЗЫКОВОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 21–22 ИЮНЯ 2016 Г.)

Скуратов И.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

ROMANCE CULTURAL AND LANGUAGE HERITAGE: HISTORY AND PRESENT (INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE, JUNE 21–22, 2016)

I. Skuratov

*Moscow Region State University
105005, Moscow, Radio st., 10A, Russian Federation*

21–22 июня 2016 г. в Московском государственном областном университете проходила очередная Международная научная конференция, посвящённая современному состоянию романских языков и их культурному наследию, организованная кафедрой романской филологии.

На конференции были затронуты новые подходы в области фонологии, лексикологии, словообразования, морфологии и синтаксиса, перевода, лексикографии и терминологии, а также представлены результаты интеграции новых информационно-коммуникационных технологий в преподавание романских языков.

В её работе приняли участие известные российские учёные-романисты, а также зарубежные коллеги из Франции, Швейцарии, Бразилии, Румынии, Китая.

В предисловии к опубликованным материалам, подготовленном **П.-А. Дюмоном**, была подчёркнута важная культурная составляющая языка как вектора знаний через призму веков.

В секции **«Фонетические, лексические и грамматические особенности франкоговорящих стран»** был заслушан доклад кандидата филологических наук, доцента С.А. Перевертаевой, в котором автор акцентировала внимание на фоностилистических нормах и их овладении, поскольку именно они вызывают наибольшие трудности у изучающих французский язык.

Заслужил внимание доклад С.М. Кашук в секции **«Цифровые технологии в преподавании романских языков»**. В нем была затронута проблема мультимедиа технологий, которые явились важным шагом в развитии прогресса.

На заседании секции «**Письменное литературное наследие региональных языков**» профессор В.Г. Кузнецов рассказал о явлении галльского субстрата и франкского суперстрата во французском языке.

Наибольший интерес в секции «**Контрастивный анализ и дидактика**» вызвали доклады бразильского ученого Риты де Кассиа Пайва, которая поделилась опытом преподавания испанского языка как иностранного в социокультурном аспекте, а также китайского докторанта Ксиао Люсьена Янга, рассмотревшего преподавание французского языка как иностранного в условиях миграционной политики и уважения культурного достояния родного языка.

В секции «**Лексикография и терминология**» были представлены доклады профессора И.В. Скуратова и профессора И.А. Цыбовой.

Профессор И.В. Скуратов представил слушателям картину новообразований, отражающих современную языковую политику Франции.

Профессор И.А. Цыбова показала на фактическом материале наличие межъязыковых лакун, обусловленных различием языковой картины мира разных народов.

В работе секции «**Романские языки в синхронии и диахронии**» заслужили особого внимания доклады швейцарского ученого Ивона Борде и французского исследователя в области медицины Анн Стреблер.

Ивон Борде, являясь сотрудником Лингвистического Центра имени Люсьена Теньера в Безансоне (Франция), представил таблицу, содержащую перечень основных литературных произведений для французского, испанского, итальянского и португальского языков, необходимых для изучения в зависимости от возраста учащегося и трудностей восприятия иностранного текста.

Анн Стреблер, будучи медиком, впервые в отечественной лингвистике попыталась языком живописи показать специфику современного письма, отличного от эпохи великого Рабле.

В этом ключе заслуживает внимание исследование профессора Е.Н. Михайловой, посвящённое ренессансным описаниям французского языка как особого рода узуального контекста.

На заседании секции «**Морфология и синтаксис**» особый интерес вызвало выступление профессора Н.М. Васильевой, посвящённое особенностям конструкций типа «*Il partit fugieux*», при которой допускаются семантические отношения между глаголом и прилагательным, в современном французском языке.

Доцент Е.А. Ванчикова, развивая проблемы функционального синтаксиса, пришла к выводу о том, что описание предикативного признака возможно при помощи синтаксемы, являющейся минимальной морфологической, семантической и синтаксической единицей.

Профессор Е.Л. Туницкая в своём докладе рассмотрела понятие рамочного компонента (*cadre*), введенное французскими лингвистами, и его отличие от бытующего в когнитивистике понятия «фрейм».

Интересным было выступление доцента А.Б. Чернышова, рассмотревшего датив как глубинную универсальную категорию с присущей ему когнитивной моделью, сформированной выведенными семантическими параметрами.

В секции «**Нарратология**» профессор Т.Ю. Загрязкина представила слушателям доклад, в котором внимание было сосредоточено на эпilingвистическом нарративе как комплексе дискурсивных средств и ценностных установок, связанных с оценкой говорящими своего языка и своей культуры.

Профессор Г.В. Овчинникова посвятила свой доклад вопросам передвижения лингвокультурем из русского языка во французский в межкультурном пространстве.

В выступлении доцента З.Н. Афинской на секции «**Социоллингвистика**» была подчеркнута значимость культурно-мотивированных понятий на примере концепта «гостеприимство».

Логическим завершением стало выступление гражданина Франции Бориса Бербьялля совместно с доцентом Н.В.Поляковой, посвящённое анализу лексики как лингвокультурологической составляющей в деловых переговорах на французском языке.

Очередная конференция ещё раз подтвердила мысль о том, что культурное наследие – феномен, и именно на его сохранение направлена стратегия культурного диалога между странами, относящимися к романской группе языков.

В контексте этой проблемы очень важной представляется проблема языка, наиболее значительная для развертывания феномена «культурное наследие» в философско-культурологическом дискурсе современности и для аутентичности смыслов культурных традиций.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой французской филологии Московского государственного областного университета;

e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skuratov Igor V. – doctor of Philology, professor, head of the French language department of Moscow Region State University;

e-mail: iv.skuratov@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Скуратов И.В. Романское культурное и языковое наследие: история и современность. Международная научная конференция 21–22 июня 2016 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 1. С.

CORRECT REFERENCE

Skuratov I. Romance cultural and language heritage: history and present. International scientific conference, June 21–22, 2016 // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics, 2017, no. 1, pp.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте журнала www.vestnik-mgou.ru.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ЛИНГВИСТИКА

2017. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор И.Н. Филиппова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик Н.Г. Юрышева
Корректор И.К. Глазунов
Компьютерная верстка А.В. Тетерин

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6104); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 9, усл. п.л. 8.

Подписано в печать: 28.02.2017. Выход в свет: 13.03.2017. Заказ № 2017/02-08.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А